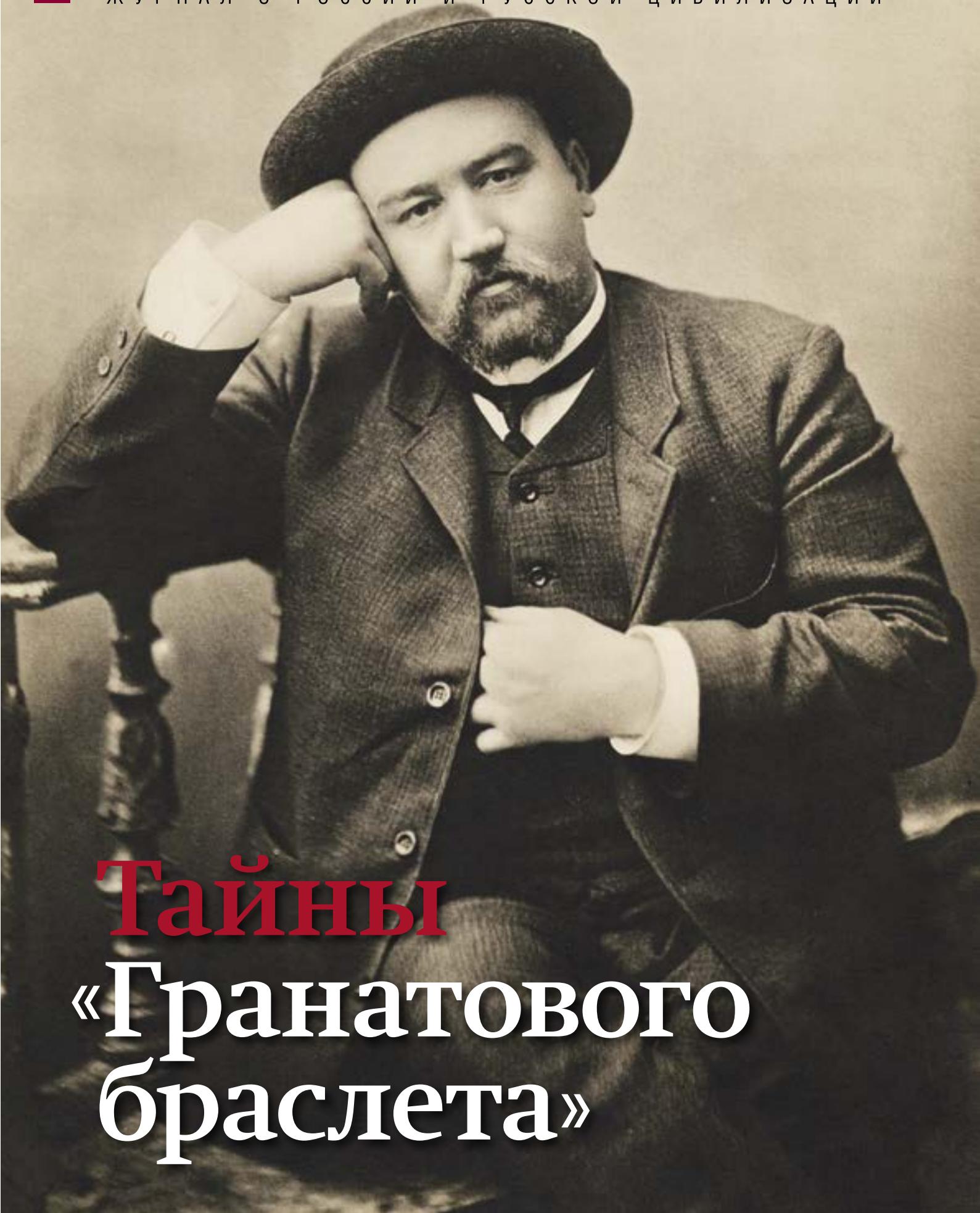

АВГУСТ | 2010

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Тайны «Гранатового браслета»

ХУДОЖНИК И РЕЖИМ

ПОЧЕМУ КУПРИН? – СПРОСИТ ИНОЙ ЧИТАТЕЛЬ, взглянув на обложку нового номера нашего журнала. А почему бы и нет, могли бы ответить мы снисходительно, пользуясь зыбкой привилегией журналистов самим диктовать читателям то, что нынче называется модным нерусским словом «контент»? Но мы не станем пользоваться столь дешевым приемом, попробуем объясняться по части мотивации.

Для кого-то Куприн интересен «Ямой», «Гранатовым браслетом». Но для кого-то, быть может, – нам, во всяком случае, так показалось – он интересен своим возвращением в большевистскую Россию в то время, в которое, по зрелом размышлении политически ориентированного ума, возвращаться бы нормальному человеку со здоровой рефлексией не стоило. Ах нет.

Причем он ведь вернулся не так, как вернулся Горький, он не утруждал себя пропагандистскими поездками по Беломорканалу, он не вступал в компромиссы с восторжествовавшей коммунистической репрессивной реальностью. Ему, собственно, почти и не предлагали. Не выпало, так сказать, возможности. Он не успел. И слава богу, что перед ним не встал во весь рост такой трудный выбор.

Русский писатель Куприн приехал на родину умирать. И этим своим актом – то ли сознательно, то ли несознательно – еще раз дал понять, что все рассказы про так называемую «партийность» искусства на самом деле одна большая ложь. Потому что настоящий Художник может – а подчас и должен – быть выше режима, будучи всегда на прямой линии не с режимом, но с Родиной. Пожалуй, ни одна литература в мире не дала нам столько подтверждающих эту истину примеров, сколько литература русская. Вот вы перечитайте хотя бы Куприна.

**ВЕРБИЦКАЯ
ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

Председатель
попечительского совета,
президент Международной
ассоциации
преподавателей русского
языка и литературы,
президент Санкт-
Петербургского
государственного
университета [01]

[02]

[03]

[04]

[05]

[06]

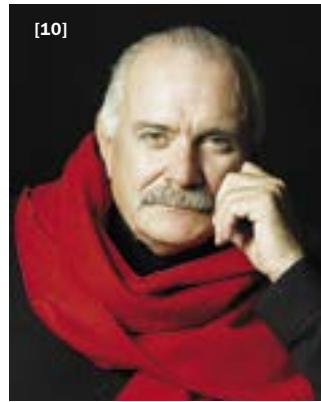
[07]

[08]

[09]

[10]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

**БОГДАНОВ
СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**
Председатель наблюдатель-
ного совета Российского
общества преподавателей
русского языка и литера-
туры, проректор Санкт-
Петербургского государ-
ственного университета [02]

**ВИНОКУРОВ
СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ**
Начальник Управления
Президента Российской Фе-
дерации по межрегиональ-
ным и культурным связям
с зарубежными
странами [03]

**ДЗАСОХОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**
Председатель комиссии
Совета Федерации
по культуре, заместитель
председателя комиссии
Российской Федерации
по делам ЮНЕСКО [04]

**ДОБРОДЕЕВ
ОЛЕГ БОРИСОВИЧ**
Генеральный директор
ФГУП «Всероссийская
государственная телевизи-
онная радиовещательная
компания» [05]

**ИГНАТЕНКО
ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ**
Генеральный директор
ИТАР–ТАСС [06]

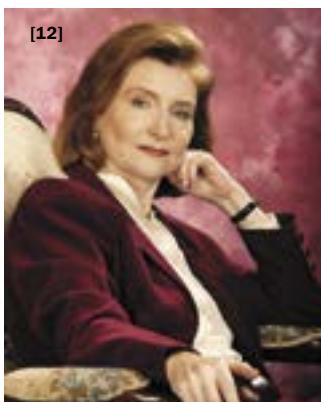
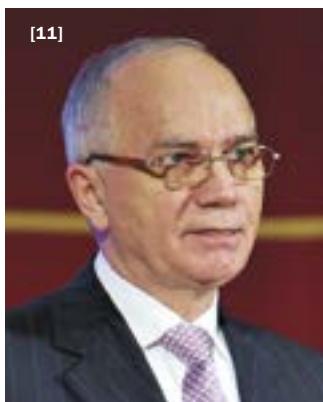
**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ
ВАЛЕРИЕВИЧ)**
Митрополит Волоколам-
ский, председатель Отдела
внешних церковных
связей Московского
патриархата [07]

**КОСТОМАРОВ
ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**
Президент Государственно-
го института русского языка
им. А.С. Пушкина [08]

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ**
Министр иностранных дел
Российской Федерации [09]

**МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**
Президент Российского
фонда культуры [10]

**МУХАМЕТШИН
ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ**
Руководитель Федераль-
ного агентства по делам
СНГ, соотечественников,
проживающих за рубежом,
и по международному гума-
нистическому сотрудничеству
«Россотрудничество») [11]

**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [17]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [12]

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [13]

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [14]

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [16]

**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Первый заместитель
исполнительного
директора правления
фонда «Русский мир» [18]

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Заместитель министра
Министерства
образования и науки
Российской Федерации [19]

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [20]

**ШАРКОВ
АНДРОНИК СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [21]

СОДЕРЖАНИЕ |

[24]

[52]

[16]

[46]

ИТАР-ТАСС

РУССКИЙ МИР

- 06 | И в Еланской,
и в Подольске
08 | Русские
памятники
Прибалтийского
края
10 | «Ура, мы ломим;
гнутся шведы»
13 | Uchimatematiku.ru

ИНТЕРВЬЮ

- 14 | «Многое будет
 зависеть от того,
 как мы будем
 работать мозгами»
16 | Самое главное –
 это любить, а уж
 объект для любви
 всегда найдется

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 20 | Хранитель
ангела

НАСЛЕДИЕ

- 24 | Сколько истин
в Куприне
30 | Тайны
«Гранатового
браслета»
34 | Охотница за
фениксами

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 40 | Повторение
пройденного

СИТУАЦИИ

- 44 | В поисках
покоя
46 | Отпуск
в монастыре
52 | «Послушным
детям вход
воспрещен»

ИСТОРИЯ

- 56 | Как называлась
та война?

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Алексей УРАЗОВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkijmir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

КУЛЬТУРА

- 62** | Виртуоз
66 | «Мы призваны
не править,
а служить»

84 | Английский

классик
с вологодским
акцентом

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 70** | Британский
резерв

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 88** | Уасгергий
и орел-
св. Николай

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 74** | Просто Лариса
78 | Фотограф мира

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

- 94** | Архивисты –
сыщики

И В ЕЛАНСКОЙ, И В ПОДОЛЬСКЕ

**ВСЕГО ДВА МЕСЯЦА РАЗДЕЛЯЮТ ДВА СОБЫТИЯ,
КОТОРЫХ ДОСЕЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НЕ
БЫЛО. 1 ИЮНЯ 2010 ГОДА В СТАНИЦЕ ЕЛАНСКОЙ
ВЕШЕНСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОТКРЫЛСЯ МУЗЕЙ «ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОРЬБЕ
С БОЛЬШЕВИКАМИ». 31 ИЮЛЯ В УСАДЬБЕ
ВЛАДИМИРА МЕЛИХОВА В ПОДОЛЬСКОМ РАЙОНЕ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ НАЧАЛ РАБОТУ МУЗЕЙ,
ЭКСПОЗИЦИЯ КОТОРОГО ПОСВЯЩЕНА БЕЛОМУ
ДВИЖЕНИЮ И СОБЫТИЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.**

ОКОЛО ГОДА НАЗАД «РУССКИЙ МИР.RU» ПИСАЛ о том, что в станице Еланской воздвигнут мемориал Белому казачеству. Мемориал, строительство и уж тем более существование которого вызывает горячие споры как на обывательском, так и на официальном уровне. Гражданская война – это такая штука, после которой трудно договориться, кто прав, а кто виноват. Тут и победители, и проигравшие – все как один пострадавшие.

Год назад мне довелось быть в Еланской. Слышал о том, что строится здание музея прямо на территории частной усадьбы, но, честно говоря, отнесся к этому довольно спокойно. Мало ли на русской земле энтузиастов, открывающих различные экспозиции в собственных домах? И вот теперь, после нового визита в Еланскую, хочется извиниться за неоправданный скепсис перед создателями музея на Донской земле, и в первую очередь перед господином Мелиховым, без усилий которого этот проект не воплотился бы. Да, думаю, и не родился бы на свет даже в виде идеи.

Само собой, Владимир Петрович вряд ли нуждается в запоздалых извинениях столичного гостя. Он, по моему разумению, нуждается сегодня в другом: в общественной поддержке и конкретной помощи со стороны всех, кого история Отечества нашего не оставляет равнодушным. Под поддержкой подразумеваю прежде всего попытку увидеть и понять, а под помощью – пополнение музеиных фондов, квалифицированные советы профессиональных музейщиков, неожиданные решения, дополняющие существующую экспозицию. Если в огромном двухэтажном музейном комплексе в Еланской я увидел бы что-то банально краеведческое, то о поддержке не заикался бы. Есть, как говорится, и есть. Но еланская экспозиция, представленная Мелиховым и его товарищами, настолько серьезна и необычна, что нуждается во внимании в национальном масштабе.

Первый этаж комплекса – это предметы казачьего быта, начиная с лодки-долблени и заканчивая оружием и одеждой. Часть экспонатов стоит на открытом воздухе по той простой причине, что сеялки-веялки в здании музея попросту не поместились бы.

Второй этаж – собственно по теме. Правда, с очень внутренней преамбулой. Целые залы посвящены исто-

рии казачьих войск. Особо выделяются материалы, связанные с периодом Наполеоновских войн и Первой мировой. Ну а дальше уже элементарно подготовленный посетитель может погрузиться в историю Гражданской войны и казачьей эмиграции.

Надо отдать должное создателям музея в том, что при очевидной политической позиции они не превратили экспозицию в иск к Советской власти, не дав ей даже последнего слова. Все слова в виде карт, фотографий, плакатов, книг, артефактов сказаны обеими сторонами. Другое дело, что документы, подписанные красными лидерами в 1918–1920 годах, прямо призывающие уничтожить Донское, Кубанское, Терское и другие казачества, очевидной жестокостью и бесчеловечностью формируют у посетителя ожидаемое отношение к событиям Гражданской войны.

Хватает в музее и материалов, с помощью которых можно попытаться разобраться с природой решения части казачества выступить в годы Второй мировой войны на стороне Германии. Тут до сих пор общественные оценки еще жестче и противоречивее. Но, как говорится, путь к прощению лежит через понимание. Не случайно сам Владимир Мелихов говорит:

– Музейные экспозиции призваны быть не только и не столько «зрелищем для глаза», а стать «пищей для ума». Мы часто слышим – сегодня нам это активно внедряют и в сознание, – что время противостояния ушло, нужно обо всем забыть. Нужно примирение и согласие. Безусловно, согласие в обществе – крайне важно. Но в чем? Примирение возможно в осознании сотворенного зла и в действиях, это зло уничтожающих.

Трудно не согласиться.

Музей Белого движения, только-только открытый в Подольске, это 4-этажное здание, три этажа которого отданы под экспозицию. Значительное место в коллекции занимает современная живопись и скульптура, но первая позиция – за документами и предметами, представляющими время Гражданской войны и Белого исхода. Есть поистине уникальные вещи: фотографии, письма, эмигрантская периодика.

Подольскому музею рано давать оценки. Впереди – «обкатка» экспозиции и, надеюсь, ее пополнение. Но об одном уже сейчас хочется сказать отдельно. До станицы Еланской от Москвы добрых 800 верст, от Ростова – более 400. Ясно, что туда доберутся лишь те, кого тема, представленная в музее, интересует глубоко и всерьез. Вероятно, будут заглядывать и экскурсанты, приезжающие в станицу Вешенскую поклониться Михаилу Шолохову. Это уже совсем рядом – километров 20–25. В остальном – не стоит обманываться.

А вот музей в Подольске – культурно-историческая точка, расположенная на орбите Москвы. И пусть по нынешним временам даже ближнее Подмосковье для столичного туриста – серьезное дорожное испытание, едут, однако, люди и в Архангельское, и в Абрамцево, и в Середниково, и в Мелехово. Едут паломники и на печально известный Бутовский полигон. А это – одно направление. Между стрельным полигоном и музеем Белого движения – всего несколько километров. Более чем символично…

Впрочем, Владимир Мелихов транспортную проблему тоже имеет в виду. Пусть в музей доберутся лишь самые упорные и верные. Для других экспозиции развернутся в виртуальном пространстве. Уже работает сайт, готовится к выпуску диски.

Михаил Быков, фото Екатерины Коптеловой

РУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИБАЛТИЙСКОГО КРАЯ

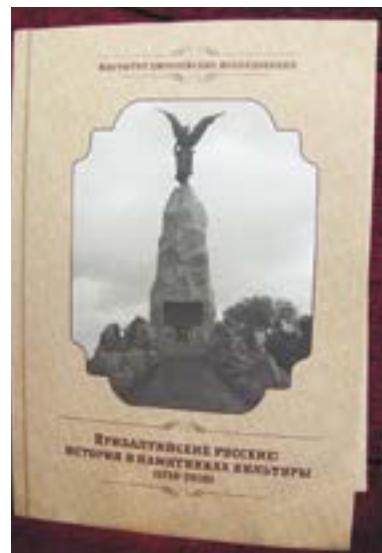
В БАЛТИЙСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ (РИГА) СОСТОЯЛАСЬ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ПРИБАЛТИЙСКИЕ РУССКИЕ: ИСТОРИЯ В ПАМЯТНИКАХ КУЛЬТУРЫ (1710–2010)», КОТОРАЯ УВИДЕЛА СВЕТ БЛАГОДАРЯ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» И ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ. В УНИКАЛЬНОЙ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ КНИГЕ ВПЕРВЫЕ ПОДРОБНО РАССКАЗЫВАЕТСЯ О БОЛЕЕ ЧЕМ 200 ПАМЯТНИКАХ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ, СВЯЗАННЫХ С ЖИЗНЬЮ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЛТИЙСКОГО КРАЯ. ВСЕ ОЧЕРКИ ПРОИЛЛЮСТРИРОВАНЫ СОВРЕМЕННЫМИ И АРХИВНЫМИ ФОТОГРАФИЯМИ, КАК СУЩЕСТВУЮЩИХ ПАМЯТНИКОВ, ТАК И УЖЕ БЕЗВОЗВРАТНО УТРАЧЕННЫХ.

В СБОРНИКЕ ПРЕДСТАВЛЕНА ИСТОРИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ Прибалтики через описание созданных ими на протяжении последних 300 лет памятников и различных объектов материальной культуры – храмов, монастырей, дворцов, инженерных и военных сооружений, заводов, учебных заведений, жилых домов и некрополей. В подготовке 734-страничной книги принимали участие более 50 авторов – краеведы, историки, журналисты, фотографы из Литвы, Эстонии и Латвии.

Описание русских памятников на территории Прибалтики в таком объеме предпринято впервые. Как отметил руководитель проекта, доктор экономики Александр Гапоненко, в ходе работы было выявлено более тысячи объектов культуры, имеющих прямое отношение к жизни прибалтийских русских. В книге представлена только треть всего собранного материала. Работа над дальнейшей систематизацией и описанием русских памятников будет продолжена.

Созданные русскими в Прибалтике культурно-исторические ценности по праву относятся к сокровищам мирового культурного наследия. Тем печальнее, что сохранность этих памятников в Прибалтийском регионе целиком и полностью зависит от политических приоритетов правящих партий. По этой причине были снесены или преданы забвению некоторые памятники русской культуры. Много уникальных исторических объектов пострадало или безвозвратно исчезло во время Первой и Второй мировых войн, поэтому потомкам важно хотя бы сохранить память о них.

Теме утраченных и забытых памятников была посвящена фотовыставка, открытая в Балтийском русском институте в день презентации сборника. Здесь представлено много уникальных архивных фотографий. Например, памятник Екатерине Великой в Вильнюсе, установленный в 1904 году в честь 100-летия со времени присоединения литовских областей к Российской империи (в 1795 году). Высота фигуры (работа скульптора М. Антокольского) с подножием составляла около 3 метров, а всего памятника – 8 метров. Летом 1915 года при приближении немецких войск памятник импера-

трице бережно сняли с пьедестала и вывезли из города. Дальнейшая судьба его неизвестна...

С Литвой связаны имена многих великих русских деятелей. Почти 15 лет здесь в Ковенской (Каунас) губернии служил один из величайших российских реформаторов, Петр Аркадьевич Столыпин. Он был прихожанином местной православной церкви, изучал особенности ведения хуторского хозяйства в Литве, продумывал здесь принципы аграрной реформы. Свое имение он превратил в образцовое хозяйство с многопольным севооборотом и развитым животноводством. После революции в его бывшем имении располагалась детская колония, а после войны – интернат. В наши дни некогда ухоженная усадьба представляет весьма грустное зрелище – здание полуразрушено, окна выбиты, внутри осталась лишь груда камней. В развалинах стоит и усадьба братьев Жемчужных, утрачено имение русских купцов Елисеевых в Эстонии.

Только на редких архивных фотографиях можно полюбоваться прекрасным памятником Петру I, украшившим некогда центральную площадь в Таллине. Церемония закладки монумента была приурочена к 200-летию Полтавской битвы. Торжественное открытие памятника состоялось 29 сентября 1910 года. В 1922 году по требованию эстонских националистов статуя русского царя была демонтирована, а затем разрезана на части. Местная легенда гласит, что нижнюю часть монумента перечеканили в мелкую монету – эстонские сенты, и пошла молва, что ноги Петра продолжают ходить по стране. Печальная участь постигла и рижский памятник Петру I, установленный здесь в том же, 1910 году. Конная статуя российского императора затонула, когда в 1915-м ее на пароходе отправили в Петербург. Судно было торпедировано немецкой подводной лодкой и погибло у берегов Эстляндии. В независимой Латвии конная статуя Петра была восстановлена на личные средства известного рижского мецената и бизнесмена Евгения Гомберга – к 800-летию основания Риги в 2001 году. Но бронзовый Петр всего три дняостоял неподалеку от Рижского порта. И хотя все признавали, что

в Риге нет ни одного подобного монумента и ни одной конной скульптуры, власти города под давлением национально-радикальной правящей партии приняли решение убрать памятник.

Утешает, что второму отреставрированному на средства того же предпринимателя памятнику, российскому фельдмаршалу Барклаю-де-Толли, повезло больше. После шести лет мы

тарств он все же был принят на баланс города и сейчас возвышается недалеко от кафедрального Христорождественского собора. Ригу Михаил Богданович считал своим родным городом. К слову, великому лифляндцу, как часто называли Барклая-де-Толли летописцы и историки, установлено 9 памятников – в Германии, Эстонии, России, Латвии.

– Мы очень рады, что фонд «Русский мир» поверил в наши силы и поддержал наш проект, – отметил на презентации книги А. Гапоненко. – Без его участия реализация проекта вряд ли была бы возможна. Работа над книгой длилась два года, мы спешили приурочить ее к 300-летию включения Лифляндии и Эстляндии в состав России. Я уверен, культурное значение этого проекта выходит далеко за рамки отдельной исследовательской работы. Это наш аргументированный ответ на беспочвенные утверждения некоторых балтийских политиков о чуждости и «пришлости» здесь русского населения и русской культуры. Издание будет распространено по библиотекам стран Балтии и учебным заведениям. С выходом уникального издания его авторов поздравил советник-посланник российского посла в Латвии Андрей Скачков, он же предложил перевести книгу на другие языки и подать заявку на участие проекта в программах ЮНЕСКО по сохранению памятников мировой культуры.

Алла Березовская [Рига]

«УРА, МЫ ЛОМИМ; ГНУТСЯ ШВЕДЫ!» **В ЛАТВИИ ШИРОКО ОТМЕТИЛИ 300-ЛЕТИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РИГИ И ЛИФЛЯНДИИ К РОССИИ.**

ИЮЛЬ В ЛАТВИИ СТАЛ САМЫМ ЖАРКИМ Месяцем не только из-за 35-градусного температурного рекорда, но и по количеству мероприятий, посвященных событиям в истории России. 10 июля сотни рижан – представителей русских общественных организаций Латвии – по традиции сбились на острове Луцавсале у памятника 400 псковским гренадерам, героически погибшим при защите Риги в 1701 году в битве с полуторатысячным отрядом шведской армии. К монументу героям Луцавсалы, возведенному на острове в 1891 году, возложили венки и цветы депутаты Сейма и Рижской думы, представители посольства РФ. В этом году впервые в почетный караул у подножия памятника встали петровские гренадеры и солдаты армии Карла XII – участники международного военно-исторического фестиваля «Дюнамюнде-2010», состоявшегося в эти дни в Риге. По случаю 300-летия присоединения Лифляндии и Эстляндии к России на торжественной церемонии, проходившей на Луцавсале, были вручены памятные медали и дипломы рижским бизнесменам, благодаря помощи которых удалось привести в порядок памятник отважным русским воинам. В рижском Доме Европы в эти же дни собрались историки, эксперты, сотрудники музеев и журналисты из Латвии, России, Швеции, Литвы, чтобы принять участие в дискуссии «Великая Северная война: исторические и культурологические аспекты в Балтийском регионе». Ведущий российский специалист по странам Скандинавии, доктор исторических наук Вадим Рогинский (Институт всеобщей истории РАН) подчеркнул, что Северная война, шедшая с 1700 по 1721 год, не была локальным двухсторонним конфликтом, в нее были втянуты помимо России и Швеции почти все государства Северной Европы. Ее итоги, отметил историк, обычно сводятся только к Ништадтскому мирному договору, по которому в состав Российской империи вошли Лифляндия и Эстляндия, что не совсем верно отражает реальную картину. Эта война положила начало

долгосрочному процессу перестройки и перекрошки всей политической карты Северной Европы, где до этого фактически существовало две империи – Дания и Швеция. После поражения Швеции в Северной войне в стране рухнул абсолютизм и на долгие годы утвердился сословный парламентаризм. Швеция перестала быть великой державой. Война привела к серьезным изменениям и в статусе самой России: Петр I получил титул императора, а Россия стала именоваться Российской империей. Это название просуществует до 1917 года.

Что касается стран Балтии, то тема Северной войны и ее влияния на дальнейшее развитие балтийских государств остается здесь пока малоизученной. Почему? На этот вопрос попыталась ответить доктор географических наук из Латвийского университета Инесе Стуре. Она отметила, что в результате военных действий в Балтийском регионе было разрушено более 100 замков, почти полностью стерт с лица земли город Алуксне. По мнению латвийского эксперта, эти «чужие победы и сражения ничего хорошего Латвии не принесли». Наверное, именно этим можно объяснить отношение властей к памятникам того времени – из 7125 объектов культурного наследия прошлого, находящихся под охраной латвийского государства, нет ни одного, относящегося к Северной войне.

И кресло шведского короля

А вот по мнению сотрудницы Музея истории Риги и мореходства Ингриды Миклавы, Латвии есть чем гордиться. Хотя бы уникальными гравюрами, на которых изображены осада Риги во время Северной войны и штурм крепости Дюнамюнде. В коллекции музея хранятся великолепные портреты исторических деятелей той эпохи, есть интересный и малоизвестный портрет маслом Петра I, богатая коллекция мемориальных медалей и флагов, серебряные кубки с изображением исторических сражений. Гордость музея – старинное кожаное кресло с монограммой Карла XII. Сидя именно в этом кресле, увенчанном пышным балдахином, фельдмаршал Борис Шереметев ровно 300 лет назад принимал капитуляцию Риги. Об июльском сражении с форсированием Даугавы – битве при Спилве – рассказал известный рижский историк Олег Пухляк. Согласно его гипотезе, шведы для переправы своих войск впервые в мире использовали

плавучие крепости-дебаркадеры. Можно сказать, что именно в Риге в ходе Северной войны зародилась морская пехота и ее флот. По мнению Олега Пухляка, у лугов Спилве, по дороге к крепости Дюнамонде, вполне уместно выглядел бы памятник прадедушке десантных судов. Туристам – в радость, рижанам – в гордость.

Об исторических мифах, связанных с той эпохой, дискутировали и другие участники круглого стола. Представитель Института истории Литвы Чесловас Лауринаевичус согласился со своими коллегами, что сегодня эти мифы нас больше разделяют, чем связывают. И в литовских работах историков и писателей преобладают, как отметил ученый, враждебные оценки по отношению к России. Но это, по его мнению, не отвечает требованиям современности: «Нам, историкам, следует отходить от предвзятого и однобокого отношения к России, но и российская сторона должна учитывать нашу негативную реакцию на имперские взгляды».

Организатор мероприятия с латвийской стороны – председатель общественного фонда Amber bridge Baltic fonds Андрей Яковлев – предложил рассматривать войны не только в политическом аспекте, но и как исторические события, которые спустя сотни лет могут способствовать сближению народов в области культурного и экономического сотрудничества, а также в сфере туризма. Идею поддержали и российские организаторы проекта – российский общественный фонд «Янтарный мост» Института Балтийской цивилизации. Как отметил его президент Юрий Сизов, целью подобных встреч является преодоление взаимного недоверия и негативных стереотипов между нашими народами.

Через 20 минут – война!

После завершения дискуссионной части участники «Янтарного моста» плавно перебрались в самый отдаленный микрорайон Риги – в Болдерую. Здесь на развалинах Усть-Двинской крепости, которая в 1701 году называлась Дюнамонде, собрались тысячи рижан и гостей города, чтобы посмотреть исторические реконструкции, восстанавливающие события пяти эпох – во времена викингов, средневековых рыцарей, Северной войны, Наполеоновских войн и сражений Первой мировой.

Для участия в грандиозном фестивале, названном «Дюнамонде-2010», в Ригу приехало более 300 участников военно-исторических клубов из семи стран, в том числе из России, Швеции, Финляндии, Польши, Германии. Несмотря на жару, при полном облачении,

со всей положенной амуницией и собственной техникой свои военные лагеря на холмах разбили и наполеоновские пушки, и крепкие лучники, и гренадеры лейб-гвардии Преображенского полка армии Петра Великого, и шведские мушкетеры, и прусские драгуны, и солдаты царской армии периода Первой мировой войны. От этого фантастического смешения времен и народов глаза, конечно, разбегались. С раннего утра на территории старинной крепости началась подготовка к показательным выступлениям исторических клубов. Среди приехавших на фестиваль воинов было немало женщин, одетых в основном в платья маркианток, но встречались дамы и в военном обличье.

– Мы – прусаки, – охотно пояснила улыбающаяся светловолосая женщина, одетая в белую униформу прусского артиллериста. Лоретта Элеркене – учитель истории из Клайпеды, бывшего некогда городом Мемелем. – Наш клуб исторической реконструкции был создан 9 лет назад. Среди нас много студентов, старшеклассников, все мы любим путешествия, приключения и, конечно, историю. Мы уже участвовали в Бородинских театрализованных сражениях, были на Аusterлице, в Польше, Германии. Сегодня во время штурма крепости будем воевать на стороне шведов. Почему? Да просто их сюда мало приехало – из Эстонии пара «шведов» и трое из Финляндии, надо поддержать. Все-все, больше говорить некогда: через 20 минут у нас война!

Женщина убегает к пруссакам, которые столпились у трехфунтовой пушки, готовясь к артобстрелу крепости. А мы подходим к высокому солидному мужчине с шикарными усами, одетому в форму бойца Первой миро-

вой войны. Он явно не собирается на боевые сражения Северной войны, но с интересом наблюдает за подготовкой в лагере петровских гренадеров. Боец на поворку оказывается преподавателем Латвийской морской академии Георгом Куклисом-Рошманисом, а в свободное время – прапорщиком сверхсрочной службы 1-го Усть-Двинского Латышского стрелкового полка.

– Когда-то полк, который я представляю, дислоцировался именно в этой крепости, – рассказал Георг. – Сформирован он был в 1915 году по инициативе интеллигенции Риги, которая обратилась к царю за разрешением на формирование национальных частей из числа добровольцев, желающих послужить России. Указ был подписан, приток новобранцев оказался таким большим, что вскоре было сформировано 8 полков. Латышские белые стрелки (не путать с красными!), воевавшие в Первую мировую на стороне России против германцев, показали себя храбрыми и верными бойцами.

Знак латышского стрелка, награды за выслугу лет и медаль по случаю 300-летия Дома Романовых, украшавшие форму усть-двинского прапорщика, когда-то принадлежали предкам Георга, чем он очень гордится. Рижский клуб военных реконструкций «Редут», который он представлял на фестивале, объединяет несколько десятков человек самых разных профессий. «Это очень полезное и увлекательное хобби, – заверил правнук латышского стрелка, – всегда интересно заглянуть в свою историю и даже поучаствовать в ней. У нас в клубе занимаются люди разных национальностей, здесь латыши и русские всегда вместе – плечом к плечу, как когда-то было в царские времена. Думаю, нашим политикам многому можно было бы у нас поучиться».

Гrenадеры, вперед!

Тут раздались оглушительные выстрелы и взрывы – начались показательные выступления и конкурс воинской подготовки. Жюри оценивало строевую подготовку бойцов, приемы обращения с оружием, слаженность действий при стрельбе и внешний вид участников. Самыми лучшими бомбардирами себя показали артиллеристы из Литвы и Польши, а самыми артистичными – шведы из Финляндии и Выборга. Они продемонстрировали публике знаменитую шведскую атаку со штыками и шпагами.

Корреспонденту «Русского мира.ru» сразу после стрельбы лично довелось подержать в руках тяжеленный – 6,5 килограмма! – шведский мушкет. Так вот, до его ствола дотронуться было просто невозможно, так он был раскален! Но отважные воины даже глазом не моргнули!

Затем свое мастерство показали солдаты армии Петра I. Принимая во внимание форс-мажорную жару, им было разрешено снять зеленые мундиры, оставив только красные камзолы. Помимо кремневого оружия русские гренадеры продемонстрировали круглые ручные гранаты, обращаться с которыми в те годы доверяли лишь самым смышенным солдатам. Строгое жюри высоко оценило действия как шведских воинов, так и их русских противников.

Ну а потом началась война, вернее, реконструкция одного из эпизодов июльских событий 1710 года, когда после 8-месячной осады петровские войска взяли Ригу и крепость Дюнамюнде. Как считают историки, это было одним из кульминационных сражений в ходе Великой Северной войны, которое можно сравнить со знаменитой битвой под Полтавой. Ибо здесь тоже шведы гнулись под интенсивными атаками и беспрерывными обстрелами русских. Спустя 300 лет на этом же месте их потомки показали, как это было. Поле брани очень быстро покрывается дымом и павшими бойцами. Юные маркитантки в редкие минуты затища на тележках вывозят «раненых» и «убитых». Солдаты Преображенского полка все дальше продвигаются вперед, то и дело вступая в рукопашную с противником. Но шведы отступать не торопятся, боятся яростно, до последнего патрона. И все же – против истории не пойдешь! – вскоре крепость сдается на милость победителя. Ура, конец войне!

Судя по радостным возгласам победителей и проигравших историческую битву у Дюнамюнде, исходом июльского сражения-2010 все остались довольны. А на следующий день состоялось парадное шествие участников военно-исторического фестиваля по улицам Старой Риги, к огромной радости многочисленных туристов, обрадованных неожиданным появлением в центре города колоритных персонажей из нашей общей истории. Праздник удался на славу! ☺

Алла Березовская [Рига]

UCHIMATEMATIKU.RU

«УЧИ МАТЕМАТИКУ!» – ИМЕННО ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ПРОЕКТ, КОТОРЫЙ УЖЕ ОБЪЕДИНИЛ 16 ТЫСЯЧ ЛЮБИТЕЛЕЙ И ЗНАТОКОВ «ЦАРИЦЫ НАУК». БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ИЗ НИХ СОСТАВЛЯЮТ НЫНЕШНИЕ ШКОЛЬНИКИ, КОТОРЫЕ, КАК ОКАЗАЛОСЬ, ТЕПЕРЬ МЕЧТАЮТ НЕ ТОЛЬКО О ПРОФЕССИЯХ ЮРИСТА ИЛИ ЭКОНОМИСТА, НО И ИНЖЕНЕРА И ПРОГРАММИСТА.

Mодернизация российской экономики порождает повышенный спрос на квалифицированные кадры. Компания «Ситроникс», организатор проекта, создала портал www.UchiMatematiku.ru («Учи математику!»), чтобы школьники и студенты по-новому взглянули на эту базовую дисциплину. И, что немаловажно, поняли, какие перспективы открываются сейчас перед специалистами технических профессий.

Для самых же талантливых юных математиков в рамках перекрестных Годов России во Франции и Франции в России была проведена международная олимпиада имени Ферма. В первом туре приняли участие 4000 школьников и студентов. А окончательные победители определились в третьем: по девять человек от каждой страны.

Российские юные лауреаты математической олимпиады среди прочего были премированы и поездкой во Францию. И если Париж – город, где их награждали в российском посольстве, то Гренобль – это место встречи с французскими победителями олимпиады. Гренобль был выбран не случайно, ведь именно там находится

один из самых известных французских технопарков. А французские инженеры и конструкторы с удовольствием пообщались с теми, кто планирует выбрать в жизни эти столь почитаемые во Франции и столь недооцениваемые в России профессии.

Поэтому новый этап проекта «Учи математику!», который начнется в сентябре 2010 года, получил новый подзаголовок: «Учи математику! – Стань инженером». Пока в России менее 10 процентов выпускников школ мечтают об этой профессии, а во Франции более 30 процентов учащихся колледжей хотели бы стать инженерами. И если мы придем к такому же показателю, который вполне совпадает с предпочтениями школьников Советского Союза, то кадровый потенциал программы модернизации российской экономики будет обеспечен.

Вера Медведева [Париж]

«МНОГОЕ БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ ОТ ТОГО, КАК МЫ БУДЕМ РАБОТАТЬ МОЗГАМИ»

В конце июня 2010 года исполнилось три года со времени подписания указа президента РФ о создании фонда «Русский мир». В этой связи исполнительный директор фонда Вячеслав Никонов поделился с журналом «Русский мир.ru» своими оценками прошедшего периода, а также видением того, что и как еще предстоит сделать фонду в будущем.

Что, на ваш взгляд, удалось сделать за это время, каковы главные итоги работы за три года?

— Главное, чего удалось достичь: фонд работает, причем достаточно слаженно. Решены самые сложные вопросы, которые возникали в самом начале, связанные с юридическими основами нашей деятельности, с осуществлением грантовых программ в условиях, когда по российскому законодательству под грантами традиционно подразумевалось «то, что приходит из-за границы». Мы же сами грантодавшая организация, притом основная часть наших грантополучателей — это наши зарубежные соотечественники. Так что нам в этой связи пришлось решать весьма сложные юридические и процедурные вопросы.

Наложены каналы взаимодействия с партнерами, выработана некая идеология деятельности фонда. Мы поняли для себя — во всяком случае, гораздо яснее, чем изначально, — что такое Русский мир, где он, что ему интересно. Мы научились создавать

Русские центры за рубежом. Недавно открыли пятьдесят пятый по счету — в Гронингенском университете Нидерландов, одном из старейших в этой стране. В течение последнего года запустили программу Кабинетов Русского мира — облегченных центров, которые сейчас создаются достаточно быстро по всему миру. Мы также приступили к реализации программы «Профессор Русского мира», в рамках которой начали отправлять преподавателей русского языка туда, где их нет или почти нет, ориентируясь на запросы зарубежных университетов.

В интернет-пространстве главное достижение этого года — создание собственной социальной сети «Русского мира», которая сейчас уже запущена в тестовом режиме и имеет шанс стать глобальной.

Важно, что мы всколыхнули души большого числа людей в большом количестве стран. И этот огромный Русский мир с гораздо большим, чем еще год-два назад, интересом смотрит в нашу сторону. И вот этот Русский мир видит, что от нашего фонда можно даже дождаться реаль-

ной поддержки, заполучить нас в качестве партнера по организации серьезных международных акций. Число людей на планете, которые начинают изучать русский язык, говорить по-русски, увеличивается. По крайней мере, налицо рост по сравнению с 90-ми годами. О нас знают во всем мире. В том числе благодаря нашему сайту, журналу. Журнал «Русский мир.ru», по общему мнению, становится все более интересным, содержательным.

С разных сторон мы получаем разные оценки. Они бывают порой весьма критическими, а часто выглядят как позитивные и даже комплиментарные. Во всяком случае, на нас все чаще обращают внимание — от средств массовой информации до зарубежных спецслужб. Впрочем, мы уже смотрим на это спокойно, привыкли.

— Какие акции фонда вы бы выделили особенно?

— Прежде всего это год 65-летия Победы. В нашей акции «Память сердца» приняли участие тысячи людей со всей планеты, при их участии мы начали создание постоянно действующего архива памяти, который объединит и воспоминания, и артефакты Великой Отечественной войны, сохраняемые в семьях наших соотечественников во всем Русском мире по всей планете.

Мы внесли достаточно серьезный вклад в экспертное обеспечение российской внешней политики, хотя это не является нашей главной уставной задачей. Но, поддерживая экспертный диалог с довольно большим количеством стран, мы тем самым способствуем поддержанию и диалога культурного.

— Если вернуться на три года назад... Вы представляли себе, что будет именно так? И каким вы видите фонд, допустим, через пять лет или десятилетие?

— Ну, об этом очень сложно говорить. Даже еще два года назад я не представлял тех масштабов, которые будут. Пока достигнутое пре-восходит ожидания. Динамика развития хорошая, но все будет зависеть от нашей работы, от нашей изобретательности, креативности. Говорить, что все зависит от бюджета

та, нельзя. Есть, например, проекты с небольшим финансированием или вообще не требующие вложений, тем не менее дающие очень хороший результат. Здесь многое будет зависеть от того, как мы будем работать мозгами, насколько будем изобретательны, что еще сможем предложить. Будем дальше смотреть, думать.

Новых вопросов и тем хватает. Например, на каком языке будет говорить Сколково? Тоже вопрос. Если английский, то это, наверное, неправильно. Поэтому, вероятно, нам надо предпринять усилия, чтобы в инновационной сфере – по крайней

мере, в нашей стране – звучал русский язык. Вот это направление мне тоже представляется очень интересным. Создание Русского центра в Люцерне (где коллайдер установлен), Русского центра в Силиконовой долине и Русского центра по изучению русского языка для ученых из других стран в Сколково, думаю, станет правильным вкладом нашего фонда.

Следующий год – это год, который у нас пройдет под девизом «Первый в космосе». Русский язык был первым, который прозвучал в космическом пространстве, и пятьдесят лет полету Гагарина – это, ко-

нечно, событие, которое заставляет нас задуматься о новой глобальной акции.

– А по поводу выделения фонду дополнительных средств что можете сказать? Госдума незадолго до канукул утвердила в третьем чтении солидную добавку фонду, в полтора раза увеличивается бюджетное финансирование...

– На Всемирном конгрессе соотечественников 1 декабря 2009 года президент Дмитрий Медведев дал высокую оценку работе фонда «Русский мир» и заявил о намерении увеличить финансирование нашего фонда. И сейчас мы можем с благодарностью констатировать, что президент свое слово сдержал. Действительно, финансирование увеличивается, и это открывает для нашей работы новые возможности. Мы смелее смотрим в будущее и решительнее продвигаем наши проекты, тем более что сейчас появилось несколько новых окон возможностей, а также идей, как эти возможности, проекты реализовывать. Прежде всего огромное окно – это Украина, где при Ющенко осуществлять там свою деятельность нам было практически невозможно. Сейчас, конечно, ситуация в российско-украинских отношениях меняется.

Да, еще один момент следует отметить. Фонд в течение последнего года заметно активизировал взаимодействие с конфессиями. И я считаю это очень важным. Подписан договор с Русской православной церковью, в рамках которого уже многое сделано и делается. Мы также профинансировали замечательное электронное издание Корана на русском языке в тонком поэтическом переводе Валерии Иман Порожовой. И будем продолжать в этом направлении действовать, взаимодействовать со всеми нашими традиционными конфессиями.

– Какие-то еще карты можно раскрыть?

– Нет. Больше никаких карт пока не раскрою. Будем работать, так что о наших новых делах и проектах люди будут узнавать по мере того, как мы станем их начинать и реализовывать. ●

Беседовал Евгений Верлин

САМОЕ ГЛАВНОЕ – ЭТО ЛЮБИТЬ, а уж объект для любви всегда найдется

Ее голосом говорила героиня Барбары Брыльской в «Иронии судьбы», она из дурнушки превращалась в элегантную женщину в «Зигзаге удачи», ее управдом из «Афони» была самой трогательной из всех советских управляющих. Валентина Талызина переиграла в кино и театре более сотни самых разных ролей. О женщинах, любви и любимой профессии с народной артисткой России беседует корреспондент «Русского мира.ру».

Вы участвовали в создании фильма «Женщины в жизни Ивана Бунина», а ранее сыграли жену Льва Толстого. И жена Бунина, и жена Толстого были достаточно несчастными. Как вы для себя решили: должна ли женщина полностью растворяться в талантливом муже или это слишком опасно?

– Со стороны их жизнь, может, и выглядит несчастной, но ведь этиими женщинами двигала любовь. Например, Вера Николаевна так любила Бунина, что говорила: «Пусть он будет с Галиной, если ему с ней хорошо». Если женщина любит, то она и горы свернет, и все перетерпит. А уж если не любит, то либо как Анна Каренина под поезд, либо просто уходит, ничего не забрав. Мне кажется, женщины тоньше, чем мужчины, и более волевые. Ведь именно женщины – созидательницы, они рожают и воспитывают детей. И уж если женщина любит по-настоящему, то любит без оглядки. Немало жен известных писателей уходили от своих мужей, поскольку не могли мириться с какими-то вещами, а может, недостаточно их любили. А вот Софья Андреевна, когда умер Лев Толстой, в ноябре прыгала

в пруд, поскольку не хотела больше жить. Она обожала своего Левочку. Он у нее был первым и единственным мужчиной.

– Что-то во всем этом есть мазохистское, ведь сколько боли он ей причинил.

– С одной стороны, это так. Но не забывайте, что он и поставил ее рядом с собой. Именно она пять раз переписала «Анну Каренину» и семь раз «Войну и мир». Софья Андреевна ощущала, что Лев Николаевич без нее просто не может. Она была первой читательницей его книг и главной советчицей. Анна Каренина списана с ее родственницы. Софья Андреевна совершенно справедливо считала себя необходимой мужу, и это придавало ей сил пережить многие тяжелые моменты. Это уже мы, потомки, забываем, что сделали жены многих известных писателей, и помним только их унижения. Но они-то считали, что у них – особая миссия в жизни, эти женщины полагали, что без их поддержки мужья столького не добились бы. И зачастую так оно и было.

– Вера Николаевна, жена Бунина, тоже натерпелась в жизни. Приняла начинающую поэтессу Галину, которая потом Бунину изменяла даже

не с мужчиной, а с женщиной. Такое тоже нужно прощать?

– Мне кажется, Вера Николаевна даже и не вдавалась в эту ситуацию. Только Бунин понял, что произошло. Но кто сейчас помнит Галину Кузнеццову? Никто. А Веру Николаевну помнят. Она похоронена рядом с Буниным на Сен-Женевьев-де-Буа. Когда мы снимали фильм «Женщины в жизни Ивана Бунина», то нашей съемочной группе первой удалось снять виллы «Бельведер» и «Жанетт», где жили Бунины. Мы еще застали в живых женщину, которая у них убиралась. Она помнила тот день, когда в 1939 году пришло известие о том, что Бунин получил Нобелевскую премию по литературе. Эта пожилая женщина нам рассказывала, как много пили шампанского в тот день и как радовалась Вера Николаевна за своего мужа. Поэтому, несмотря ни на что, мне кажется, они любили друг друга и были счастливы своей любовью.

Иногда можно даже позавидовать таким отношениям. Мне, например, Бог не дал любви на всю жизнь. А ведь даже среди артистов, которые считаются ветреными натурами, есть потрясающие примеры, когда люди по сорок-пятьдесят лет вместе! Мне кажется, такие пары – это что-то необыкновенно прекрасное.

– Такой же нетривиальной, но любящей парой были Мережковский и Зинаида Гиппиус, о которых вы делали телефильм. Они всем всегда говорили про свободные отношения, а потом оказалось, что сами не расставались практически ни на день. И когда Мережковского не стало, Зинаида сказала: «Моя душа умерла, осталось умереть только телу».

— Действительно, они постоянно играли в свободные отношения, а сами были не разлей вода, любили только друг друга. Конечно, Зинаида делала в жизни глупости, у нее были какие-то временные влюблённости, но Мережковский был не просто ее мужем, он был духовным единомышленником. Единственный раз она с ним категорически не согласилась, когда во время Второй мировой войны он вначале выступил за немцев и против коммунистов, поскольку считал, что таким образом борется за прежнюю Россию. Зинаида Гиппиус произнесла тогда: «Боже мой, что он наделал! Мы погибли». Конечно, «погибли» не физически, а духовно. Так что она при всей любви к нему вовсе не была полностью подвержена его влиянию и осудила за то, что он выступил против России, когда на нее напал враг.

— Так в чем рецепт женского счастья: все время прощать или играть, делая вид, что все равно?

— Мне кажется, если все неискренне, то все равно долго это не продлится, как ни старайся. Если есть сила чувств, то семья сохранится, а если нет, то вся игра ни к чему не приведет.

— Сейчас возрастных ролей в театральных пьесах все меньше и меньше. В каком спектакле вас сегодня можно увидеть?

— Есть постоянно идущий спектакль «Госпожа министерша», в котором у меня очень интересная роль. Причем благодаря этому спектаклю я продолжаю открывать для себя нашу страну, ведь мы его играем по всей России. Например, совсем недавно мы были в Перми и городе Воткинске, где родился Чайковский. Я только сейчас узнала, что, оказывается, у Петра Ильича мама была француженка. Русский папагенерал и мама-француженка. Получается, я и по России путешествую, когда играю свой спектакль, и от него самого получаю колоссальное наслаждение. Для меня нет большего удовольствия в жизни, чем видеть, как хохочут зрители в зале. А роль у меня очень актуальная по нынешним временам. Жила-была нормальная женщина, занимала

ИНТЕРВЬЮ | ВАЛЕНТИНА ТАЛЫЗИНА

деньги у соседей, когда было тяжело, и мечтала, чтобы муж пробился в политику и бизнес. Наконец, это произошло, но у нее от внезапно появившейся власти просто «крыша поехала». Зрители принимают эту пьесу на ура, поскольку много узнаваемых моментов, да и написано все очень живо.

— Некоторые современные сериалы так опустили профессиональную планку, что теперь любые добрые произведения смотрятся очень выигрышно на их фоне. А вы в сериалах снимались?

— Я играла в сериалах «Исцеление любовью» и «Линии судьбы». Как мне кажется, они неплохие. В последнем мы работали вместе с Андреем Краско. Моя героиня — женщина, которая сдает комнаты внаём, а персонаж Краско, грузин, всячески изображает, что в нее влюблен. Она, наивная, и поверила.

— В любом возрасте женщине хочется верить в любовь. И все-таки надо верить или подходить к этому чувству с опаской, чтобы не оказаться потом обманутой?

— Думаю, надо верить. И любить. Причем любить вообще, если уж не получилось встретить мужчину своей жизни. Когда мы с мужем разошлись, то я больше не вышла замуж, поскольку думала: «А как какой-то посторонний мужчина будет находить общий язык с моей дочерью, с моей мамой?» Да и кандидаты в мужья, к сожалению, попадались хоть и неплохие, но пьющие. Но разве от этого в моей жизни стало меньше любви? Я люблю свою дочь, обожаю внучку, она может из меня вить веревки. Я люблю своих четырех котов. Люблю своих подруг. Самое главное — это любить, а уж объект для любви всегда найдется.

— У вас голос — просто ходячий образец для любого педагога по профессиональному мастерству. Так было всегда или же это результат тренировок?

— Голос дала природа, хотя с произношением пришлось много повозиться, поскольку я проглатывала гласные, такой у нас был говор в совхозе. Зато на наших сибирских просторах можно было кричать как хочется, наверное, потому и выработался сильный голос, который потом при-

годился на сцене. До театрального училища я хоть и могла громко разговаривать, но практически не пела. Когда же я попала к педагогу Галине Петровне Рождественской, родной тете нашего знаменитого дирижера, то угрюмо сказала ей: «У меня нет ни слуха, ни голоса». А она мне ответила: «Нет таких людей, чтобы не было

Вообще, в этом фильме благодаря Юре у нас многое получилось. Например, когда записывали песню «На Тихорецкую состав отправится...» мы с Лией Ахеджаковой все время перевирали ноты. У Лии со слухом проблемы и у меня тоже. В результате, когда мы первый раз запели, вся съемочная группа про-

РИА НОВОСТИ

Валентина
Талызина и Евгений
Евстигнеев
в кинокомедии
«Зигзаг удачи»

голоса и слуха». И уже через полтора месяца я у нее пела романсы Бетховена. Она же, кстати, заставляла меня учить французский, поскольку считала, что очень плохо, когда человек не знает ни одного иностранного языка. А я все отлынивала. И только сейчас, на семьдесят четвертом году жизни, вместе с внучкой решила всерьез заняться французским.

— В «Иронии судьбы» вы озвучивали героянью Барбары Брыльской и одновременно роль подружки. Причем голоса-то получились совершенно разные. Где вы говорили своим настоящим голосом?

— Конечно, когда озвучивала роль Нади. А для подружки пришлось меняться. На этом фильме звукорежиссером работал Юра Рабинович, настоящий мастер. Он мне сказал, что для озвучивания подружки «нужно себя огрубить». Я это сделала, потому-то голоса настолько не-похожи.

сто умирала от хохота. Это уже потом Юра из шести дублей собрал и сделал песню, где мы попадали в ноты.

— При всем уважении к Барбаре Брыльской нужно признать, что ваш голос очень добавил ей очарования. Ее красота — достаточно холодная, и она производит впечатление женщины, которая всегда четко действует в жизни. И именно голос придал ей ту мягкость, которой, может быть, не хватало.

— Однако после съемок она сказала: «И что такого сделала Талызина? Ничего особенного. У нас голоса похожи».

— Иногда думаешь: «Счастливые женщины. Так себя любят». Похоже, вы тоже не из этой категории?

— Честно говоря, нет. Всегда нахожу в себе какие-то недостатки, всегда волнуюсь на выступлении. С другой стороны, почему говорят, что одни из самых красивых женщин — это русские? Да потому, что у нас душа другая. А это и на лице отражается.

— Какими своими ролями вы особо дорожите?

— У меня потрясающая роль в первом фильме Сергея Бодрова, «Не-

ИТАР-ТАСС

ВАЛЕНТИНА ТАЛЫЗИНА | ИНТЕРВЬЮ

Валентина Талызина в роли пани Дульской в спектакле по пьесе Габриэли Запольской «Мораль пани Дульской»

родном театре не стоит этого делать. Любовь Орлова не только сама могла блестать в своих гениальных театральных платьях, она и о нас, молодых актрисах, не забывала. Однажды в театр какая-то старушка принесла на продажу дефицитное по тем временам кружево, так она специально сказала мне: «Валя, ты скоро будешь играть в «Последней жертве», иди и добейся, чтобы это кружево тебе купили». Я пошла и добилась.

– Вера Марецкая, Валентина Соловьева, Любовь Орлова, с которыми вы вместе работали, это просто женщины-легенды. Что вам в них особенно запомнилось?

– Они были потрясающими женщинами и потрясающими актрисами. Свято относились к своей профессии. «Любить не себя в искусстве, а искусство в себе». Это как раз о них. А что касается женской судьбы, то она у них была далеко не такая безоблачная, как представлялось на первый взгляд. Особенно у Веры Марецкой, ведь Завадский бросил ее с сыном ради другой женщины. И при этом она всю жизнь продолжала оставаться его другом и единомышленником в театре. Потом стала любимой народной актрисой, легко открывала любую начальственную дверь, но все равно внутренне не изменилась.

– Многие пытаются сформулировать, что же такое женский шарм. А вы как считаете?

– Мне кажется, прежде всего это индивидуальность и какая-то загадка. Сейчас многие актрисы и певицы на публику выставляют всю свою жизнь. Я же думаю, что в женщине, которая себя меньше афиширует, гораздо больше шарма. Нынешнее стремление постоянно мелькать и присутствовать в светской хронике мне представляется просто ужасным. Я всегда думаю про таких молодых актрис: «Что же они делают? Зачем так себя растратывают? Что у них потом останется?» Одна моя подруга говорит, что талант – это как шагреневая кожа, которая, если его бездарно растрачивать, скимается к концу жизни. А ведь нужно оставить себе что-то и на конец жизни. ●

Беседовала Вера Медведева
[Париж]

профессионалы». Мне за нее не стыдно. Я там играю деревенскую женщину, такую не от мира сего. За эту роль меня наградили международной премией в Турине в 1987 году. А вот еще один мой любимый фильм, «Иванов катер», пролежал пятнадцать лет на полке, и его мало кто видел. Если бы эту картину вовремя показали, то, может быть, моя судьба в кино пошла по другому пути. И, конечно, роль в «Зигзаге удачи» я тоже считаю одной из самых удачных в кино.

– Наверное, можно сказать, что ваша героиня в «Зигзаге удачи» еще до всякого появления нынешнего гламура всем женщинам показала, как можно себя преобразить. Душа душой, а «платье из белых кружев, сверху прямое, а к низу зауженное» еще никому не помешало. И где же вам нашли такое платье и белую шубку в те дефицитные времена?

– Девочки-художницы на «Мосфильме» были невероятно талантливы. Умудрялись изобретать и делать наряды буквально из ничего. Наши женщины всегда умели

прекрасно выглядеть. Моя подруга Нина Севрюкова, художник по костюмам, могла сделать роскошное платье совсем из простых тканей и фурнитуры. А сейчас у меня прекрасная портниха, правда, в Киеве. Шьет – на раз! Только посмотрит, снимет мерки, а потом уже сама все придумывает и подгоняет. Делаet гениально.

Я вообще стараюсь сниматься в своих костюмах. У меня на даче их уже просто целый склад. А на работу, наоборот, хожу достаточно скромно одетая. Для меня примером всегда была Любовь Орлова, с которой мне посчастливилось работать в театре. Она всю жизнь в театр приходила в одной юбке и одной кофте.

– А как же высказывание Раневской о том, что «в шкаф Любови Орловой даже моль не может прописнуться, настолько много там платьев»?

– Да, действительно, у нее было множество потрясающих концертных костюмов, но при этом в театр всегда в одной юбке и одной кофте. Она понимала, что на сцене и на приемах нужно поддерживать имидж звезды, а в

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург]

ХРАНИТЕЛЬ АНГЕЛА

Михаил Михайлович Бобров – человек-легенда. Родной Петербург ему многим обязан: если бы не усилия Боброва во время блокады, неизвестно, как сложилась бы судьба осажденного города. Неслучайно его прозвали Хранителем ангела. Так что звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга ему присвоили заслуженно.

3 А СВОИ 87 ЛЕТ МИХАИЛ Бобров пережил столько приключений, что их с лихвой хватило бы на несколько жизней. Но сам он шумиху вокруг своего имени считает излишней. Михаилу Боброву действительно нельзя дать 87 лет – он выглядит как минимум на 10–15 лет моложе. Когда кто-нибудь входит в его кабинет на кафедре физического воспитания Санкт-Петербургского университета профсоюзов, Михаил Михайлович обязательно галантно встает, чтобы поприветствовать гостя. Стены здесь увешаны фотографиями, на которых Михаил Бобров с компанией единомышленников позирует на самых высоких горных точках мира.

– А это мы на Северном полюсе, – объясняет он. – Экспедиция состоялась в 1999 году, мне уже было больше 75 лет. До сих пор помню вопрос в глазах моих детей и жены: «Ну и зачем тебе это нужно?» Кстати, смешно было: мы долго на лыжах шли до полюса, а когда компас наконец-то показал, что мы достигли цели путешествия, то мы ужасно обрадовались, стали обнимать друг друга, разворачивать флаг Петербурга и фотографироваться. Это все заняло какое-то время, а потом оказалось, что наша лыдина – там же постоянный дрейф происходит – уже отплыла на приличное расстояние от Северного

полюса. Поэтому нам пришлось сворачивать флаг и, ориентируясь по приборам, снова искать полюс. Таких историй у Михаила Михайловича за всю жизнь накопилось очень много, и он с удовольствием их рассказывает. Как попал под лавину в горах Кавказа во время войны и как его спасли грузинские товарищи, как откапывал свой дом от снега в Исландии, как путешествовал по самым высоким точкам мира. Не раз альпинист оказывался на краю гибели.

– Вы только не смейтесь, но мне мою жизнь предсказала цыганка, – говорит он. – До войны я как-то приехал к маме в дом отдыха в Сиверское. Мы весь день купались, загорали, бродили по лесу. У проселочной дороги нам случайно встретился цыганский табор. Они нас встретили гостеприимно, накормили, рассказали, что кочуют с Украины в сторону Ленинграда. Цыганка погадала моей маме: «Для тебя будет трудным 42-й год, для супруга – 43-й, а с сыном твоим ничего не случится, жизнь его будет полна приключений, испытает всего с лихвой и событий этих хватит на несколько судеб. Жить он будет долго». И все сбылось: мама ушла из жизни в голодный 1942 год, отец погиб в 43-м, а моя судьба достойна приключенческого романа!

От пуль прятались за шпилями

В каждом своем приключении Михаил Бобров старается найти что-нибудь веселое, задорное, чтобы не показаться слушателю излишне героическим персонажем, расхваливающим самого себя. Но есть у старого спортсмена воспоминания, когда шутить никак не получается: уж слишком много боли связано с его работой в первую блокадную зиму. Ведь Михаил Бобров был одним из четырех альпинистов-верхолазов, которые маскировали шпили и купола ленинградских доминант, чтобы спасти город и его жителей от разрушительных бомбежек немецкой артиллерии.

– Наши власти сначала никак не могли понять, как противник с приличного расстояния – фронт был в районе Пулковских высот – так метко наводит оружие на цель, чтобы артобстрелы оказались наиболее разрушительными, – вспоминает Михаил Михайлович. – Потом сообразили – всему виной позолоченные шпили и маковки соборов и церквей, которые, ярко светясь на солнце, служат прекрасными ориентирами. Стали думать, как эти губительные ориентиры убрать. Были даже идеи разобрать купола и шпили, но, к счастью, к таким крайностям решили не прибегать. И тут вспомнили про ленинградских альпинистов, которые могли бы помочь в этом деле.

Задача перед альпинистами стояла непростая: к каждому шпилю и куполу нужен был индивидуальный подход. Например, купол Исаакиевского собора решили покрыть серой масляной краской в цвет осеннего неба, так же «обработать» можно было и шпиль Петропавловской крепости: крепкой позолоте не страшна краска, которую потом можно смыть. А вот те шпили, которые были покрыты тончайшими листами сусального золота, решили «укрыть» в серые чехлы. По смете, составленной главным инженером, только для маскировки шпилля Петропавловки потребовалось бы 6 человек и 70 дней работы. А времени и нужного числа людей в блокадном городе не было.

– Вся молодежь ушла на фронт, кто-то строил оборонительные сооружения, – вспоминает Михаил Михай-

Михаил Бобров
бережно записывает
все свои воспоминания –
и о войне, и о любви,
и о работе

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лович. – Нашли только четырех альпинистов, да и тех случайно. Я был в госпитале в Инженерном замке, меня контузило во время перехода фронта – уже успел побывать в тылу у врага. Нашел меня мой товарищ по секции альпинизма Алоиз Земба, он остался в Ленинграде, так как в Финскую войну был ранен, у него нога в правом коленном суставе не стибалась. Он меня страховал, из-за колена не всегда мог сам лезть вверх. И две девушки: Аллочка Пригожева – ее вызвали на маскировочные работы прямо перед эвакуацией, и Олеся Фирсова. Алоиз и Алла умерли весной 42-го года от истощения и голода. А Оля прожила долгую жизнь, но не так давно тоже скончалась. Один я остался.

Времени на подготовку к рискованным «восхождениям» у молодых скалолазов практически не было – каждый новый артобстрел уносил жизни ленинградцев, надо было спешить. Начать решили с Адмиралтейства. Михаил Бобров сразу понял, что ползти по шпилю куда сложнее, чем лезть по скалам.

– Шпили гладкие, с вертикальным взлетом, колеблются на осеннем ветру, – вспоминает он. – Да и немцы не давали покоя. Алла и Оля сидели на специальной дощечке, которая была привязана к проведенной нами страховке. Они прикрепили чехол к верхушке шпиля и шивали его спе-

циальной иглой, спускаясь все ниже и ниже. Однажды произошло ЧП: со стороны Дворцовой площади из-за облаков на бреющем полете появился фашистский истребитель и дал очередь по шпилю. Пули пробили обшивку рядом с Олей, но ее не задели. Мы быстро спустили девушку вниз. Оля была в шоке: «Ребята, я видела глаза летчика!» Ведь он так близко пролетел. Потом, уже вечером, у нее началась истерика… Да и на нас не раз совершали налеты, стреляли бризантными (взрывающимися) снарядами, но мы уверачивались, прятались за шпилем.

Несмотря ни на что, шпиль Адмиралтейства скоро «исчез», растворившись в сером ленинградском небе. Альпинисты перешли работать на шпиль Инженерного замка. Вид с колокольни открывался поистине невероятный.

– Один раз, уже под конец работы над шпилем замка, нас с Алоизом бомбежка застала прямо наверху, – не без дрожи вспоминает Михаил Бобров. – Бомбы посыпались на Летний сад, прямо у нас на глазах лишь руины остались от жилого дома на Моховой улице. Мы были оглушены свистом и разрывами бомб, но Алоиз все равно сумел мрачно пошутил: это, мол, Мишуня, салют в нашу честь по случаю окончания работы на Инженерном замке.

Блокада с высоты птичьего полета

Наступил ноябрь, впереди у Алоиза и Михаила была самая сложная «вершина» – 122-метровый шпиль Петропавловского собора, самая высокая точка Ленинграда. Подступал голод, пайка хлеба все уменьшалась, а ведь как нужны были силы двум скалолазам, совершающим беспрецедентное по своей важности и сложности восхождение!

– Я семь дней преодолевал расстояние до креста на шпиле, – вспоминает Михаил Бобров. – Алоиз меня страховал, если бы не его чуткая поддержка – вообще бы не справился. Помню, как-то посмотрел вниз – и тут же голова закружилась. Шпиль раскачивается под порывами ветра. Алоиз увидел мое состояние и крикнул: «Смотри вперед на другой берег Невы!» Вообще, страха не было, было бессилие. Нужно было преодолеть отрицательный наклон шара, на котором стоит ангел с крестом, а сил просто не хватало. Да и морозы ударили, тем более что мы работали по ночам, чтобы не привлекать внимания немецких летчиков. Когда я через неделю бесплодных усилий все-таки закрепил веревку на кресте Петропавловского собора, мы с Алоизом были счастливы – теперь можно приступить к покраске. Чтобы экономить силы, верхолазы после работы перестали уходить до-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мой – они оборудовали себе жилище прямо в соборе, в усыпальнице императоров.

– Жилище было прямо на надгробных плитах сына Петра I, его жены и сестры Марии, – вспоминает Бобров. – Мы с Алоизом положили сверху доски, щели заткнули войлоком, притащили из дома спальные мешки. Нас очень поддерживал сторож собора Максимыч. Двое его сыновей погибли на фронте, старик каждый день к нашему приходу топил буржуйку и ловил голубей и ворон, залетавших в собор. Как сейчас помню – мясо ворон было жестким, а голубей – мягким и сладким.

Сантиметр за сантиметром покрывали Михаил с Алоизом шпиль краской. Краска не держалась из-за холода, отваливалась, приходилось возвращаться и наносить ее снова. Адская работа подкосила Алоиза – он стал сдавать, появились признаки цинги.

– Однажды мы с ним без сил спустились после рабочего дня в наше жилище, смотрим, буржуйка не топлена, никого нет, – рассказывает Михаил Михайлович. – Пошли искать Максимыча и нашли его – тело распласталось перед алтарем. Добрый сторож разбился, упав с колокольни, где пытался поймать нам на ужин неосторожного голубя... Алоиз с каждым днем слабел,

Над Северным полюсом спортсмен спешит развернуть флаг Петербурга

уже не мог работать. Но шпиль мы с ним докрасили. Весной моего друга эвакуировали, но истощенный организм было уже не спасти. До сих пор перед глазами Боброва стоит картина, которую он наблюдал, закрепившись на главном символе Северной столицы – ангеле Петропавловского собора. Оттуда открывался такой вид, ради которого любой современный фотограф был бы готов на все.

– Это был совсем особенный город, – описывает увиденное Михаил Бобров. – Весь Балтийский флот стоял в Неве, вмерзший в лед. Зенитные установки стояли на стрелке Васильевского острова, на Сенатской площади, на бастионах Петропавловки. А знаете, где были самые меткие зенитчики? Возле здания филфака, на Университетской набережной. Там стояли три батареи, их обслуживали девочки с мехмата. Они сами делали расчеты и сбивали самолеты очень точно!

Врагов знали по именам

Уже этого было бы достаточно, чтобы воспоминаний хватило на всю оставшуюся жизнь. Но приключения

Подъем на
шпиль спустя
60 лет – Михаил
Бобров повторяет
подвиг вместе
с телеведущим
Кириллом
Набутовым

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Михаила Боброва на этом только начинаются. После выполнения маскировочных работ юношу отправляют на Кавказ – участвовать в «горной войне», где немцы активно продвигались вперед. Оказалось, немецкая разведка хорошо подготовилась к боевым действиям в горных условиях, засыпая своих шпионов в Советский Союз еще до войны под видом альпинистских инструкторов. Выходило так, что своих врагов многие воины-альпинисты знали по именам.

– До войны к нам приехала большая группа австрийцев-альпинистов, мы вместе работали, они хорошие инструкторы, – говорит Бобров. – А что оказалось? Что под видом этих австрийцев к нам проникли многие разведчики. Они изучили Кавказ, хорошо знали все маршруты, сами сделали прекрасные карты, схемы. И очень быстро прошли через перевальные точки, минуя фронтовые участки. По их следам пришла горно-стрелковая дивизия «Эдельвейс». Но это была зима 1942/43 года, больше гибло людей не от мин и пуль, а от лавин, «белая смерть» сносила всех – что немцев,

что наших. Я сам попал в лавину, но мои сослуживцы родом из Грузии бросились за мной вслед и откопали меня. Тот день я считаю днем своего второго рождения.

«Без Ларочки крылья опустились»

Михаил Михайлович – хороший рассказчик, для всех его историй не хватит и сотни страниц. Например, про замечательную страну Ис-

спортивной, подвижной. Даже инсульт, который ее в итоге и убил, случился во время нашего с ней купания на озере...

После долгой и тяжелой болезни Лариса умерла. И Михаил Михайлович потерял точку опоры, свою вечную жизнерадостность, стал болеть...

– Я сорвался, подхватил инфаркт. Я крылья опустил, решил, что пора следовать за Ларочкой, – печально

трассы, хотя погода была туманная. И оба разбились – так крепко приложились головой об лед, что потеряли сознание. Спасатели не могли нас найти, зато Наташа – моя спасительница – спустилась на лыжах и разыскала нас. Я тогда сломал ногу, месяц валялся в больнице, теперь решил пока завязать с катанием. И здесь дел хватает.

«Во власти – спортивные ребята»

Дел действительно много. Вместо того чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом, Михаил Михайлович – это в 87 лет! – с головой окунулся в работу. Он заведующий кафедрой физического воспитания в Санкт-Петербургском университете профсоюзов.

– У нас с этим строго, – рассказывает он о порядках в вузе. – Зачет по физкультуре не сдал – к сессии не допустят. Да и видели бы вы наших студентов! Приходят на первый курс гадкими утятами, толстенькие, слабенькие. Тут им тренажеры, тренировки, они сами себе параметры фигуры устанавливают. И глядь – выпускаем уже красивых лебедей, готовых женихов и невест!

Помимо фотографий из путешествий в кабинете у Михаила Боброва есть еще ряд фотокарточек, где он рядом с первыми лицами страны – Владимиром Путиным, Дмитрием Медведевым, Сергеем Ивановым. Но спортсмен относится к ним без особого пietета, хотя и с уважением. Ведь для него – старого преподавателя ЛГУ, где он проработал много лет, – эти люди навсегда останутся просто спортивными пареньками.

– Я-то этих ребят хорошо знаю, – улыбается Михаил Михайлович, глядя на фотографии. – Они все прошли через нашу кафедру. Путин был двукратным мастером спорта по борьбе самбо и дзюдо, физруком юридического факультета. А Медведев был чемпионом Ленинграда по байдарочной гребле, да еще и штангу таскал, ядро толкал. Крепкий, быстрый парень, выходил вместе с мужиками здоровыми под два метра ростом, но за счет выносливости их обгонял. Я рад, что во власть пришли нормальные, умные и спортивные ребята. С ними можно разговаривать. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Молодые студентки не дают расслабиться заведующему кафедрой физического воспитания

ландию, где Бобров несколько лет работал, готовя сборную к чемпионату мира. Про путешествия, восхождения и преподавательскую деятельность в различных вузах. Про любимую лошадь Гвинею, которая чувствовала, что к ней едет хозяин, за 40 минут до его приезда. С особой нежностью Бобров вспоминает свое знакомство с будущей женой.

– Я же лыжник, тренировался у большого кавголовского трамплина в пригороде Петербурга, – говорит он. – Там вдоль озера проходила трасса для беговых лыж. Вижу, девушки бегут кросс. Одна из них так здорово шла, прямо рассекала лыжню. Я подбежал к ней перед крутым подъемом и стал подбадривать: «Давай! Давай!» Потом подошел к финишу, смотрю, ее как раз награждают. Я пригляделся и понял – это моя любовь. С первого взгляда. В тот же вечер мы с ней – прямо в лыжных костюмах – отправились смотреть балет «Лебединое озеро», лыжи сдали в гардероб... И прожили мы с моей Ларисой долгую и счастливую жизнь! Ларочка до самого последнего времени оставалась бодрой,

говорит старый спортсмен. – Меня вытащила молодая подруга жены Наташа. Она проявила ко мне участие, я по больницам все валялся. Наташа подняла всех врачей, нашла двух кардиологов-горнолыжниц, предложила им рассчитать, на какую высоту мне можно подняться. Врачи сначала покрутили пальцем у виска, но потом рассчитали, что я могу подняться не выше 2500 метров. Подниматься, естественно, не ногами, а на кресельном подъемнике, а вниз спускаться на лыжах. Я ведь навыков катания не растерял. Поехали с Наташой в Андорру. А когда вернулись через 15 дней, то я стал не просто моложе, я стал просто здоровым мужиком!

И снова начались у Михаила Михайловича путешествия – север Франции, покорение Эльбруса, Австрия. В прошлом году в Австрии неутомимый искатель приключений опять чуть не поплатился жизнью за свое безрассудство.

– В последний день отпуска мы с моим ровесником, бывшим чемпионом мира по горнолыжному спорту, решили скатиться с черной

П.Е. Щербов.
А.И. Куприн
и художник Троянский
в Гатчине.
Шарж, 1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ирина Лукьянова

СКОЛЬКО ИСТИН В КУПРИНЕ

Рассказывают, что, когда в 1937 году Куприн вернулся в Россию, ему решили торжественно вернуть домик в Гатчине, где он квартировал с 1911 года. Это был зеленый домик №19 на улице Елизаветинской (ныне Достоевского). Дачка крошечная, деревянная, с нынешними подмосковными коттеджами несравнимая.

ПРОЖИЛ ОН ТАМ ДО САМОГО бегства из России, до 1919 года. И вот, значит, решили ему этот сохранившийся домик воротить. Митинг, оркестр, гости. Надо говорить речь. Хватились – нет Куприна! Куда сбежал? Оказывается, сбежал на станцию, где в местном буфете со сторожем, хорошо его помнившим по старым временам, пил запрещенный ему мерзавчик и обсуждал былое. А помнишь Заикина? А помнишь, как я на шаре поднимался? Теперь, конечно, не то... То, то,

Александр Иваныч! Еще слетаешь, еще напишешь! Там, в углу буфета, он и отметил возвращение, и никто не посмел извлечь его оттуда. Апокриф верен лишь отчасти, ибо Куприн в Гатчину действительно вернулся и лето 1938-го провел по соседству с родным домом, на даче инженера Белогруда. Торжественного возвращения не было, митинга тоже. Гатчинцы отлично помнили Куприна: он считал приятным долгом писать в местную газету и вообще заботиться о развитии городка, и люди к нему приезжали ин-

тересные. Сторож, помнивший его, на станции был. Что Куприн с ним пил – сомнительно, он уже был болен. Но кухарка Катерина, которую Куприн едва узнал («поперек себя толще!») – радостно писала о ней Елизавета Морицовна дочке Кисе), бежала им навстречу с радостным криком: «Наши приехали!» Ни Куприн, ни жена его не нашли в себе сил зайти в «зеленый домик», как называли они свою дачку, так и смотрели издали. Новые жильцы принесли им клубники «Виктория» – кусты сажал Куприн; садоводом он был капризным, выращивал только то, что любил, – клубнику и нарциссы, – прочим же не интересовался. Он этой клубники успел поесть. А через два месяца, 25 августа 1938 года, умер от рака пищевода. Разговоры о том, что он в России ничего не соображал, тоже апокрифичны и как-то особенно подлы, ибо в

них отчетлива попытка принизить его последний выбор, превратить триумфальное возвращение в советскую пропаганду. Правда и то, что въехал он в Россию в отвратительное и страшное время, о котором ничего не знал, которого не понимал – как, впрочем, и добрая половина местного населения. Но сказать, что Куприна затащили в Россию обманом, исключительно ради пропаганды, – явная клевета; в эмиграции этот слух особенно распускали люди из круга Зинаиды Гиппиус, женщины умной, но непримиримой и притом безнадежно запореной. Куприн знал, куда едет, а растерянность и подавленность его в первые дни на Родине объяснялись просто: он много резкого написал о большевизме и в 1919-м, и в первые годы после эмиграции. Сейчас эти статьи собраны, изданы в России – полней всего, кажется, в книжке 2001 года «Мы, русские беженцы в Финляндии». Статьи резкие, да, но нет в них холодной бунинской злобы, нет бесповоротности, а главное – нет ощущения отдельности. Он бежал из России в Гельсингфорс, но, Боже мой, это же еще недавно – Россия, и всегда можно вернуться, ничто не бесповоротно! Злится он как-то растерянно, не понимая: что случилось? Февраль же был сплошным счастьем, казалось, что теперь-то наконец...

Русская литература традиционно побаивалась народа, хоть и любила его несколько напоказ; но Куприн – иной случай, он себя от народа не отделял, литература не дала ему ни богатства, ни статуса, он и в 1914 году мечтал о возвращении в газету (и никогда не брезгал поденщиной – она помогала держаться в тонусе). И потому, когда Куприн боится – он бранится необидно, как свой, видно, что самому ему больно и стыдно. Он, однако, боялся, что эти статьи ему припомнят. Особенно злые выпады против Ленина, у которого он в 1918 году побывал с проектом газеты и очень его не полюбил (Куприн предлагал вождю пролетариата издавать газету для деревни «Земля». – Прим. ред.). Врут, что Ленин на всех интеллигентов производил чарующее впечатление: Куприн в нем разглядел все – даже близорукость (о которой Ленин по-

А.И. Куприн
перед полетом
на воздушном
шаре.
1911 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

нятия не имел, она выявилаась при медосмотре в 1921 году). «Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности». «В сущности, – подумал я, – этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же – нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И притом – подумайте! – камень, в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна осткая, сухая, непобедимая мысль: падая – уничтожаю». Эдакое написать и вернуться – надо быть малым довольно храбрым;

немудрено, что он в писательском доме в Голицыне осторожно вступал в разговоры и вздрагивал от стука в дверь. Потом приехали красноармейцы, им наготовили всякой всячины, ватрушек, ягод, вынесли кресло Куприну, чтоб он послушал их хоровое пение. Когда пели советское, он мрачно молчал. Когда подходили командиры и признавались, что любят его читать, – кивал и благодарил. Но когда запели «Вниз по Волге-реке», он вскочил, дрожа, рыдая: «Неужели Родина простит меня, великого грешника перед нею!» Кажется, только в этот миг поверил, что «ничего не будет». Наутро проснулся в нем прежний Куприн: потребовал, чтобы жена его везла в цирк. В цирк, и никаких разговоров! Тысячу лет не был в цирке! На другой день – в цыганский театр. Хочу видеть цыган! Господи, только бы сил, сколько еще надо написать! А потом в Гатчину. Ведь живы Щербовы, любимые соседи. «Нам надо с Павлом хорошенко выпить». Павел умер той зимой от воспаления легких, Куприна не дождался, но вступить в переписку они успели.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.И. и Е.М. Куприны
с дочерьми Ксенией
и Зиной и няней
Сашей.
Гатчина, 1911 год

«Зеленый домик»
А.И. Куприна
в Гатчине

Врут также, что «Москва родная» – последний текст, подписанный его именем, – сочинен целиком за него сотрудником «Комсомольской правды»: написан он и впрямь не Куприным, но мысли его и самый тон тут узнаются. И его ощущение мира – «Даже цветы на Родине пахнут по-иному»: все через запах, через звериное его обоняние, не изменившее и теперь. Как бы ни хотелось эмигрантам всех видов, взглядов и поколений, Куприн вернулся сознательно и возвращению этому радовался, и перед смертью говорил жене: «Ум мой стал странным, не все понимаю. Что со мной случилось? Но хорошо, даже умирать хорошо, если кругом родная речь...» И наклонность к едким шуткам оставалась у него до последнего: Юрий Дружников в крайне субъективном очерке о воз-

вращении Куприна ссылается на свидетельство голицынской сестры-хозяйки. На веранде накрыт чай, кипит самовар, допущен корреспондент «Комсомолки».

– Александр Иванович! Как вам на родине?

– Вот, пышечки дают...

Очень я это хорошо представляю. И голос его – пусть старческий, но еще сильный, – и быстрый говорок, и такой же быстрый ядовитый взгляд.

И апокриф насчет выпивки в Гатчине – он, в общем, понятен. Истинному читателю не хочется видеть старого Куприна, больного, шатаемого ветром. Читатель хочет, чтобы Куприн пил. Чтобы он вспоминал Заикина, и щутил по-стариковски, и по-прежнему сбегал из-под всякой опеки, от любой попытки его

присвоить. Мы хотим видеть нашего Куприна сильным. Пьяным? – да, и пьяным: ведь это нормальное его состояние.

О, это отдельная тема: «если истина в вине, сколько истин в Куприне?!» «Водочка откупорена, плещется в графине – не позвать ли Куприна по этой причине?» «А. Куприн, будь дружен с лирой и к тому – «не циркулируй». Это написал ему Скита-лец (писатель С.Г. Петров. – Прим. ред.). Циркулированием называлось беспорядочное кружение Куприна по кабакам, которые успевал он за одну ночь обойти по нескольку раз: в Питере – главным образом вокруг «Вены» на Малой Морской. В Балаклаве была у него любимая кофейня Юры Капитанаки, откуда он не выходил, не нагружившись. Но пусть все эти эскапады не заслоняют от нас главного: пил Куприн не для того, чтобы расслабиться, как любят говорить пьяницы, и не с горя, и не от счастья, а чтобы хоть как-то заглушить и притупить невыносимую остроту восприятия. У Куприна все пять чувств – и шестое, дар предвидения и угадывания, – в постоянном напряжении: ни секунды покоя. В этом смысле он единственный в русской литературе наследник Толстого: Бунин далеко уступает ему – ум мешает. Да, ум в таком деле совершенно излишен – Куприн ведь и не умен в обычном смысле, не расчетлив, не умеет выстроить имиджа, сходится с самими простыми людьми, но не потому, что позиционирует себя в качестве демократа, а потому, что терпеть не может хитрить и умеет вести себя лишь абсолютно естественно. Он и на воздушном шаре летал не для того, чтобы все ахали – ах, Куприн! ах, шар! – а просто из любопытства, остройшего, не писательского даже, а детского. Часто вслух жалел, что не сможет родить, не испытает ощущений роженицы. Иногда эта купринская жажды все почувствовать, пережить и высказать, это счастье точного описания и сильного чувства – едва ли не единственное счастье, доступное писателю, – вводят в заблуждение даже такого мастера, как Лев Толстой. Вот Толстой, который вообще-то Куприна любил со-

вершенно отечески, выделял из всех, ставил по таланту выше Андреева и уж точно выше Горького, – брюзжит, читая «Яму»: гадость, гадость! И даже всего, что вроде бы разоблачает проституцию и публичные дома, а сам, описывая, наслаждается, и от человека со вкусом этого скрыть нельзя. Ну да, наслаждается. Но не публичным же домом, не грязью? Куприн вообще изумительно целомудрен, у него нет ни одного натуралистического описания любовного акта. Наслаждается он тем, как остро и сильно чувствует и как густо, ярко передает все это на бумаге. У него вообще нет бунинской тонкописи, «сухой кисти» – сплошь яркая олеографическая живопись: все цветет, пахнет, орет, хохочет. Ослепительное солнце, резкие тени, бурные страсти, и даже едят у него всегда вкусно, и вкус у еды всегда резкий – даже обед дедушки Лодыжкина и Сергея в «Белом пуделе» состоит из острых и сладких помидоров, соленой брынзы! И нет у него горьковских сверхчеловеков, больше всего озабоченных тем, чтобы разговаривать вычурно и выглядеть монументально: все – люди, даже сволочи. Да, собственно, и отрицательных героев у Куприна – раз, и обчелся: навскидку не припомнить никого, кроме богача Квашина из «Молоха» да пограничника Николаева из «Поединка», и тот еще ничего себе (Шурочка больше виновата, но как можно ненавидеть Шурочку?). Даже брат Веры из «Гранатового браслета», циничный и жестокий Николай, как-то нам по-человечески понятен: он же не знал, что Желтков покончит с собой? Как защитить честь сестры, ежели к ней, замужней женщине, пристал какой-то ГСЖ? И брат Николай нам понятен, а Желтков непонятен. Трудно, трудно вспомнить у Куприна законченную гадину: разве что Митька Гундосый из «Гамбринуса», – но это разве серьезно? Мир Куприна так жарко, ярко и щедро освещен, в нем ликуют такая полнота и щедрость, что зло возможно лишь как ошибка и почти всегда поправимо.

Толстой у него сказывается именно в этом сознании изначальной справедливости, правильности мира. Никакого достоевского излома: все

рождены быть здоровыми и счастливыми. Это счастливое мироощущение сочетается у него с невероятной, пронзительной, совершенно детской сентиментальностью – вряд ли есть в русской литературе более надрывная повесть, нежели «Кадеты». Помните, как там герой плачет, когда у него в первый же день в корпусе отрывают от курточки пуговицу – а курточка сшила мамой, и пуговица заботливо пришита любимыми руками? К такой сентиментальности Куприна многое располагало – он вырос без отца, в нищете, мать любил больше всех на свете и страстно жалел, и детство его прошло в добавок в доме престарелых, куда мать устроилась присматривать за старухами. Старухи его ласкали, жаловались ему на жизнь и рассказывали сказки. Самые тосклиевые, слезные вещи Куприна – об этих домах престарелых, где обитают беспомощные старухи («Святая ложь») либо старые актеры («На покое»). Чеховской жестокости, трезвой правды нет у него в помине: он отбирает детали, которые разжалобят и каменного читателя, а все, что может его напугать или отвратить, тщательно отфильтровывает. Страх перед богадельней сидел в нем всю жизнь. Есть у него рассказ, который из любого слезу вышибет, и тоже про дом престарелых, – «Королевский парк». Это счастливый новый мир, ни войн, ни монархий, сплошная демократия, и в этом мире выстроен дом для старых, глупых, вечно ссорящихся королей, и при доме парк, где гуляют по воскресеньям дети. И одна девочка, увидев сидящего на лавочке старого короля, предлагает ему сахарное яичко, но съесть его он не может по причине отсутствия зубов. И тогда она упрашивает отца взять дедушку домой, и они его берут, и старик безумно счастлив (жестокий, страшный старик, тиран в прошлом), и, когда они ведут его к выходу, он вдруг дрожащим голосом произносит:

– Не думайте, что я совершенно бесполезен! Я умею... клеить прекрасные коробочки... из цветного картона!

Куприн, вероятно, имел в виду, что читатель тут расхохочется: король, владыка державы, на старости толь-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Иванович Куприн родился 26 августа (7 сентября) 1870 года в селе Наровчат Пензенской губернии. Отец – мелкий чиновник, умер спустя год после рождения сына. Мать, овдовев, переехала в Москву. В шесть лет будущий писатель был отдан в сиротский Московский Разумовский пансион, в 1880 году поступил в Московскую военную гимназию, позже переформированную в Кадетский корпус. С 1888 по 1890 год учился в Александровском военном училище. Первым опубликованным рассказом стал «Последний дебют» (1889). Служил в звании подпоручика в пехотном полку. В 1894 году вышел в отставку, много странствовал по России. В 1901 году переехал в Петербург, работал в «Журнале для всех». Женат Куприн был дважды: сначала на М. Давыдовой, родившей ему дочь Лидию, затем на Е. Гейнрих, которая родила писателю двух дочерей – Ксению и Зиночку (ум. в 1912 году). Куприн не принял Октябрьскую революцию, в 1919 году эмигрировал из Гатчины за границу. Провел в Париже 17 лет. Весной 1937 года, уже тяжелобольной, вернулся в Россию. Умер 25 августа 1938 года в Ленинграде.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.А. Бунин
и А.И. Куприн
в редакции газеты
«Возрождение».
Париж, 1933 год

Борец
Иван Заикин
с А.И. Куприным
(справа)
и писателем
А.Н. Будищевым

ко вот на что сгодился! Но сам он, не сомневаюсь, рыдал, и правильный читатель тоже рыдает – от сострадания, но главное, от умиления. Все хорошо, все по-человечески.

Этой человечностью Куприн и выделяется столь резко из ряда русских литературных гигантов: он враг патологии, он поэт естественности – как и любимый его Толстой. Вероятно, самая выразительная его фотография – это сразу после погружения на черноморское дно: он недавно женился во второй раз, ря-

дом с ним его Елизавета Морицновна, прекрасная венгерка, моложе его на десять лет. Куприн, толстый, еще и раздувшийся от костюма, с выражением полного довольства, – вот, еще и это попробовал, – глядит на нее, однако не без робости: сам понимаю, дорогая, что глупо выгляжу, но очень хотелось. И ведь благополучно же все, а? Она же смотрит в камеру с детской обидчивой решительностью: да, я знаю, что он у меня вот такой, но любому, кто про него скажет плохое слово, я вот эти-

ми руками оторву голову. «А когда мне будет нужно, я сама его побью». По складу характера, по силе и яркости описаний, по прихотливости и поэтической аналогичности воображения, по готовности к любой литературной работе, включая святочные рассказы и стихи на случай, – ближе всего он, конечно, к Грину. Не зря они друг друга обожали и не раз вместе надирались – одна такая пьянка описана у Леонида Борисова в «Волшебнике из Гель-Гью», но была она, конечно, не одна. И круг знакомств был у них примерно одинаковый: петербургские репортеры, циркачи, игроки, крымские рыбаки, иностранные моряки. И сюжеты сходные; и даже жены похожи – в первых браках оба стонали под пятой женщин честолюбивых и волевых, а во вторых – нашли терпеливых и понимающих. Оба писали смешные, трогательные стихи, оба стыдились этого. Оба терпеть не могли людей самовлюбленных и претенциозных, не ладили с символистами и религиозными философами, профессиональных литераторов недолюбливали. Разумеется, Грин больше похож на По и Лавкрафта, он мечтательней, в чем-то абсурдней... А почитайте несказочного, не-зурбаганского Грина, что-нибудь про эсеров да про ссылку, и увидите купринский стиль, купринскую зоркость и купринское жизнеприятие. Конечно, лучший Грин и лучший Куприн отличаются – и сразу узнаются, но яркость, праздничность, сила, пружина сюжета, героические страсти роднят их, как братьев. Отличались у них только пьянки: Куприн пил шумно, радостно, а Грин – поэтически, мрачно и одиноко. И еще одна вещь роднит их – репутация. С ней повезло не особенно – если брат не читательскую (неизменно высокую), а профессиональную и литературоведческую.

С Куприным и Грином случилась печальная вещь: они попали в классики второго ряда, потому что у них якобы проблемы со вкусом. И это бы даже нормально, – «любя поэзию талант и вкус, я мало верю в их союз», но ведь в России почему-то число читателей не влияет на

писательскую репутацию. А если и влияет, то, скорее, в отрицательную сторону.

Куприн – один из самых читаемых отечественных классиков. В активе его – несколько текстов, которые сделали бы честь любому европейскому литератору; рискну сказать, что в отечественной прозе, столь богатой, мало что сравнится по мощи с «Поединком» и «Штабс-капитаном Рыбниковым», со «Святой ложью» и «Листригонами», с «Гамбринусом» – этой дивной поэмой в прозе, которая много увлекательней и ярче сделанного в том же жанре «Господина из Сан-Франциско»... А сколько еще вспоминается потом – «Суламифь», «Олеся», «Морская болезнь»!

Но «Морскую болезнь» заклеймили за реакционность: там социал-демократ представлен филистером, не могущим простить жене, что ее изнасиловали. «Суламифь» обругал Горький, и не без остроумия: «Соломон у него сильно смахивает на ломового извозчика!» (А у тебя все ломовые извозчики глядят в соломоны; что лучше?). А в прочих повестях и рассказах много газетчины, мелодраматизма, ходульности... мало он наслушался этого при жизни, давайте теперь еще добавим! Есть ли у Куприна проблемы со вкусом? Безусловно, в каждом втором рассказе. Есть ли избыточность в средствах? Еще бы. Наивное морализаторство, газетные поводы, искусственные развязки? Сколько угодно. Портит его все это? В очень малой степени. Напротив, это делает его человечней. А бесчеловечность всегда высокомерна и презирает все нормальные проявления людской морали – вот почему эстеты всех мастей, адепты элитарности, так называемые стилисты откровенно гнобят Куприна. Им человечности не надо – сверхчеловечность подавай!

Что интересно – Куприн отлично все это понимал. И лучшая, по моему, его повесть – «Звезда Соломона» – про это. В ней добрый и тихий чиновник Цвет внезапно узнает, что унаследовал усадьбу в обожаемой Куприным Белоруссией. Поездку в усадьбу устраивает ему что-то уж очень приторно любез-

А.И. Куприн.
Возвращение
на родину

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ный агент Мефодий Исаевич Тоффель. Всем понятно, кто он? Куприн любит сильные и лобовые ходы, а чего церемониться?! В усадьбе Цвет просматривает дядюшкины книги и случайно получает ускользавшую от нескольких поколений формулу всемогущества. Начинает помаленечку управлять миром. А Тоффель неустанно следует за ним, предупреждая малейшие его желания, знакомит его с красавицей, осыпает деньгами – и все умоляет выдать имя, сообщить ему формулу. Наконец, когда Цвета начинает тяготить всемогущество, стремительное исполнение малейших капризов и неразрывно связанная с этим аморальность, он выдает Тоффелю свою формулу и тут же лишается всемогущества. На прощание просит чин коллежского регистратора. А когда они потом встречаются с той красавицей, которую Тоффель привел, то друг друга не узнают.

В этой весьма увлекательной, несколько мопассановской вещи есть мощный финальный монолог Мефис-тоффеля, такой слегка разочарованный. Милый мой, говорит он Цвету со снисходительной нежностью, вы, конечно, чудесный малый и мухи не обидели. Но какие были возможности! Вы могли залить мир кровью. Вы могли сделать его счастливее. Вам доступна была вся власть, весь арсенал человеческих вековых мечтаний, а вы? Вы захотели фуражку коллежского регистратора?

Это он, конечно, о себе. Ведь Куприн и сам остановился в шаге от гениальности; он остался слишком человеком – потому что писатель ведь совсем другое дело.

Страсти в его книгах много, а интеллекта мало. Крайностей полно, а патологии нет. Силой веет от любой страницы, а расчет отсутствует либо спрятан. С таким багажом не попадают в гении, хотя – как сказать... Но для читательского любимца у Куприна есть все. Как в личном плане, так и в умозрительном: не порывайся за свои границы. Это и увлекательней, и трудней, и почетней всякой особости.

Много ли мы знаем в русской литературе имен, заставляющих радостно улыбнуться? Многих ли русских классиков можно перечитывать? А вот Куприн с его сантиментами, силой и яркостью – всегда с нами, и главная его истина – вера в неизменную нормальность мира – много раз еще выручит нас. Пускай себе гордые и самовлюбленные сверхлюди, а по сути нелюди, пишут монотонно и мрачно и брезгуют газетой. А мы не брезгуем. У нас таланту хватит и на взрослое, и на детское, и на фантастическое, и на нравоописательное. Наши олеографии ярки и подчас аляповаты, но герои наши живы, и читатель нас поблагодарит.

Это и есть истина, завещанная нам Куприным – одним из очень и очень немногих русских классиков, с кем так хочется выпить. ☺

Евгений Резепов

ТАЙНЫ «ГРАНАТОВОГО БРАСЛЕТА»

Академик Альберт Цветков не реже двух-трех раз в год приезжает в село Наровчат, где расположен музей Александра Ивановича Куприна. И всегда придирчиво осматривает экспозицию музея.

Она ему давно не нравится.

БОЛЬШИНСТВО ЭКСПОНАТОВ – фотопортреты и старые виды Наровчата. Из предметов – «свидетелей» жизни семейства Куприных – лишь фортепиано и зеркало. Хранилось раньше в экспозиции обручальное кольцо второй супруги писателя, Елизаветы Морицовны, но его увезли в центральный музей, в Пензу. Не нравится Цветкову и отсутствие в музее спальни, в которой родился и провел первые годы будущий писатель. Досадует Альберт Александрович, и глядя на портрет Людмилы Любимовой. Эта нарядная симпатичная блондинка с кокетливыми ямочками на щеках и веселыми глазами считается прототипом Веры Шеиной – главной героини знаменитого «Гранатового браслета» Куприна.

Но 77-летний академик, действительный член Академии проблем качества РФ Альберт Цветков уверен, что это – ошибка. У него – своя версия. «Гранатовый браслет» преследует академика с детства. Эта книга всегда лежала на прикроватной тумбочке в спальне его матери – Софии Хайновской. Каждый вечер перед сном она вновь и вновь перечитывала этот рассказ. Однажды он набрался смелости и спросил у мамы, в чем причина ее пристрастия к этой книге. «Это связано с историей нашей семьи», – коротко ответила она и отправила его заниматься уроками.

Сегодня Альберт Цветков вспоминает этот короткий разговор как одно из главных событий в своей жизни. Софья Хайновская вернулась к теме «Гранатового браслета», когда сын был уже студентом МВТУ им. Баумана. Вообще-то он планировал стать филологом, но мама настояла на получении технической специальности. Когда-то она сама приехала в Москву из Пензы, училась в театральном училище, но на репетициях получила тяжелую травму и больше не работала. Травма часто давала о себе знать, и Софья Хайновская нередко не вставала с постели днями. Иногда она просила Альbertа почтить ей вслух «Гранатовый браслет». Как-то раз он предложил почтить что-нибудь другое. Софья взяла сына за руку: «Читай это. Ты ведь не знаешь, что твой прадед был влюблен во внучку Пушкина и пользовался взаимностью. И это с них Куприн списал сюжет».

Тогда Альберт Цветков не решался ни с кем говорить об этом. Он сам понимал то, о чем предупредила его мама: «не поверят». Рассказывать о семейной тайне он начал лишь после того, как оставил научную деятельность и всерьез увлекся изучением творчества Куприна. Правда, из всех директоров купринского музея в Наровчате прислушивается к Цветкову лишь последний – Любовь Китаева.

Польский след

В Москву из Пензы Софья Хайновская переехала после того, как ее мать, узнав об изменах мужа – руководящего советского работника, облила себя бензином и подожгла. Все дети после такого бросили отца и разъехались в разные стороны... «Польская кровь! – объясняет этот поступок Цветков. – Гордость!» С Польши все и началось. За попытку участия в польских волнениях 1860-х годов предка Цветкова по линии матери, Сильвестра Зенькевича, выслали в Пензенскую губернию. Тут он встретился с Иваном Андреевичем Араповым, с которым познакомился во Франции, когда обучался там ведению сельского хозяйства.

Самым богатым помещикам губернии Араповым требовалась люди с европейским образованием. Пользуясь связями при царском дворе, они добились освобождения Зенькевича от полицейского надзора и назначили главным управляющим своих земель в Пензенской губернии. В доме Араповых Зенькевич и познакомился с приезжавшей в гости внучкой Пушкина – Наташой Дубельт (Наталья Михайловна Дубельт. – Прим. ред.). Браку воспротивилась дочь поэта, ее мать Наталья Александровна Меренберг (после развода с Дубельтом Наталья Александровна вышла замуж за принца Николая-Вильгельма Нассауского, получив титул графини Меренберг. – Прим. ред.). После семи лет борьбы Наташа Дубельт вышла замуж за полковника фон Бесселя, а Зенькевич женился на прибалтийской баронессе. Как говорит Цветков, эта любовная история в свое время надела много шума в губернии и, конечно, в Наровчате, где располагался дом Араповых – место действия драмы. Семья Куприных в это время как раз жила в Наровчате. Отец Куприна общался с Араповыми, был знаком с Сильвестром Зенькевичем. По мнению Цветкова, отец Куприна выполнял деликатные поручения Араповых в связи с земельными махинациями, имевшими место в губернии. Этим объясняется то, что после его смерти жена скромного чиновника из захолустного городка получила место в императорском вдовьем доме в Москве. Учитывая услуги

ее отца, за нее, возможно, похлопотали Араповы. Отданный в сиротское училище, а потом поступивший в кадеты Саша Куприн часто навещал мать. О чем могли говорить мать и сын как не о родном Наровчате? Мать Куприна, Любовь Алексеевна, по свидетельству самого писателя, была кладовой, откуда он черпал сюжеты и портретные характеристики своих героев.

Четыре прототипа

Итак, как утверждает Цветков, Сильвестр Зенькевич и Наташа Дубельт послужили основными прототипами героев при создании «Гранатового браслета». Зачем же Куприну понадобилось это скрывать? Исследования Цветкова показали, что в необходимости «маскировки» виноват был Михаил Михайлович Романов. Как известно, внук Николая I вступил в брак без согласия своей монаршой семьи, женившись (морганатически) на дочери принца Нассауского и графини Меренберг – Софье. В 1908 году он написал роман «Не унывай» о неравных сословных браках, который был запрещен в России. В итоге все произведения, описывающие схожие сюжеты, вынуждены были проходить проверку не гражданской цензуры, а направлялись в цензуру Министерства императорского двора. Цветков считает, что именно поэтому Куприн, написавший «Гранатовый браслет» в 1910 году, приблизительно в то же время встретился со своей первой женой, М. Давыдовой. Ее родственниками были Любимовы, в семье

Скромный музей писателя на его родине дорог тем, что другого мемориального места, посвященного писателю, больше нигде нет

Академик Альберт Цветков считает творчество Куприна полным тайн и загадок

которых произошла очень похожая история. Цветков считает, что Куприн попросил бывшую жену обратиться к Любимовым с просьбой дать разрешение считать прототипами героев его рассказа Людмила Ивановну Любимову и влюбленного в нее телеграфиста (см. «Историю любви»). Сын Любимовых Лев в книге «На чужбине», написанной им в эмиграции, подтвердил: канву «Гранатового браслета» Куприн взял из их семейной хроники.

Для документального подтверждения этой версии Цветкову понадобились годы работы в архивах. В Институте русской литературы РАН к его выводам отнеслись с интересом и предложили писать научную работу. Альберт Александрович попросил прикрепить к нему аспиранта. Но молодых людей, готовых ехать для исследований в пензенскую глушь, не нашлось. Возможно, их отпугивали слова самого Куприна о своей родине: «Наровчат есть

АНДРЕЙ СЕМАШКО

крошечный уездный городишко в Пензенской губернии, по русской охальной привычке дразнят его: Наровчат одни колышки торчат. Все дома из дерева без малейшего намека на камень. Река от города за версту: лето бывает жаркое и сухое».

Господин в белой тройке

Мать Куприна происходила из богатого когда-то рода татарских князей Куланчаковых. Одному из Куланчаковых в XVII веке пожаловали поместье в Наровчатском уезде. «Любовь Алексеевна продала жалкие остатки наследственных земель и навсегда лишила княжеского титула себя и своих детей», – говорит Альберт Александрович. Сам Куприн о наследственных землях написал: «...от бабушкиных великолепных имений остались три десятины». Это рассказ «Храбрые беглецы», в главном герое которого – воспитаннике сиротского пансиона, подговаривающем товарищем бежать

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

В литературоведении господствует мнение, что прототипами главных героев рассказа «Гранатовый браслет» были представители семьи Любимовых, а в основу сюжета была положена реальная история. Вот что писал в своей книге «На чужбине» сын Людмилы Ивановны Любимовой, Лев Любимов: «Александр Иванович Куприн был с нами в свойстве. Канва «Гранатового браслета» почерпнута им из нашей семейной хроники. Прототипами для некоторых действующих лиц послужили члены моей семьи, в частности для князя Василия Львовича Шеина – мой отец, с которым Куприн был в приятельских отношениях... Героиня «Гранатового браслета» княгиня Вера Шеина – дочь боевого офицера, татарского князя Мирза-Булат-Тугановского, «древний род которого восходил до самого Тамерлана». Героиня действительных событий, вдохновивших А.И. Куприна, – моя мать, Людмила Ивановна Любимова (1877–1960), дочь Ивана Яковлевича Туган-Барановского...

В период между первым и вторым своим замужеством моя мать стала получать письма, автор которых, не называя себя и подчеркивая, что разница в социальном положении не позволяет ему рассчитывать на взаимность, изъяснялся в любви к ней. Письма эти долго сохранялись в моей семье, и я в юности читал их. Анонимный влюбленный – как потом выяснилось, Желтый (в рассказе – Желтков) – писал, что он служит на телеграфе (у Куприна князь Шеин в шутку решает, что так писать может только какой-нибудь телеграфист), в одном письме он сообщал, что под видом полотера проник в квартиру моей матери, и описывал обстановку (у Куприна Шеин опять-таки в шутку рассказывает, как Желтков, «переодевшись трубочистом и вымазавшись сажей, проникает в будуар княгини Веры»). Тон посланий был то высокий, то ворчливый. Он то сердился на мою мать, то благодарили ее, хотя она никак не реагировала на его изъяснения. Вначале эти письма всех забавляли, но потом (они приходили чуть ли не каждый день в течение двух-трех лет) моя мать даже перестала их читать, и лишь моя бабка долго смеялась, открывая по утрам очередное послание влюбленного телеграфиста.

И вот произошла развязка: анонимный корреспондент прислал моей матери гранатовый браслет. Мой дядя... (у Куприна – Николай Николаевич) и отец, тогда бывший женихом моей матери, отправились к Желтому. Все это происходило не в черноморском городе, как у Куприна, а в Петербурге. Но Желтый, как и Желтков, жил действительно на шестом этаже... Желтый ютился в убогой мансарде. Его застали за составлением очередного послания... Отец рассказывал мне, что почувствовал в Желтом какую-то тайну, пламя подлинной беззаветной страсти. Дядя же... горячился, был без нужды резким. Желтый принял браслет и угрюмо обещал не писать больше моей матери. Этим все и кончилось. Во всяком случае, о дальнейшей судьбе его нам ничего не известно».

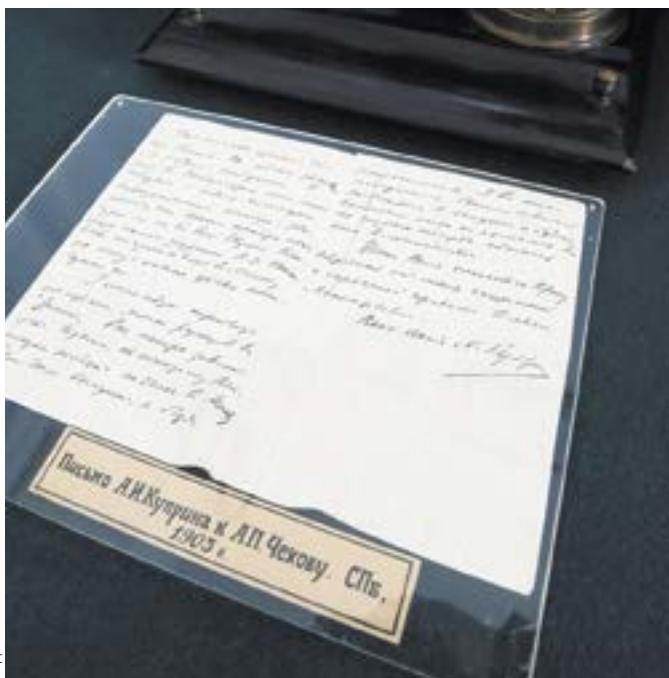
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великого
русского писателя
Александра
Куприна и великого
русского певца
Федора Шаляпина
связывала тесная
дружба

в Наровчат, – нетрудно узнать самого Куприна. Фантазия мальчика рисует родину так: «Наровчат был богатым, людным городом, вроде Москвы, но несколько красивее, а вокруг шумели дремучие леса, расстилались непроходимые болота, текли широкие и быстрые реки...» В действительности Куприн никаких побегов не совершал. Принято считать, что Куприн на родине никогда не бывал после того, как его увезли из Наровчата в раннем детстве. Цветков думает иначе и утверждает, что бывал – во время свадебного путешествия – и даже упомянул об этом в рассказе «Мой паспорт». Наровчатские же старожилы, ссылаясь на рассказы отцов, утверждают, что в начале прошлого века господин в белой тройке с тростью в руках стоял на окраине городка. В нем признали Александра Ивановича Куприна. Подробнее Наровчат описан в рассказе писателя «Царев гость из Наровчата». Названные в рассказе нарочатский предводитель дворянства Веденяпин и мировой посредник Фалин – невымышленные лица. Узнать о них Куприн мог тоже только от своей матери. Кстати, о ней в доме-музее писателя рассказывают такую легенду. Три сына умерли у Куприных до рождения Александра. Перед очередными родами святой старец посоветовал будущей матери приготовить дубовую досочку и после рождения сына нарисовать на ней в рост мла-

АНДРЕЙ СЕМАНКО

АНДРЕЙ СЕМАНКО

денца образ Александра Невского. Тогда сын будет жить долго. Любовь Алексеевна прислушалась.

А крестили будущего писателя в большом Покровском соборе, который до сих пор возвышается в центре Наровчата. Собор и сегодня самое большое и красивое здание здесь. Времена Куприна помнят и Тюремный замок, и большой красивый дом с резными наличниками на перекрестке главных улиц Наровчата. В Тюремном замке когда-то содержались следовавшие по этапу декабристы, а в доме останавливалась Наталья Nikolaeva-

на Пушкина-Ланская, когда приезжала в гости к помещикам Араповым. Вообще-то во времена, когда здесь жило семейство Куприных, главной улицей в Наровчата считалась Ломовская. По ней проходила дорога в городок Нижний Ломов. На ней-то и видели сто лет назад господина в белой тройке. На этой улице и стоял дом Куприных. Возведенное заново на фундаменте сгоревшего дома в 1890 году строение сохранилось до нашего времени. «Реликвий в музее немногого», — с сожалением говорит его директор Любовь Китаева, но

ведь дорог дом-музей Куприна тем, что другого мемориального уголка, который бы напоминал о писателе, в мире нет. Даже во Франции, где он провел долгие годы эмиграции.

Цветы между страницами

О жизни Куприна в Париже в Наровчата знают из первых уст. Дочь писателя от второго брака, Ксения, побывала на родине отца при открытии дома-музея в 1981 году. Перед этим она передала в экспозицию личные вещи писателя: золотое кольцо, которое Куприн подарил своей второй жене, Елизавете Морицовне, две лайковые перчатки (одна — Куприна, другая — его жены), нож для разрезания книг, кофеварку, которой он постоянно пользовался, заграничный паспорт писателя, прижизненный его портрет с женой кисти художника Малевина. От Ксении Александровны в музей перешла вся переписка родителей с ней после возвращения их на родину. Сама же Ксения Александровна осталась в Париже, была манекенщицей и актрисой, снималась во французских и итальянских фильмах.

Всем в Наровчата Ксения Куприна показалась красивой и обаятельной дамой. Она благодарила земляков за память об отце. Слушатели до сих пор вспоминают ее чистую русскую речь, лишенную вычурности и акцента. Запомнились слова дочери Куприна о трудной жизни эмигрантов за границей, о тоске по родине. В заключение она сказала: «Куприн любил родину, и это чувство зародилось здесь, в Наровчата».

После той встречи у многих жителей Наровчата дома хранятся книги Куприна с автографом его дочери. А в доме-музее на видном месте находится книга Ксении «Мой отец Куприн» и большая подборка фотографий той памятной встречи.

Да, реликвий в музее действительно немного. Но истинных поклонников творчества Александра Ивановича Куприна, которые едут сюда со всей страны, это не огорчает. Они украдкой срывают цветы в саду дома-музея и прячут их в страницы томика рассказов и повестей Куприна. К таким чудачествам в музее давно привыкли и никогда не делают замечаний посетителям...

Валентина Переведенцева [Нижний Новгород]

ОХОТНИЦА ЗА ФЕНИКСАМИ

Вы замечали на стенах старых домов небольшие металлические пластины, потемневшие от времени и непогоды? Часто они расположены под самой крышей, и надпись на них разобрать можно с трудом. Это так называемые страховые доски, свидетельствующие, что когда-то владелец дома застраховал свое жилище от пожара. Практик и теоретик страхового дела из Нижнего Новгорода Марина Моисеенко собирает такие страховые доски уже пять лет. В ее коллекции есть уникальные экземпляры, которые могут многое рассказать об истории страхования в Российской империи.

Такие страховые доски, или fire marks, можно встретить не только в России, но и практически во всех странах мира: от США до Новой Зеландии. После 1666 года, когда пожар в Лондоне уничтожил почти 13 тысяч зданий, люди впервые серьезно задумались о страховании домов от пожаров. Первопроходцы «огневого» страхования заключали договоры с отдельными пожарными дружинами, размер вознаграждения которых напрямую зависел от того, как быстро пожар был потушен. Дело, однако, сильно осложнялось тем, что немногие улицы в то время имели названия, а нумерации домов не существовало вовсе. Путаница и неразбериха возникали постоянно: дружины разных страховых компаний съезжались к пылающим зданиям и, пока выясняли, кому тушить, было уже поздно. Тогда и решили: каждая страховая компания может крепить яркие металлические знаки высоко на фасаде застрахован-

Российская общественная премия в области страхования «Золотая саламандра» – серьезная профессиональная награда

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА М. МОИСЕЕНКО

ных зданий – так, чтобы их было видно издалека. Кроме того, если дом все-таки сгорал (зачастую вместе со страховым полисом на него), то найденная на пепелище металлическая табличка была подтверждением того, что договор все-таки был оформлен. Шло время, появились названия улиц и номера домов, пожарная служба стала общегородской, и страховые доски теперь служили, скорее, наружной рекламой, пропагандой, брендом. В таком качестве они отлично прижились и в России: это было символом престижа и благополучия, а также свиде-

тельством прогрессивных взглядов владельцев дома. Красивая яркая табличка из жести или свинца, латуни, меди либо чугуна наравне с полисом не только гарантировала получение страховой выплаты, но и тешила самолюбие хозяев.

Обо всем этом Марина Моисеенко, ведущий специалист представительства Российского союза автостраховщиков в Приволжском федеральном округе, а в свободное от основной работы время – преподаватель экономического факультета Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачев-

Уникальный экспонат коллекции: страховая доска Казанского общества взаимного от огня страхования 1884 года, сохранины оригинальные краски

ского, каждый год рассказывала студентам в рамках курса «Страховое дело». До тех пор, пока в

2005 году не поехала отдохнуть в стариное село Малое Сущево, где сохранились дома дореволюционной постройки с красивой деревянной резьбой. На одном даже была дата – 1837 год. И вдруг Марина вспомнилась собственные лекции: «А нет ли на нем случайно металлической таблички о страховании?» – спросила она хозяина. Оказалось, есть, но – от Госстраха. Марина расстроилась. Неужели старинные атрибуты и впрямь канули в Лету? На огонек зашел сосед, и беседа вновь зашла о страховых досках. Старик рассказал, где в селе еще есть дома XIX века. Утром отправились на поиски: нежилое здание, вокруг – бурьян выше человеческого роста. И вдруг Марина заметила почерневшую от времени доску! Сняли. На жестянке еще вполне можно было разобрать надпись: «Второе Российское страховое общество. 1835». И странную птицу, изображенную в центре. Стали гадать: кто это? Марина предположила: огненный петух – символ пожара? Позже выяснилось, что на табличке – феникс.

Это был первый «феникс», которого «поймала» Марина Моисеенко. С тех пор покой и сон были потеряны: если нашлась одна доска, значит, сохранились многие? 28 августа 2005 года стало днем рождения ее коллекции.

Страховая доска Российского страхового общества 1827 года, латунь

из личного архива М. Моисеенко

из личного архива М. Моисеенко

Первые шаги

Всю коллекцию – около 150 страховых досок, а также дореволюционные полисы, квитанции и другие страховые документы, книги и рекламу – Марина Моисеенко хранит дома: больше негде. Экспонаты – благо много места не занимают, – разложенные по папкам и аккуратно подписанные, умещаются в пару коробок. Лишь самый первый «феникс», выставленный в стеклянной витрине, украшает ее рабочий кабинет в Российском союзе автостраховщиков.

В страховании Марина Моисеенко с 1996 года. В советские годы получила химическое образование, но в лихие 90-е оно оказалось невостребованым. Решив попробовать себя в новой отрасли, Марина от страховогого агента доросла до руководителя компании. Получила второе высшее финансовое образование, начала преподавать в университете. Так

что страховые доски – увлечение не совсем случайное. В интерьере ее квартиры древние чеканки смотрятся как загадочные артефакты. На многих выбито: «1827».

«До 1827 года страхования в России по большому счету не было, – рассказывает Марина Валерьевна. – Но так как у граждан крупных городов к началу XIX века сформировалась большая потребность в страховании, они стали прибегать к услугам иностранных страховщиков. Император не мог допустить, чтобы российские рубли утекали за рубеж, и решил запретить деятельность иностранных страховщиков на территории Российской империи, поручив разработать устав и документы первой отечественной страховой компании». В 1827 году было создано «Российское страховое от огня общество» (позднее к его наименованию было добавлено слово «Первое»). В том же году по по-

лису №1 на фасад трехэтажного особняка у площади Каменного театра на углу Никольской улицы в Петербурге (ныне – Театральная площадь, 14/4) была торжественно водружена первая страховая доска. Дом принадлежал адмиральше Генриетте Мордвиновой, жене Николая Семёновича Мордвинова – известного экономиста того времени, стоявшего во главе правления новой для России компании. Интересно, что компания Мордвинова стала не только первым страховщиком в России, но и по организационно-правовой форме – первым в стране акционерным обществом. Правда, осуществлять свою деятельность оно имело право на территории только 20 выделенных ей госмонополией губерний. Но дома-то горели повсеместно! Поэтому через восемь лет открылось «Второе российское страховое от огня общество» – ему были отданы остальные земли. Не конкурируя друг с другом, оба общества спокойно co-существовали до 1846 года, пока в России не появилась третья компания – «Саламандра». А еще через год истек срок государственной монополии, и начался бурный, по меркам того времени, рост страховых обществ. «Огневое страхование в то время осуществляли примерно 16 акционерных обществ, – подчеркивает Марина Моисеенко. – И примечательно, что если сегодня за нашими страховыми компаниями будильно наблюдает око страхового надзора, то в дореволюционной России до 1894 года страховщики не имели специального органа, который бы контролировал их финансовую устойчивость! При этом компаний, которые обанкротились до революции, можно пересчитать по пальцам одной руки. Если сегодня ежегодная публикация баланса и отчета о прибылях и убытках – это обязанность, возложенная законом, то в XIX столетии страховые общества делали это добровольно, заботясь о своей финансовой прозрачности. Так что по части добросовестности сегодняшним страховщикам есть чему поучиться у своих дореволюционных коллег!»

Без крова не оставим

Помимо страховых акционерных обществ, у которых, как и у любого коммерческого предприятия,

Марина Моисеенко проводит экскурсию по выставке «Истоки страхового дела в Российской империи». 2007 год. Позади нее в рамке – первый экспонат коллекции, с которого все и началось

из личного архива М. МОИСЕНКО

основной целью было получение прибыли, в Российской империи широко развивалось так называемое взаимное земское страхование. Это явление не существовало больше ни в одном государстве мира, так что Россию можно назвать уникальной страной в плане построения страхового рынка! «Уникальность взаимного земского страхования в том, что оно основано на принципах социальности, – поясняет Марина Моисеенко. – Эта система возникла в России после отмены крепостного права, когда уже домохозяин, а не помещик, был ответствен за свое строение. В каждом земстве существовал отдел, который занимался сбором страховых платежей с крестьян и выплатами при наступлении страховых случаев. Его целью не являлось получение прибыли – только взаимопомощь».

Организовано взаимное земское страхование было так: волостной староста проходил по домам и собирал оклад – обязательный платеж, поэтому такое страхование иначе называлось еще «окладным». Строения страховались на 75 процентов стоимости: ограничение ввели специально, чтобы крестьянину не было выгодно самому устроить поджог. Если человек не имел средств заплатить «оклад», его строение все

равно считалось застрахованным – просто на него писали недоимку. И если страховой случай наступал, то выплату все равно производили, пусть и с учетом недоимки. «В этом и заключался принцип социальности, – подчеркивает Марина Валерьевна. – Кроме того, если горело много домов и из земского фонда денег на выплаты не хватало, губернская дума изыскивала недостающие средства, говоря современным языком, из местного бюджета. Ну а если и этот фонд кончался, то можно было обратиться с ходатайством к императору о выделении ссуды на покрытие пожарных убытков из его казны. Так что гарантии были очень серьезные».

В российских деревнях страхование от огня популярно и по сей день. «Об этом исследователи не пишут, но, изучив большое количество литературы, я пришла к выводу, что так дает себя знать именно система обязательного, «окладного» взаимного страхования. Когда в 1918 году все страховые общества были ликвидированы, их имущество национализировано и на этой базе в 1921-м создан Госстрах, сельские люди уже были приучены страховатьсь в обязательном порядке: земское страхование пустило корешки. С горожанами дело обстоит иначе. У нас долгое время не было частной соб-

ственности, да и фактор недоверия играет свою роль. Нестабильная финансовая ситуация, печальный опыт Госстраха в 90-х годах, когда все накопительные виды страхования были заморожены, накладывают свой отпечаток», – рассуждает Марина Моисеенко.

О том, насколько принцип взаимного страхования пришелся по сердцу русским людям, можно судить и по тому, что схожая система существовала не только на селе, но практически и в каждом крупном российском городе: страховой фонд создавался взносами членов общества, из этого фонда производились выплаты. У таких организаций уже не было гарантий ни из губернской, ни из императорской казны! Но они организовали Всероссийский взаимный перестраховочный союз, а кроме того, каждый страхователь взаимного городского общества считался членом правления, и все решения по управлению деятельностью принимались сообща. Только в этих страховых организациях существовала услуга под названием «даровой полис» – он выдавался тем страхователям, которые долгое время исправно вносили взносы и не получали никаких выплат. В приложение к даровому полису выдавались и особые страховые доски, на которых было выбито: «Даровое страхование». Впрочем, позволить себе выдавать такие полисы могли лишь те общества, которые аккуратно и успешно вели свои дела и накопили достаточный запасный капитал.

Дополнение к иконе

В каждом земстве разрабатывали свои фирменные страховые доски. Чаще всего на них изображался герб губернии. На досках городских обществ – либо герб города, либо рукопожатие – символ взаимности. Найти такие доски можно только в той местности, где эти общества имели право осуществлять страховые операции, то есть на территории определенной губернии или города. А вот доски акционерных страховых компаний встречаются от Калининграда до Владивостока. На многих из них выбиты не толь-

Экспозиция из коллекции Марины Моисеенко в Совете Федерации Федерального Собрания РФ. 2008 год

Выставка «Акционерные страховые общества Российской империи» в Музее Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, в рамках которой был выпущен каталог. 2009 год

ко название и год основания компании, но и символы, ассоциирующиеся с сохранностью от огня.

«На доске Второго страхового общества изображалась птица феникс, возрождающаяся из пепла. Общество «Саламандра» использовало символ этого мифического животного, не горящего в огне. Существовали страховые доски с подковами и якорями, а также в форме щита. Но самой удачной, на мой взгляд, была находка страхового общества «Россия». Основой композиции их фирменного знака стала восьмиконечная звезда – этот элемент характерен для иконы «Неопалимая Купина», которая всегда почтась в православии как хранительница от пожара. Узнаваемый символ был очень близок населению, люди с

удовольствием крепили такие доски на свои дома – еще и как дополнительный оберег. Мне кажется, отчасти именно это позволило образованной лишь в 1881 году компании «Россия» быстро выйти в лидеры страхового рынка того времени».

Найти и снять!

«Система у нас такая: приезжаем в город, где есть старые дома. Оставляем машину и идем пешком в обход, потому что заметить страховые доски из окна автомобиля невозможно. Записываем адреса домов с досками – это занимает целый день. Потом приезжаем в этот город еще не один раз, чтобы поговорить с хозяевами и, если получится, доски снять», – раскрывает Марина

из личного архива М. МОИСЕЕНКО

из личного архива М. МОИСЕЕНКО

Валерьевна тактику пополнения своей коллекции. Завязывая разговор с хозяевами дома, на котором висит доска, Марина Моисеенко представляется преподавателем университета и сначала просит сфотографировать дом. Мало кто знает, что за жестянка висит под их крышей. Приходится прочитывать жильцам мини-лекцию о том, что такое страховые доски. Переговоры с местными жителями складываются по-разному: одни готовы сразу отдать находку, другие, узнав о том, что почерневшая жестянка имеет историческую ценность, категорически отказывают. «Я прошу передать табличку в дар, всегда записываю фамилию, имя и отчество дарителя. Денег не предлагаю никогда – это мой принцип. Но всегда вожу с собой небольшие презенты – чай, шоколадку, «жидкую валюту». Категорические «нет» встречаются редко. Гораздо чаще мы просто не успеваем снять все найденные доски, потому что не хватает времени и сил».

Наиболее уникальными экземплярами считаются те страховые доски, которые дошли до нашего времени, сохранив свои оригинальные краски. Ведь безликие сейчас металлические штамповки когда-то были ярко раскрашены.

«Снимать все – это один из принципов моей коллекции, и основан он вовсе не на жадности, а на опыте уникальных находок, когда одна доска оказывается прибитой над другой. Я называю такие находки «бутербродами». В этих случаях нижняя табличка чаще всего сохраняет родные краски. Но еще более удивительная находка была в Казани. Там не просто был «бутерброд», нижняя доска Казанского общества взаимного от огня страхования оказалась прибитой лицевой стороной к дому. Не знаю, в каком состоянии находился мастер, прибивший доску наизнанку, но благодаря его оплошности мы можем сегодня любоваться страховой доской, которая сохранила родные краски, а корона Российской империи и перья дракона Зиланта, изображенного на ней, выполнены методом шелкографии по металлу».

Есть у Марины и любимые экспонаты: почти игрушечные досочки

Квитанция взаимного обязательного [окладного] страхования от огня Нижегородского губернского земства.
1906 год

из личного архива М. МОИСЕНКО

ки – считается, что они были предназначены для доходных домов и прибивались на двери застрахованной квартиры. Эти доски «малышки», как ласково называет их Марина, практически не сохранились: их выбрасывали, меняя старые двери. В ее коллекции «малышки» есть благодаря тому, что иногда из-за отсутствия фасадных досок их все-таки крепили и на дома.

Коллекция идет в люди

Как только Марина Моисеенко начала собирать свою коллекцию, она стала приносить найденные доски на лекции в университет. «Я заметила, что после того, как студенты подержат их в руках, у них кардинально меняется отношение к предмету!

Говорю с уверенностью: теперь мое «Страховое дело» изучается на два порядка лучше. И я поняла, насколько это может быть интересно обычным людям, не связанным напрямую со страхованием».

Увлечение Марины поддержали ее знакомые и друзья: одни пополняли коллекцию новыми экспонатами, снятыми во время рыбалки или отдыха в сельской местности, а, например, глава «Нижегородоблкино-объединения» Павел Милославский предоставил выставочные площади и оказал помощь в организации первой выставки.

Встал вопрос о приведении досок в демонстрационный вид: над многими приходилось изрядно колдовать, прежде чем золотистая латунь

ФОТО АВТОРА

заиграет ярко-желтыми тонами. Вот где Марине пригодилось ее первое, химическое образование! Квартира была превращена в реставрационную мастерскую, запах ацетона и растворителей стоял даже на лестничной клетке. И весной 2007 года в нижегородском киноцентре «Рекорд» состоялась ее первая выставка «Истоки страхового дела в Российской империи», после которой Марину почти сразу пригласили с коллекцией в Казань: осенью того же года вторая выставка прошла при активной поддержке Союза страховщиков Татарстана и личном участии ее президента Виталия Федоренкова.

«В поисках информации о страховых досках и компаниях, к которым они принадлежали, я узнала о Музее истории страхования, созданном в страховом обществе «Россия», его директоре и серьезном исследователе Владимире Николаевиче Борзых, а также о других коллекционерах. Но писать или звонить им стеснялась: еще не чувствовала себя «профи», хотела сначала что-то сделать, а уж потом – знакомиться. Но после первой выставки все они нашли меня сами. А в 2008 году Владимир Борзых пригласил меня на презентацию своей книги «Знаки страховой защиты в Российской империи», в которой он каталогизи-

ровал все известные на тот момент разновидности страховых досок. Презентация книги проходила в Москве в здании Совета Федерации Федерального Собрания РФ в апреле 2008-го. Для меня было большой честью, что презентация книги сопровождалась экспозицией страховых досок из моей коллекции – это было очень почетное для меня предложение Владимира Николаевича.

Хозяйка саламандры

В прошлом году Марине Моисеенко удалось «поймать» «саламандру» – редкую, золотую. Только на этот раз не доску: «Золотая саламандра» – это Всероссийская премия в области страхования, которая вручается ежегодно компаниям и деятелям, внесшим значительный вклад в развитие отрасли. Марине эту высокую награду вручили «За личный вклад в развитие науки и подготовку кадров в страховании». Но профессиональный успех пришел вместе с личной трагедией: Марина овдовела, и пополнение коллекции резко затормозилось.

Без помощника хрупкой женщине трудно отправиться в «экспедицию»: слишком далеко ехать по незнакомым трассам, а каждую найденную доску еще ведь надо снять! Таблички эти прибивали сто с лишним лет назад, высоко на фасаде – попробуй-ка, стоя на шестиметровой лестнице,

победить старые гвозди. Неудивительно, что среди 8 российских коллекционеров страховых досок Марина Моисеенко – единственная женщина. «А я коллекционером себя не считаю, – тут же поправляет она. – Мне важно не просто найти и снять страховую доску, а еще и изучить историю компании, которая ее выдала. Это научно-исследовательская работа, благодаря которой и получаются выставки. К тому же я страховые доски принципиально не продаю и не покупаю. И только недавно решила обмениваться с другими коллекционерами – при условии, что в коллекции появляется третий экземпляр одной и той же разновидности доски».

Только третьими «повторами» она меняется не из-за скромности: просто вторые экземпляры табличек – это неприкованный запас для воплощения в жизнь еще одной идеи. Марина хочет найти в архивах сведения о том, как страховые доски выглядели изначально, чтобы сделать их цветовую реконструкцию. «В музее страхового общества «Россия», например, доски раскрашивают – так экспонаты выглядят более зрелищно. Но по моему глубокому убеждению, цвета нужно восстанавливать такими, какие они были на самом деле. Единицы сохранились с родными красками, а для того, чтобы восстановить остальные, нужно обращаться к архивам фабрик в Петербурге и Ревеле, которые их штамповали. Когда-нибудь я все равно это сделаю!»

Сейчас она готовит свою коллекцию к пятой масштабной выставке – в октябре экспозиция из страховых досок и документов, относящихся к взаимным страховым обществам и обществам по страхованию жизни, будет демонстрироваться в Музее Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, а пришедшие на открытие еще и получат в подарок стильный каталог. Знаки акционерных страховых обществ выставлялись в ННГУ в прошлом году, а в следующем, как раз к 90-летию Госстраха, Марина обещает показать экземпляры из своей коллекции, относящиеся к советскому периоду. Оказывается, и там есть на что посмотреть!

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

Анна Пелегова

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

В Узбекистане пробуждается интерес к изучению русского языка. Чем вызвана эта тенденция?

СКОЛЬКО ВЕДЕТСЯ СПОРОВ о том, есть ли будущее у русского языка на земле Узбекистана! Но длящаяся уже второе десятилетие дискуссия не мешает ему существовать в самых разных сферах. Не стоит забывать, что в стране проживают представители почти ста национальностей. Несмотря на то, что в законе «О государственном языке» у русского нет статуса государственного, хочется этого кому-либо или нет, он остается языком межнационального общения.

Большинство статей на тему дерусификации на постсоветском пространстве будто списаны одна с другой. Причем делятся на два типа. В одних поется погребальная песнь языку, другие, наоборот, исクリются переливами оптимизма. Не надо полностью верить ни тем, ни другим. Правда, как всегда, где-то посередине.

...Мы прощаемся с ученым-филологом, преподавателем университета на автобусной остановке, где и состоялось полуконспиративное

рандеву. Кстати, следует отметить, что все визави, которые согласились вести беседы на данную тему, сразу оговаривали условия анонимности. Так вот, этот седовласый аксакал – из числа пессимистов. Когда я попросила его одним словом определить состояние русского языка в Узбекистане, он, не задумываясь, выпалил: «Агония». И, садясь в новенький «исузу», ткнул пальцем в надпись на боковине. Там кириллицей, но с применением местной «транскрипции», сообщался маршрут: Сугдиёна (по-русски Согдиана) – Сат-тепа (Сартепо) и так далее. Я огляделась. Вокруг – буквенная сумятица! «Svadebni salon», «kapitalbank – надежные вклады», «dorihona, дорихона, аптека» – провизоры расстарались, выстроив столбцом сразу три варианта. Тяжко лицезреть подобную мешанину. Непросто и приехавшему сюда впервые сориентироваться в алфавитном ералаше, уяснить, какой же язык тут правит бал. Но большинство местных жителей терпимо относятся к лексическому смешению на ярлыках, табличках, ценниках и

вывесках. Главное, каждый находит нужное и понимает, куда ему зайти за необходимым.

В этой неразберихе становится ясно, как пострадал государственный язык, пытавшийся перейти на латинскую графику. Кириллица не сдала своих позиций, зато выросло целое поколение, с первого класса изучающее грамоту латинской графикой. Похоже, именно им следует сочувствовать. В подтверждение приведу переписку, выловленную в Интернете на бизнес-форуме Узбекистана. Некто по имени Дильшод сетует по поводу удаления сообщений на латинице: «Пачими правила форума пративаречат Закону РУз О языке?» – вопрошают он. Администрация и блогеры пытаются объяснить юноше, что таковы условия, которые он принял при регистрации. Но парень не успокаивается: «...учасники форума молодые кто учился на латине... в кишлаке люди забыли кириллу...» На горестный вопрос о том, что, выходит, ему не место на форуме, прозвучал замечательный ответ от персоны, именующей себя Радиоголова: «Тому, кто не умеет грамотно излагать свои мысли, вообще нет нигде места». Еще один блогер: «Это русскоязычный форум, ищи другие страницы. Узбекистан – многонациональная страна. Допустим, корейцу не придет в голову требовать здесь общения на корейском». Ехидный оппонент подкалывает: «На узбекских деньгах вообще-то написано кириллицей, как ты в них разбираешься?!» А особы, скрывающиеся под ником odetta, как отрезала: «Каждый заинтересованный родитель сегодня должен побеспокоиться, чтобы его чадо знало кириллицу и латиницу». Нашлись и сочувствующие: «Мои двоюродные братья в 90-х учились на латине. Теперь не понимают буквы ю, ё, ь, щ, ѹ. И на компе у них кириллица не установлена. Что им делать?» Вопрос вопросов. Тем не менее сердобольная русская диаспора переживает. Пенсионер-преподаватель технического вуза, не потерявший связи со своим коллективом, скрушаются: как станут растить спе-

циалистов? Специализированная литература издана на кириллице. Не говоря уже о фундаментальных исследованиях, монографиях, докторских диссертациях – как русскоязычных авторов, так и интеллектуальная собственность представителей титульной нации. Где, кто и когда обеспечит перевод?

В одном из областных центров собрали на заседание горхокимията (совета) бизнесменов средней руки. Руководство настаивало, чтобы вывески на магазинах, кафе и ресторанах были на узбекском, исполненном латинской графикой. Но предприниматель, поведавший эту историю, категорически отказался. «Мне, – говорит, – все равно на каком, лишь бы прочитали и зашли! А для иностранца недоступно, что «хамом» на кириллице, что «хамом» на латинице. Лучше уж останется просто «баня»...».

Да, намудрили с латиницей дальше некуда. Учебников для всех ступеней образования не хватает, пресса узбекоязычная – и та на кириллице. Документы, указы спускают в организации на ней же. Что дальше? А дальше – всплеск тяги к русскому. С кем ни поговори из ответственных работников системы образования, удивляются неожиданной переоценке значимости русского языка в последние пару лет. Отдавая ребенка в сад или школу, родители настаивают на русском языке обучения. И ведь не только русскоязычная родительская братия об этом печется. Какая уж тут агония?

Все на курсы!

Конечно, кое-кто предпочитает европейские, а то и американские науки, отправляя своих чад за грамотой в дальнее зарубежье. Но богатых в стране не так много. К тому же мальчики и девочки из привилегированных семей, вернувшись в отчий дом, вынуждены выбирать из прежнего языкового меню. Английский в республике востребован... своеобразно. Ходить на платные курсы и к частным педагогам модно, престижно. Но в повседневности «гость» из Туманного Альбиона применяется весьма скру

по. Еще в начале тысячелетия группы ташкентских, бухарских, самарканских ученых, что называется, по велению сердца, провела анкетирование в своих городах. Через несколько лет опрос повторили. Ситуация изменилась не сильно. Разве что к моменту последнего анализа более склонилась в пользу русского. В профессиональной деятельности английским пользуются не более 1 процента респондентов, прессу на нем читают 0,3 процента. Из анкет следовало: в качестве коммуникативного внутрирегионального средства английский употребляют 0,2 процента, тогда как русский – 96 процентов!

При Самаркандинском русском культурном центре с марта 2010 года функционируют курсы русского языка. Желающих – хоть отбавляй. Планировали набрать две группы, но, похоже, придется открывать третью. Основной состав «курсантов» – молодые люди. Ориф родом из далекого Ургутского района, сейчас учится на физфаке СамГУ. На уроки русского юноша спешит после занятий два раза в неделю, как сам признается, с удовольствием. В университетской библиотеке увидел несколько книг, необходимых для учебы, а вот навыков чтения, увы, не хватило. Да и в общении с «городскими» сокурсниками, которые смотрят кабельное телевидение, ходят в театр, на концерты, обсуждают новости, несколько скован. Жалеет, что небрежно относился к предмету в школьные годы. Вот и решил не жалеть времени на освоение языка, способного помочь расширить кругозор. А вот Сайд уже оканчивает Институт экономики и сервиса. Уверен, что для будущей профессии основательное знание русского просто необходимо. К тому же выпускник надеется поехать работать в Россию и, если повезет, там продолжить образование. Медсестре по имени Марджона русский необходим для того, чтобы понимать пациентов, среди которых так много пожилых. Девушке особо жаль бабушек, взрослые дети которых давно перебрались в Россию в поисках лучшей доли... А вот Бишифат не чувствовала проблем, вполне обходясь

без русской грамматики до тех пор, пока у дочери-школьницы не начались проблемы с этим предметом. Подсказать, проверить домашнее задание мама не могла. Записались на курсы вместе.

Среди посещающих курсы русского есть и потенциальные претенденты на гражданство России. Ведь теперь предстоит сдавать экзамен...

Такой всеобщий проходит во многих городах Узбекистана, есть такие весточки, например, из Термеза. А вот подписчики газет «Андижанома» и «Андижанская правда» с января получают приложение на русском языке. Более того, русская речь чаще звучит и на местном радио. Публикуются в прессе и передаются в эфир не только новости, очерки о замечательных делах и людях, идет информация об истории России, о культуре речи, об этике поведения. Житель Каратюпинского района пишет в областную редакцию с благодарностью: «Русскую литературу и поэзию невозможно не любить... Сегодня почти каждый сельский житель хочет приблизиться к русской речи. Мне искренне жаль не открывших ее для себя...»

Оба вышеупомянутых проекта разработали в республике благодаря поддержке РФ. К осуществлению андижанского подключился непосредственно фонд «Русский мир». А представительство Россотрудничества регулярно передает в помощь педагогам-русистам учебники и методические разработки, которые, по свидетельству преподавателей, являются хорошим подспорьем. Ведь изданные здесь книги по данному предмету не совсем устраивают учителей. Высказываются претензии к содержанию, наличию элементарных грамматических и стилистических ошибок и даже к внешнему облику – так, брошюры.

Школьные упражнения

На уроках литературы дети в «русских» классах наряду с русскими писателями проходят творчество узбекских в русском переводе. А сокращение отведенных на изучение материала часов оказывается не лучшим образом на знаниях учащихся. Более того, русская литература ока-

зывается как бы оторванной от истории государства российского. Времени на родной для русских детей язык отведено в расписании уроков на пару часов меньше, чем в российских образовательных учреждениях. Отсюда – явная «хромота» на деепричастные обороты, пунктуацию... Русский язык в классах с узбекским языком обучения имеет статус иностранного. Уроки два раза в неделю, особенно в глубинке, где зачастую сами учителя слабо знают предмет. В библиотеке одного из областных институтов повышения квалификации и переподготовки педагогических работников проштудировала ряд учебников. Из них ребенок мало что узнает о такой стране, как Россия. Тексты чаще посвящены родной тематике, национальным праздникам. Возможно, так легче усваивать чужой язык. Но, насколько помню, с тем же английским в школьные годы мы знакомились, встречая на страницах Пита, Мэри, Ника, Биг-Бен, Лондон, Темзу и Тауэр. А тут чаще Нигоры и Джамшеды рассказывают про Навруз, государственную символику, климат региона.

В учебнике русского языка для узбекской школы (4-й класс) упражнение 307, подразумевающее изучение счета, утверждает, что семья 12-летнего мальчика (естественно, с узбекским именем) состоит из 9 человек: дедушки 82 годков от роду, 78-летней бабушки, мамы и папы, которым соответственно 43 и 46, 20-летнего брата и 16-летней сестры. Сколько ни загибала пальцы, численность семейства не превышала цифры 8. Здесь же, на странице 105, едва не всплакнула над стишком (пунктуация сохранена):

«Серенькая тучка, злившись целый день
Ты все плачешь, плачешь
И тебе не лень
Мой цветочек маленький,
Он промок насеквозд.
Ведь погибнет ландыш
Жалко мне до слез».

В другом учебнике, больше напоминающем брошюру, на глаза попался кроссворд. Цитирую ответы в клеточках, вписанные рукой какого-то преподавателя: «кастюм», «памудори», «юпка». Готовя себе шпаргалку, этот ас от педагоги-

ки продемонстрировал не просто безграмотность, он вызвал испуг: почему же и как научит? В книжке за 3-й класс к загадке «Что за комната такая? Очень светлая, большая. Партии ровными рядами, а за партами – мы сами» тоже накарябана разгадка: «Пинал»(!) Вот и вспомнишь анонимного доцента, скрушающегося о предстоящей участии и судьбе дела, которому отдана его жизнь: «На первый курс приходят люди, слабо владеющие языком. И вместо того, чтобы давать академические знания, мы должны тратить время на азы!»

Но ведь хорошо, что все же приходят, все же идут штурмовать русскую филологию. Грустно, конечно, что утрачена знаменитая некогда лингвистическая школа, прижившаяся в Узбекистане со временем Великой Отечественной (кстати, здесь это понятие забытое, принято говорить и писать «Вторая мировая»). В Самаркандском госуниверситете читал лекции, воспитал плеяду ученых близкий Брюсову человек – Яков Зунделович Георгий Поливанов – имя также известное в филологических кругах.

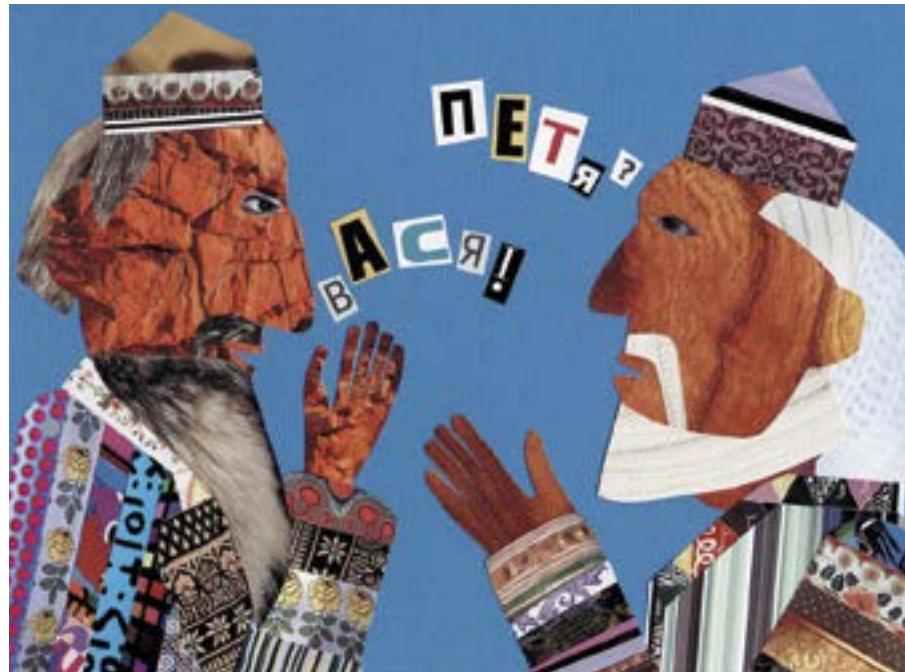
Зато грант «Русского мира» выиграла не только андижанские журналисты, но и Узбекская академия мед-наук, самарканцы под этой эгидой завершают книгу, где восстанут из небытия славные русские фамилии, приумножившие в свое время славу Туркестана. И Год Чехова стартовал нынче вполне достойно – вечерами в колледжах, театральными премьерами, выставками в ресурсных центрах, в которые теперь переименованы библиотеки. Продолжаются традиционные Виноградовские чтения. Правда, таят обиду на периферии: в качестве приглашенных все больше представители столицы. Но тут, скорее, сказываются финансовые трудности. Зато работают филиалы российских вузов, зато некоторые узбекские студенты имеют возможность обучаться в России и еще стипендию им там приплачивают! Наши педагоги участвуют в Пушкинских конкурсах, занимают призовые места и ездят в Москву за наградами. Выходят на русском газеты, журналы, теле- и радиопередачи.

дачии. Только вот почему-то русским, живущим здесь, не спокойно и волнительно, и едва ли не каждый из оставшихся мечтает об отъезде, о маленьком домике на российских просторах. И чтоб гражданство без хлопот. Не только и не столько в языке дело. Вроде бы все терпимо, но душа мается. Наверное, от того, что даже и тут она остается русской.

72 часа

...Звонит приятельница, переносит визит. Вызывают ее в институт, где учится сын. Она вся в тревоге: парень неглупый, но непоседа. Что натворил? Семья – мусульманская, но, как тут говорят, европеизированная. Общаются дома по-узбекски и по-русски, дети ходили в русскую школу, на русском получают высшее образование. А вызвали родителей в институт, как выяснилось, из-за того, что половина группы первокурсников истфака не владеет русским. Преподавателями предъявлен ультиматум: нанимать репетиторов или неуспевающие не будут допущены к экзаменам. Вопрос, как же они сдавали вступительные тесты, к нам не относится...

Таких, как моя приятельница, здесь немало, на наше счастье. Они, билингвы, невольно помогают держаться русской речи на плаву. С трибун звучат речи на государственном языке, на нем ведутся совещания в хокимиятах и большинстве организаций, почти все бланки в конторах и счета за коммунальные услуги напечатаны на узбекском. А старшее поколение до сих пор не стесняется использовать когда-то придуманные себе имена. Можно увидеть седобородого, в тюбетейке дядю Федю (Фурката или Фархода), побеседовать с говорливыми тетушками Раей (Райно) и Машей (Мафтуной), выпить зеленого чая с уважаемым Аликом-бобо (Алиаскаром либо Алишером). Старая смена с удовольствием поддерживает беседу на русском, блистая порой изысканными оборотами. Если попадешь в кишлак, надежда – только на старшее поколение. Кто еще поможет отыскать нужный адрес, объяснив на русском, куда и как пройти? Молодежь из глубинки нередко и двух слов по-русски свя-

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЙ

зать не может. Обижаться ни к чему: другие времена, другое государство, другие принципы.

Почему-то вспомнила своего знакомого, ярого когда-то «бирликовца» (члена давно запрещенной в стране партии). В конце 80-х Сухроб-ака мечтал о двух вещах. Во-первых, чтобы вслед за Москвой не переводили дважды в год стрелки часов. А во-вторых, чтобы дворничих-узбечек заменили на улицах русские женщины. Последнее особенно его вдохновляло на эмоциональную риторику. Дескать, почему это наши мусульманки должны асфальт подметать, это на своей-то родине! А ваши русские, куда ни глянь, то учителя, то врачи... Доказывать, что мы для этого учились, сутками зубрили, готовясь к зачетам, а они – в 16 лет замуж, потом куча детей и никакой профессии – было бесполезно. Сегодня можно констатировать: идеи бывшего знакомого победили только в части часов. Метлами машут по-прежнему чернобровые пери средних лет в ярких атласных платьях. Правда, некоторые обладательницы институтских дипломов славянского обличья пошли-таки в репетиторы и няни, а то и в домработницы в состоятельные «восточные» семьи. Но обладателей «зеленых» паспортов на тех же должностях, а еще в числе лифте-

ров, консьержек и уборщиков российских дворов, все равно больше. Тут виной дефект не национальной принадлежности, а финансовая несостоятельность отдельных граждан и государства в целом.

Не правы те, кто пишет, что в Узбекистане нет русских школ. Есть и классы, и школы. Меньше, чем раньше, но более 700. В колледжах, лицеях, вузах продолжается обучение в русских группах. На факультетах и отделениях с государственным языком обучения русский – обязательный предмет. Только вот отведено на него всего 72 часа.

Но стоит, думаю, тревожиться не о количестве, а о качестве. Учителя русского языка редко являются его носителями. Впрочем, английский, немецкий, французский тоже преподают не представители этих национальностей. Проблема, видимо, в том, что к получению специальности преподаватели иностранных языков в студенчестве относились по-разному. Различна и мотивация изучения языков нынешней юной порослью. Как там у классика: кто-то любит арбуз, а кто-то – свиной хрящик. В современной интерпретации: кому-то Йельский университет или хотя бы гринкарта, а для кого-то предел мечтаний – торговля курами гриль в Выхино. У всякого своя корысть. ●

Оксана Прилепина, фото Антона Беркасова

В ПОИСКАХ ПОКОЯ

Старенькая бетономешалка, кучи песка, храм упрятан под строительными лесами. Пока единственное украшение здесь – новенькая деревянная беседка с колоколом: от прежней колокольни ничего не осталось, а как жить без звонницы?

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНСКАЯ ОБИТЕЛЬ Святителя Иоанна Милостивого, что в поселке Мстёра Владимирской области, соседствует с мужским монастырем, отреставрированным за последние десять лет. В мужском монастыре – главный мстёрский приход. На таком фоне женская обитель, которая существует уже пять лет, выглядит скромно и даже сиротливо. Здесь всего шесть сестер, которые управляются с небольшим хозяйством: огород соток на пять, пара коз и куры. Впервые деревянная церковь во имя свт. Иоанна Милостивого упоминается в 1628–1630 годах. К середине XVII века рядом с церковью построили женский монастырь, упраздненный в 1764 году по приказу Екатерины II. Церковь сделали приходской. В 1809 году на ее месте возвели однопрестольный каменный храм. Еще через полвека на средства местного купца Сенькова в храме сделали чугунный пол, расписали стены и возвели шатровую колокольню. В 1929 году храм опечатали, росписи закрасили, сняли кресты и колокола, иконы побросали в реку, часовню приспособили под лавку по продаже керосина, колокольню и ограду разобрали, сделали пристройку под кинобудку, кассу и тир. Так храм превратился в фабричный клуб имени 1 Мая.

Здесь гуляла и танцевала молодежь нескольких поколений, пока здание вконец не обветшало. «Когда меня сюда благословили из женского монастыря в Городовце в 2005 году, даже крыши практи-

чески не было, – вспоминает настоятельница матушка Фомаида (Елена Зуйченко). – Первым делом мы с двумя сестрами и местными жителями взялись за уборку, из алтаря вытащили горы бутылок

и каменный бюст Ленина. Спрашиваем батюшку: «Благословите, куда нам вождя деть?» Он: «Да вон, в реку кидайте». Но до реки мы Ленина просто не дотащили – тяжелый. Оставили на дороге, а к утру его уже похитили. Рассказывали, подъехали «жигули», мужики в нее бюст запихнули, машина аж перекосилась. Видимо, такая судьба наших Лениных».

Рекорд по епархиям

Разобрав в месте алтаря сцену, сестры обнаружили основания колонн. С них и началась реконструкция храма. Советскую пристройку решили не убирать, а сделали перекрытие, и из одноэтажной пристройки получилась двухэтажная. Внизу размещается кухня и трапезная, наверху – двух-трехместные кельи. Там же, на втором этаже,

расположена и комната настоятельницы, где обычно принимают гостей. Высота потолка здесь метр семьдесят, комната забита множеством вещей. Иконы, сервант с посудой, чайник, стеклянные статуэтки ангелов, плюшевый тигр, канцелярские принадлежности, синтезатор Casio, гитара (сестры пишут песнопения, выкладывают их на сайт, выступают на православ-

Наталья, 27 лет, высшее образование, бухгалтер с восьмилетним стажем:

«Как-то муж принес домой героин, мы попробовали. Муж со временем с наркотиков перешел на алкоголь, а потом бросил меня, потому что я пристрастилась, потеряла работу и человеческий облик. Три года я сидела на игле, мама начала ходить в церковь, потом в «Осознание». Она начала лучше меня понимать, и, может, это подтолкнуло меня понять ее. Я стала общаться с «сосознанским» отцом Валентином, сходила на первый акафист, но впечатления на меня он не произвел. Три месяца назад я поняла, что если не приеду в монастырь, то все. И вот я здесь. Я пересмысливаю здесь жизнь. Пока еще не готова вернуться, не могу спокойно относиться хотя бы к шприцам. Надеюсь, шанс вырваться из всего этого у меня есть».

ОТПУСК В МОНАСТЫРЕ

Валентина Переведенцева [Нижний Новгород]

Не устроить летом отпуск хотя бы на несколько дней – маленькое преступление перед собой. Но как лучше всего дать отдохнуть душе и телу? Кто-то традиционно едет к морю, кто-то собирается навестить родственников... А нижегородка Татьяна Ющенко, 43-летняя одинокая мама четверых детей, в прошлом году провела свой короткий летний отпуск... в монастыре.

Все началось с того, что директор частного кадрового агентства Татьяна Ющенко твердо решила отдавать десятую часть от доходов своего бизнеса на благие дела – иными словами, вносить пожертвования. И тут же столкнулась с проблемой: куда или кому жертвовать? «Через несколько дней после принятия такого решения, читая «Российскую газету», я заметила небольшую статью, в которой говорилось, что в Вязниковском районе Владимирской области, в поселке Мстёра, восстанавливается женский монастырь во имя святителя Иоанна Милостивого, – вспоминает Татьяна. – Авторы просили помочь монастырю чем может – деньгами или трудом. Мне особенно понравилось это выражение: «деньгами или трудом». Я поняла, что готова помочь и тем, и другим».

ных концертах), старенький диван и компьютер, подключенный к Интернету (им пользуется в основном матушка, и то лишь затем, чтобы проверить почту и сайт, сделанный местной прихожанкой).

Матушка угождает зеленым чаем и рассказывает, что фотографий монастыря и храма не сохранилось. Зато в архиве нашлась историческая справка, в которой перечислялось, какие 12 икон были в иконостасе. Кстати, некоторые из них нашлись в соседнем мужском монастыре, но матушка Фомаида на них не претендует. «Неужели не отдадут, если попросить?» – удивляюсь я. «Да ладно, – отмахивается она, – будет воля Божья, они к нам перейдут. А затевать войну не буду: к этим иконам люди уже прикипели, Владимирский храм не закрывался никогда, пусть молятся. А наш храм... люди привыкли, что тут был клуб, народу, конечно, поменьше. Но бывает, приезжают паломники». В основном силами паломников, или, точнее, трудников, и возрождается обитель. Иконостас еще не заполнен, но что-то подарили реставраторы, что-то написали местные художники, Мстёра ведь славится древней

школой иконописи и лаковой миниатюры.

Строителей сестры нанимают на средства от пожертвований. Впрочем, это деньги небольшие, у обители пока нет даже своего расчетного счета. Епархия постоянно финансирует монастырь не может. «Знаете сколько нас таких в епархии? – по-простому объясняет матушка Фомаида. – За каждым более или менее серьезным приходом либо монастырем закреплен вот такой разрушенный храм. У нас только действующих монастырей, наверное, тридцать – рекорд по всем епархиям. А сколько храмов – даже и не знаю».

Через три месяца после начала уборки состоялась первая служба, на престольный праздник 20 ноября 2005 года. Поставили стол, положили Евангелие, зажгли свечи... На праздник приехали из Гороховца благочинный отец Илья, сестры, паломники. «Благодать особая была, –

Марина, 25 лет, Нижний Новгород, высшее строительное образование:

«В школе я была отличницей, занималась легкой атлетикой и спортивными танцами. В 18 лет начала взрослую жизнь, работала инженером-программистом, снимала квартиру, окончила железнодорожные курсы и пошла в проводницы. Наркотики попробовала в 1999 году. Начала с сигарет, в 2004 году закончила героином. Все мои друзья сейчас либо на том свете, либо в тюрьме за кражи. Мне тоже приходилось красть. Когда я трезвела, мне становилось страшно, но потом снова настигала болезнь. В один из таких моментов я поняла, что у меня нет ничего, кроме скорбей, смертей, долгов и маминых слез. Папы не стало после инфаркта. Мне 25, впереди – чернота. Я искала пути через больницы, капельницы, вшивания, реабилитационные центры – не помогло. Мама узнала про «Осознание», ходила к иконе «Неупиваемая чаша», и я пошла на исповедь. Здесь я уже полгода. Мне было удивительно, что здесь ломки без медикаментов проходят мягче, чем с медикаментами дома. Труднее справиться с тем, что кошмар творится в голове. Здоровье, конечно, мы погубили. Через полгода я вернусь к нормальной жизни. На днях, в качестве пробы, поеду в отпуск на неделю. Мне страшно. Все мои друзья так или иначе с наркотиками связаны. Не поверите, все с высшим образованием: педагоги, психологи, милиционеры. Но у меня уже другое мировоззрение, я уже могу отделять добро от зла. Вернусь – выйду замуж, пойду работать архитектором-дизайнером».

Татьяна признается, что в церковь она до этого ходила лишь изредка, а уж в монастыре ей тем более не доводилось ни жить, ни трудиться.

Интересно стало. «На дворе – кризис, грехов полно, да и морально я подустала от борьбы за жизнь. А еще вспомнила: в юности, когда мы жили в деревне, то с тяпкой на огороде любой стресс у меня проходил за два дня. Сейчас же, в городе, меня разрывает от дум и мыслей. Еще моя бабушка говорила: «Будут трудные времена, Танюшка, ты работай побольше да ешь поменьше, никаких дурных мыслей в голове не будет». Посмотрите, на руках у нас, городских, ни у кого мозолей нет, даже у мужиков!» – так объясняет Татьяна свое решение уехать на четыре дня в монастырь. Сказано – сделано.

ЗНАКОМСТВО С СОБСТВЕННОЙ ГОРДЫНЕЙ

От Нижнего Новгорода до Вязников она добиралась на автобусе два с половиной часа, а дальше – еще сорок минут на местном автобусе до поселка Мстёра. «Мои представления о Мстёре не оправдались: я-то думала, это небольшая деревенька в лесу – три дома, деревянная церквушка. Но поселок оказался очень большим и красивым! К моему стыду, перед поездкой я даже не удосужилась посмотреть про Мстёру информацию в Интернете – вот она, самоуверенность и гордышка. И только по возвращении в Нижний прочитала, что Мстёра, пожалуй, единственный в России населенный пункт, где практически каждый второй житель – художник или иконописец. Например, именно мстёрские иконописцы восстанавливали шедевр древнерусской живописи – «Троицу» Андрея Рублева!»

Из дневника Татьяны Ющенко

Четверг, день первый

«Автобус останавливается на площади рядом с Богоявленским мужским монастырем, и сразу за ним – женский монастырь Иоанна Милостивого. Идти три минуты. Перед монастырем я вытащила из рюкзака платок и повязала его: не буду никого гневить, ведь в Божьи места приехала. Так как перед отъездом из Нижнего предупредила, что еду помогать, меня ждали. Мне показали комнату, объяснили правила и попросили подождать матушку Фомайду, так как она определяет, где будет трудиться человек. Матушки Фомайды не было, а сидеть не хотелось, и я предложила помочь на кухне, что и определило мое дальнейшее послушание. Когда собрались все сестры на ужин, оказалось – девять человек, вместе со мной.

Итак, действующие лица: матушка Фомаида (около 40 лет), мать Саломея (далеко преклонный возраст), мать Мария (далеко преклонный возраст), мать Лидия (далеко преклонный возраст), послушница Надежда – эти сестры живут постоянно в монастыре. Именно эти женщины и восстанавливают монастырь. Остальные приезжие, как и я».

Татьяна признается, что лишь через несколько дней смогла осознать: всего пять человек, трое из которых

Алексей Кузаков, 35 лет, г. Дзержинск Нижегородской области, средне-специальное строительное образование, 13 лет лагерей строгого режима:

«У меня алкогольная зависимость с 16 лет, в реабилитационном центре я больше года. Здесь я сделал глоток чистой жизни. Не той, где меня интересовали только деньги, чтобы их прогулять в ресторанах и клубах. Когда деньги заканчивались, я шел на преступление – грабежи, тюрьма. В школе учился хорошо, но поступать никуда не стал, хотелось чем-то выделиться, и вот выделился... Четыре раза выходил на свободу, последний раз – два года назад. И я понял, что я как личность – ноль, хотя мог бы сделать многое. Я увидел объявление в газете и попал сюда. Я за этот год изменился. Вы когда-нибудь на исповеди были? У меня были такие грехи, я такую боль причинял, не осознавая, меня вообще не интересовало, что люди чувствуют. Когда я это понял, будто гири с меня сняли. Я уже готов отсюда уйти. Этого никто за тебя решить не может, надо самому отнести сомнения. Я буду вести трезвую жизнь ради родных и близких. У меня есть семья, познакомились в церкви. В «Осознании» многие создают семьи, потому что могут по-настоящему поддержать друг друга».

вспоминает матушка. – Что-то такое, что и не выразишь словами».

Сейчас помещение храма выбелено, подготовлено к еженедельным молебнам и панихидам. Сестры надеются, что удастся полностью закончить реконструкцию, построить колокольню, два корпуса келий и иконописную мастерскую.

Пути неисповедимые

В мастерской будут работать сестры, и в первую очередь – матушка Фомаида, по образованию реставратор станковой, масляной и темперной живо-

писи. Ей еще нет сорока, в миру она работала при храме, имела в Гороховце (Владимирская область) семью. Девять лет назад духовник посоветовал ей пойти в Знаменский монастырь в Гороховце. Она послушалась, оставив 6-летнего сына Дмитрия на попечение бабушки. Сейчас юноше уже 17 лет, он учится в художественном училище. Я не удержалась: «Сын понял ваше решение?» «У него сейчас возникает много вопросов», – уклончиво ответила настоятельница.

У каждой монахини – свой путь. Мать Мария пришла в мстёрский монастырь вдвоем с мужем, отцом Романом. В миру она работала прачкой в детском саду, он – плотником, вырастили детей... Мать Саломея до пенсии была секретаршой на заводе... Вся жизнь 40-летней послушницы Надежды прошла при церкви во многом благодаря тете – старосты при храме. Надежда с 16 лет участвовала в службах, замуж не выходила, ее брат тоже удалился от суеты, стал священником... Стареньнюю монахиню Ангелину постригли дома, она хоть и числится в монастыре, но из-за болезни находится на домашнем режиме.

Сестры занимаются вышивкой, хозяйством, ездят в паломнические поездки в Дивеево и Серпухов и ведут реабилитацию людей, страдающих алкоголизмом и наркоманией.

Осознание

Строго говоря, реабилитацией алкоголиков и наркоманов занимается частный центр «Осознание». Но работают с заблудшими душами преимущественно священнослужители. Происходит все следующим образом. В Нижнем Новгороде есть церковь Сергия Радонежского, где по пятницам читают акафист Богородице перед иконой «Неупиваемая чаша». Если человек, у которого проблемы с наркотиками или алкоголем, искренне раскаивается и просит помочь, ему сначала ставят условие: трижды посетить чтение акафиста. Когда первое испытание пройдено, с человеком начинают работать батюшка и психолог: консультации, исповедь, беседы. После такого 30-дневного «карантина» люди получают возможность месяц жить при одном из шести храмов во Владимирской области. Обитель во

«далеко преклонного возраста», восстанавливают храм и монастырь своими силами и с Божьей помощью. Остаток первого дня она посвятила наведению порядка на кухне. А потом непривычно хорошо спала.

УКЛАД МОНАСТЫРЯ

Монастырь во имя свт. Иоанна Милостивого, в который попала Татьяна, не лишен благ цивилизации: сюда проведена вода, есть титан, нагревающий воду, душевая кабина и стиральная машина-автомат. Кухня тоже оказалась на удивление обустроенной: несколько холодильников, электрические плиты, посуда и кухонная бытовая техника – от комбайна до кофемолки. Только вот следить за трапезной особо некому: все функции в монастыре и без того распределены между пятью постоянно живущими там женщинами. Мать Мария – это забота о животных (коzy, куры, гуси), мать Саломея – забота о храме, мать Лидия – это огород и сохранность урожая с него, послушница Надежда выполняет любые поручения и на кухне, и в храме. Матушка Фомаида – это «топ-менеджер» всей обители, как выразилась Татьяна. Реклама по привлечению инвестиций на строительство храма, обеспечение жизнедеятельности всех живущих в нем и еще множество трудностей, которые постоянно возникают, – все на ее плечах, поэтому ей часто приходится отлучаться. Вот и получается, что кухней занимаются в основном приезжие, а в монастыре мечтают о постоянном человеке – женщине, которая умеет и любит готовить, наводить порядок и чистоту, готова постоянно жить в монастыре. Работа не из легких, и Татьяна Ющенко испытала это на себе.

Из дневника Татьяны Ющенко

Пятница, день второй

«Подъем в 6 часов утра, но я проснулась раньше, так как очень хочется в туалет, а он на улице, и расстояние до него приличное. Очень хочется на свой родной и теплый унитаз. Но пресекаю все мысли о цивилизации

и опрометью бегу на улицу. Надо отдать должное, туалет новый, только построили, чистый, с дорогой туалетной бумагой – мое самолюбие утихает. По дороге назад в обитель я наблюдаю рассвет, который помню только в молодые годы. И начинают мелькать в голове первые благодарственные мысли, которые давно уже меня не посещали.

Дальше – умывание, утренняя молитва, завтрак и трудовое послушание, в 12 часов – обед, можно отдохнуть, потом снова труд, в половине четвертого – чаепитие, опять трудовое послушание, ужин в 7 вечера и после него вечерняя молитва. После десяти часов отбой, но строгости в режиме нет. Можно лечь хоть в час ночи, но вставать придется в 6 утра. Таков распорядок монастыря.

За день я успеваю привыкнуть и приспособиться ко всем жителям монастыря, помочь приготовить завтрак, обед и ужин и, естественно, перемыть посуду после трапезы, переработать несколько мешков яблок на варенье и компот. И попутно все так же навожу порядок на кухне.

К вечеру начали с непривычки болеть ноги от усталости. На вечерней молитве я уже не могла стоять. И вдруг вспомнила, как недавно по телевизору показывали программу про жизнь известных людей в монастыре. Одна актриса рассказывала, как она украдкой стала на утренних молитвах, стоя на коленях. Господи, прости меня, но я поступила точно так же. Постелила коврик на пол храма, опустилась на колени, наклонилась до полу и тихо дремала. Моя гордость была разбита, самолюбие – тоже, но мне было уже все равно. Мыслей не было. И когда, упав на кровать, я провалилась в сон, у меня возникло давно утерянное чувство благой усталости. Состояние, когда ты доволен своим трудом и ощущаешь результаты своего труда».

ОТКРОВЕНИЯ У ПЛИТЫ И ЗА СТОЛОМ

Работая на кухне, Татьяне довелось кормить не только тех, кто живет в монастыре, но и всех, кто приезжает помочь, – ребят из соседнего села, где располагается реабилитационный центр «Осознание», и отца Сергея, приехавшего с ними. Разговор с последним побудил ее задуматься о том, что мужчины и женщины – два разных и несовместимых мира, так как женщины живут чувствами, а мужчины очень рациональны. «Я поняла, что соединяет нас только любовь, – говорит Татьяна. – Как мост, она соединяет отца и сына, мать и дочь, свекровь и невестку, зятя и тещу, мужа и жену, всех нас независимо от возраста, родства и положения. Возможно, это и есть Божий промысел».

Из дневника Татьяны Ющенко

Суббота, день третий

«Я закреплена на кухне в помощь. Готовим первое – рассольник, на второе рис с тушенными кабачками, салат из огурцов, чай с пряниками и печеньем. На обед собираются все женщины и мужчины. Немного откладываем с готовкой, так как выключили свет, и мы не

имя свт. Иоанна Милостивого – один из них. Нарушителей дисциплины карают ужесточенным контролем и распорядком, епитимьей, а если и это не помогает – исключают из центра. Но если испытание пройдено, то все желающие затем получают возможность трудоустройства в реабилитационном центре.

Сейчас при монастыре Святителя Иоанна Милостивого в Мстёре от «Осознания» живут шесть молодых женщин, а в соседнем селе Нале-

Сергей Дятлов, 36 лет, Нижний Новгород, тыловое военное училище, 11 лет тюрьмы:

«За разбойное нападение я получил 11 лет в местах не столь отдаленных. Мне было 20 лет, и казалось, жизнь прошла стороной. И я решил жить тем, что было: отрицание режима, интересов никаких, туберкулез. В холодных голодных изоляторах я почувствовал силу молитвы. Все, что я у Бога просил, мне было дано. Я работал на мебельной фабрике, бабушка завещала квартиру. Но тут с женой пошли разногласия: ей хотелось денег и гулять, я решил, если она себе это позволяет, почему бы мне не уколоться. Подумаешь, геройин, я же сильный, через месяц брошу. Так прошло четыре года на героине. Потом я ходил по разным диспансерам, но там брали деньги и не помогали. Пять месяцев назад я попал сюда, в благодатное место. Здесь искренне борются за каждого человека, я ощущаю эту благодать. Мы восстанавливаем храм, колем дрова местным бабушкам, на душе чисто и спокойно. И вы еще не видели лиц родителей в родительский день, когда они приезжают и видят, какими мы становимся».

снико – 11 мужчин. Большинство женщин – из хороших семей, имеют высшее образование. В монастыре они убирают храм, помогают на огороде и на кухне. А мужчины – почти все – отбыли несколько срков заключения в тюрьмах. Сейчас в Налескино они восстанавливают церковь Казанской иконы Божьей Матери, от которой практически ничего не осталось.

Во время ломок никому не дают лекарства, не вызывают «скорую» – только молитвы и терпение. В обязательном порядке все посещают воскресную школу при монастыре, через год – выпускной. «На заключительном занятии воскресной школы выставляются оценки в журнал, – улыбается матушка Фомаида. – Наша школа действительно немного похожа на обычную: музыкальные занятия, домашние задания. И вот эти дяди и тети тянут руки, всерьез возмущаются, почему двойка. Малые дети, честное слово!» «Малые дети» нередко по возвращении домой заключают между собой браки и поддерживают дружеские отношения. За год, проведенный здесь, они проходят сложный путь духовного становления, ищут себя и покоя в душе. ☩

можем использовать электрическую плитку. Наконец, столы накрыты, все садятся. Перед приемом пищи – обязательно молитва.

Матушка Фомаида и отец Сергий – отдельно, у мужчин свой стол, и мы, женщины, за другим столом. Едим тихо, без разговоров. Когда трапеза закончена, отец Сергий неторопливо начинает беседу про Александра Невского. После беседы все встают, читают молитву и расходятся.

Остаток дня мы перемывали банки, закладывали вареные в них и переносили в кладовую, а заодно и наводили там порядок. На вечерней службе я больше не спала. Ощущала покой в душе во время молитвы. Я вела беседу с Богом и рассказывала о накопившемся у меня на душе и на сердце. Не жаловалась, не просила, не требовала, не умоляла – я беседовала. Стоя на коленях в молитве, я вдруг осознала, какой верой обладают люди, которые восстанавливают этот храм. Все мои жизненные трудности стали такими маленькими по сравнению с тем мужеством, с каким эти люди несли свой выбранный крест на своих плечах. Вот у кого учиться преданности своему предназначению! С этими мыслями я и уснула. Спала как никогда хорошо».

ЛУЧШЕ ВСЯКОГО ТРЕНИНГА

За время своего небольшого послушания Татьяна вспомнила, что, оказывается, хорошо готовит – особенно постную пищу. «Спасибо кризису, научил!» – смеется она. В ответ на многочисленные похвалы своей стряпне – «спаси Господи» вместо «спасибо». А подводя мысленно итоги пребывания, она поняла, что получила неизмеримо больше того, за чем приехала: самооценка поднялась без всяких тренингов и семинаров – от честного труда, от благой усталости. Ушли сомнения, но появились вопросы, о которых так часто забывают городские жители. А главное, к ней пришло желание продолжить эксперимент и совершить еще не одно путешествие по святым возрождающимся местам.

Из дневника Татьяны Ющенко

Воскресенье, день четвертый
 «Утро началось активно: служба воскресная, поэтому завтрака нет, а будет обед. И я готовлю все самостоятельно, мне доверили кухню и приготовление пищи, помогали только девочки из центра «Осознание». Приготовили настоящий украинский борщ, на второе отварили вареники с картошкой, девочки сделали очень вкусный салат и компот из свежих яблок. Трапеза растянулась на несколько часов, так как приехали паломники из Коврова. Кормили, мыли посуду – в несколько смен. На душе стало светло и тепло, мне захотелось отблагодарить людей. Я замесила тесто, и на ужин мы все вместе пекли плюшки с маком. Было весело, мы смеялись, тихо пели церковные песни. А в понедельник рано утром я должна была уехать. Обязательно вернусь сюда снова. Только когда – не знаю, загадывать не люблю».

Людмила Румянцева [Санкт-Петербург], фото Максима Славецкого

«ПОСЛУШНЫМ ДЕТЯМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»

Создатели петербургского «Упсала-цирка» то ли в шутку, то ли всерьез называют свое детище «цирком для хулиганов». Послушным и благополучным детям вход в шатер на Свердловской набережной разрешен только в качестве зрителей. А артистами становятся ребята, домом которых до последнего времени была улица или тесная комната в коммуналке. «Если ребенок курит, прогуливает школу, если он отился от рук, хамит и все махнули на него рукой – то это к нам», – улыбаясь, говорит директор «Упсала-цирка» Лариса Афанасьева.

РАБОТАЮТ В ЦИРКЕ РЕБЯТА всех возрастов – от 7 до 18 лет. Один из самых маленьких – это Ваня*, ему сейчас 7 лет, но выступает он уже два года – с 5 лет. Его называют восходящей звездочкой «Упсала-цирка»: мальчики блестяще и без страха выполняют самые трудные трюки, все схватывает на лету, умеет делать сальто назад и вперед, ходит на руках и жонгирует. И при этом улыбается всем и каждому.

– Я поначалу падал, делая сальто, стукался, но это всего лишь пара синяков на голове, – рассказывает он.

– Зато я уже много чего умею и даже ездил в прошлом году в Германию в турне вместе с нашим цирком. Нам так хлопали! А еще там были такие классные аквапарки! Я решил, что, когда вырасту, обязательно буду директором цирка.

В «Упсала-цирке» не принято рассказывать друг другу и журналистам о ситуации в семье и в школе. Потому что хорошего тут почти у каждого очень мало. Но успеху маленького Вани не завидуют даже самые честолюбивые, наоборот, его всячески

опекают и балуют, зная, что придется пережить этому непосредственному и подвижному мальчику.

– Ваня попал в цирк два года назад вместе со мной – Лариса Афанасьева привезла нас прямо из столовой Красного Креста, – рассказывает 18-летняя Валя. – Туда ходят обедать дети из многодетных или малообеспеченных семей. У него умерла мама, папы нет, он жил одно время с бабушкой, но сейчас его отправили в приют. На тренировки приходит прямо оттуда.

Ваня гордо рассказывает, что на его выступления приходит бабушка и дольше всех аплодирует внучку. А вот Валина мама ни разу за два года не нашла минутки, чтобы хотя бы посмотреть, чем увлекается ее дочка.

– А ей это надо? – вздыхает Валентина. – У мамы помимо меня еще четверо сыновей – старшему 20 лет, а младшему 3 года. Я со второго класса гуляю одна, прихожу домой в 11 вечера, мама даже не знает, в цирке я, на карате или просто брожу, где мне хочется.

«ТЫ – ДУРАК И НИКОМУ НЕ НУЖЕН»

После того как узнаешь подробности жизни маленьких циркачей, становится понятна их бурная радость по поводу похода в аквапарк или поездки за границу – ведь то, что для благополучных детей считается нормальным, для «упсалят» – подарок судьбы.

– Для многих из них, по сути, даже нет разницы между поездкой в летний лагерь «Молодежное» под Петербургом и турне по Швейцарии, – объясняет социальный работник цирка Александра Рыженкова. – Ведь они до прихода в цирк не видели ничего дальше своего двора. Кое-кто с четырех лет ездил в гипермаркеты, стрелял там мелочь у покупателей и не знал других развлечений.

Саша многое может рассказать о жизни своих подопечных, потому что она во многом заменяет им родителей – общается с учителями (у каждого юного артиста проблемы в школе), помогает делать уроки, защищает перед милицией, разбирается с социальными службами и помогает выправлять загранпаспорта для ежегодных гастролей.

– И к врачу с ними хожу, и от педикулеза подчас приходится обрабатывать, – вздыхает Саша. – Не во всех семьях детей приучили к личной гигиене, приходится объяснять, что мыться желательно хотя бы раз в неделю. Иногда, когда прихожу к нашим детям домой, вижу ужасные картины – теснота, антисанитария, туберкулез... Хотя далеко не все наши артисты из неблагополучных семей или из приютов. У многих вполне обеспеченные родители, просто они заняты заработком и не успевают следить за своим ребенком. И ребенок вступает, как говорят, на кривую до-

рожку. Начинает хулиганить, прогуливать школу, доставать всех окружающих, пропадать на улице... К нам дети приходят без уважения к себе, ведь им – непоседливым и непослушным – с детства вдалбливают дома и в школе: «Ты – дурак, ты никому не нужен!» Поэтому любую помощь они

сначала воспринимают в штыки. Но дети есть дети: когда они видят, что их проблемами занимаются, ездят по инстанциям, ходят к учителям, уговаривают, а не просто машут на них рукой, то они начинают доверять сначала мне, а потом другим взрослым.

Каждый год летом «Упсала-цирк» устраивает фестиваль «Летающие дети», где выступают сами ребята и приезжают показать свое мастерство цирковые артисты со всего мира.

– Мне очень было радостно видеть, как наши воспитанники раскрывались с лучшей стороны, – говорит Саша. – На представления приходили дети с ограниченными возможностями, и я видела, как наши подопечные им вдруг стали помогать – везли коляски, помогали подняться по лестнице и сесть в лифт. Эта реакция «хулиганов» дорого стоит.

«Сальто тренировал в сугробах»

– Наши дети не такие, как все, – уверена директор «Упсала-цирка» Лариса Афанасьева. – Они уходят на улицу, тусуются возле метро, в подворотнях, во дворах. Им надо предложить альтернативу – не наказание за плохое поведение, а наоборот – поощрение, ведь цирк – это праздник, двери в яркий мир. Да и адреналина подросткам хватает.

Адреналина и впрямь немало: тренировки проходят по два часа шесть раз в неделю: дети учатся падать, ходить на руках, жонглировать. Одно из упражнений: циркачи разбиваются на пары и раздают друг другу затрещины. На самом деле это трюк – ладонь останавливается в сантиметре от лица напарника. Или несколько ребят поднимают на руки одного полегче и бросают вниз – чтобы поймать лишь у самого пола. Для таких упражнений нужно большое доверие друг к другу.

– Меня сюда позвал двоюродный брат Дима, а ему посоветовал школьный психолог, – рассказывает 13-летний Максим. – Я раньше хотел паркуром заниматься, но в цирке тоже здорово. Были случаи, когда кто-то ломал нос, но тут главное – все правила соблюдать, зря не рисковать. Тогда травм не будет.

– А я еще не освоила фляки (салют назад. – Прим. авт.), – говорит Валя. – Как-то на батуте пыталась научиться этот трюк делать, но так

упала хорошо, что даже дыхание сперло.

Шестнадцатилетний Петя научился делать фляки за месяц.

– Сначала кажется, что можно сломать себе шею, – говорит он. – Но тут главное – пересилить страх. Я тренировался зимой на улице – падал в сугробы.

Цирк за решеткой

На самом деле обучение цирковому искусству как способ воспитания трудных детей появился в Европе еще несколько десятилетий назад, но в Петербург его привезла немка Астрид Шорн. В 2000 году она приехала в Россию, чтобы писать диплом по социальной педагогике. Девушка захотела не только помочь питерским беспризорникам, но и создать что-то новое. Она решила провести эксперимент: села на одноколесный велосипед и начала жонглировать шариками прямо возле метро. У какой бы станции Астрид ни появлялась, посмотреть на «чудачку» собирались тусовавшиеся рядом подростки. Так у нее и родилась идея создать цирк для хулиганов. – Бывало, конечно, непросто, – рассказывает она. – Дети пользовались тем, что я не очень хорошо понимаю рус-

ский, поэтому ругались при мне матом и даже учили меня этим словам. Были и те, кто не задерживался у нас – возвращались обратно на улицу. Даже иногда реквизит подворовывали.

А вот 20-летний Стас Малюков остался. Хотя он и признает, что по-портил много нервов своим руководительницам.

– Мы сидели и прямо при Астрид и Ларисе курили и ругались матом, – рассказывает он. – Теперь это даже трудно представить.

Двенадцатилетнего Стаса Астрид привела в цирк прямо от магазина возле его дома, где он ждал своего товарища.

– Я тогда шлялся по улице, ничего не делал и как раз остался на второй год, – вспоминает Стас. – Думаю: а чего бы в цирк не сходить? В первый же день попытался встать на руки, «убрался» лицом об пол и понял: мне это нравится!

Сейчас Стас уже сам стал тренером. Причем занимается с детьми совсем особыми – он курирует проект «Цирк за решеткой» в закрытой школе-интернате №1 для проблемных детей. Его подопечные уже по-своему «прославились» – кто умудрился угнать машину, кто обворовал магазин.

– На фестивале «Летающие дети» мы с моей группой впервые выступали, – говорит Стас. – Репетировали с ними четыре месяца. Когда мы попали в эту школу, то были в шоке. К детям там относятся как к собакам, орут на них. Сами дети из семи произнесенных слов используют шесть матерных. У них в школе одно правило: кто сильнее, тот и прав. Поэтому они постоянно «быгчят», доказывают, какие они крутые. Иногда у нас с товарищем просто не выдерживали нервы – мы выбегали из класса, чтобы прийти в себя. Но потом ребята нам доверились, у них стало что-то получаться... Они поняли разницу между «Круто, я что-то украл!» и «Круто, я что-то могу!».

Цирковая «терапия» непослушных и проблемных детей за десять лет дала хорошие результаты: может, циркачи и не стали профессиональными артистами, но каждый из них окончил школу, поступил в институт, нашел работу. Стас учится на социального работника. Валя поступила в педагогическое училище, мечтает быть воспитательницей в детском саду. Хотя есть и такие, кто все же вернулся на улицу.

– Некоторые уходят сами, а кого-то выгоняет Лариса, – говорит Валя. – Бывают люди, которые слишком выпендриваются, на них нельзя

положиться, они все делают назло. Рано или поздно терпение даже у преподавателей заканчивается. Случается, что и родители забирают своих детей из цирка – они считают тренировки блажью, ведь вместо этого ребенок может сидеть с младшими братьями. Саша всегда до последнего старается убедить родителей в том, что для их ребенка цирк – это отдушина, шанс расширить кругозор и осознать цели в жизни. Но далеко не всегда у нее это получается: многие родители уверены, что они лучше знают, что хорошо, а что плохо для их чад.

– У нас есть свой собственный шатер, который теперь «приземлился» на Свердловской набережной, – говорит Саша. – Надеемся, что теперь это станет нашей круглогодичной репетиционной точкой, где мы будем собираться и выступать. Но вообще, места для тренировок не хватает, школы, за редким исключением, боятся пускать к себе хулиганов-детей – «как бы чего не вышло». Поэтому за десять лет постоянным адресом мы так и не обзавелись. И помочь всем хулиганам Петербурга попасть в мир цирка мы не можем. ●

* Имена некоторых детей изменены.

КАК НАЗЫВАЛАСЬ ТА ВОЙНА?

Михаил Быков

2 сентября 1945 года закончилась
Вторая мировая война. Прошло 65 лет.

ПРОФЕССОР КОРНУЭЛЬСКОГО университета (штат Нью-Йорк) Антония Глассэ сделала мне как-то удивительный подарок. В Москву прилетела огромная баннероль, а в ней – коллекция изданных в 90-е годы XX века в США настенных 12-страничных календарей. И все они – из многолетней серии «Великие сражения». Календари сделаны со вкусом: каждая страница – либо репродукция с батальных полотен старых мастеров, либо современная картина. Но есть одна странность. Перелистываешь плотные листы – и через раз иллюстрация великого сражения на... американской земле. Вот уж где без всяких сомнений безжалостный бог войны прошелся огнем и мечом!

В достатке и тех картин, на которых доблестные «джи-ай» покоряют чужие пространства, а не менее доблестные американские моряки рассекают килями красавцев-кораблей просторы Мирового океана. С боями, разумеется.

Естественное удивление, вызванное очевидным переизбыtkом живописной доблести американских солдат, слабо корреспондирующими с реальной военной историей планеты и самих США, довольно быстро сменилось чувством одобрения. Ну молодцы же!

И высадку на пляжах Нормандии не забыли. Чего там, до сих пор она на самом деле является крупнейшей десантной операцией всех времен и народов. И великую битву под Са-

ратогой 17 октября 1777 года вспомнили, в которой сошлись 23 тысячи американцев и англичан. Общее число убитых поражает воображение – 530 человек. И танковое сражение с иракской механизированной дивизией 26 февраля 1991 года восславили. Именно в этот день войска Саддама, согласившись на перемирие, отступали по Дороге смерти, расстреливаемые и выжигаемые американскими самолетами. Еще раз – молодцы! Реклама – двигатель торговли. В том числе и торговли величием собственной страны. Тут за американцами ни на танке, ни на самолете не угонишься. Штаты ведь не только настенными календарями бьют. Все идет в бой – и книги, и фильмы, и песни, и речи политиков. А их газеты? А их ТВ? У нас – иначе.

Восточный фронт

Если пораскинуть мозгами, то окажется, что Восточный фронт – это не всегда кто-то против России. Бы-

ОСКАР НОССИККА

вало, что Восточный фронт – это Россия против кого-то. По большей части против Японии.

После Русско-японской войны 1904–1905 годов прошло 12 лет, и мы вдруг стали союзниками со Страной восходящего солнца. В 1914-м Япония объявила войну кайзеровской Германии. Равно как и Китай в 1917-м. Первая хотя бы захватила германскую базу в китайском Циндао, патрулировала в океане и перевозила французских солдат в Средиземном море. А вот второй никуда в это время не годился. После объявления республики в 1911 году Китай стал еще слабее, чем при последнем императоре.

Как раз с Китаем мы и повоевали немного в 1929 году по поводу Китайско-Восточной железной дороги. Сменивший отца Поднебесной республики Сунь Ятсена генерал Чан Кайши то ли по чьей-то настойчивой просьбе из далекой Европы, то ли по собственному разумению спровоцировал конфликт, в котором приняли

участие примерно 320 тысяч солдат и офицеров. Причем только 18 тысяч из них – советских. Однако, вопреки логике цифр, китайцы были в течение неполных двух месяцев приведены в прежнее спокойное состояние. Советская Дальневосточная армия потеряла до 1000 человек убитыми и ранеными, китайская – более 3 тысяч плюс почти 9 тысяч пленными. Железная дорога, как и прежде, осталась в совместном управлении.

Правда, коллективное хозяйствование длилось всего шесть лет. В 1935 году Советский Союз продал КВЖД полугосударственному образованию Маньчжоу-Го, сконструированному японцами на захваченных ими у китайцев маньчжурских территориях. Продал, кстати, по дешевке.

Известно, что Восток – дело тонкое. А Дальний Восток – тонкое, как китайский шелк.

В 1929-м мы с остатками Поднебесной воевали. Но это, оказывается, был короткий перерыв в дружеских отношениях. С 1923 по 1941 год мы только и делали на Дальнем Востоке, что Китаю помогали. В 1924–1927 годах там работало 135 советских военспецов. Это когда и самим-то не хватало. А, например, в 1939-м этих военспецов стало уже 3665.

С ноября 1937 по январь 1942 года СССР поставил Китаю 1285 самолетов, 1600 орудий и минометов, 82 танка... Помогали, ясное дело, тем районам, в которых фактическая власть принадлежала китайской компартии. Другим районам, уцелевшим от японского вторжения, помогали американцы и британцы. Но политика политикой, а 227 советских военных погибли в этот период на территории Китая. 97 из них пали в бою.

На озере и на реке

Прямое столкновение с Японией не заставило себя ждать. Сначала – на озере Хасан в 1938 году, затем, в 1939-м, – на реке Халхин-Гол. Но обо всем по порядку.

Тому, кто захочет найти озеро Хасан на мелкомасштабной карте, придется трудненько. От Владивостока – на юго-запад, в Посытский район. К запутанному до невозможности клубку границ российской, северо-

корейской и китайской. Озеро так себе, одно название. Длиной километра три. По приморским понятиям и не озеро вовсе – лужа. Амур – река, а шире.

Здесь-то и решили японцы проверить, чего стоит Красная армия. Та самая, которая всех сильней «от тайги до британских морей». Проверяли двумя-тремя дивизиями общей численностью до 20 тысяч человек. Советских оказалось столько же. Боя шли две недели, убитых с обеих сторон исчислили сотнями, граница осталась на месте.

На следующий год японцы разведкой боем не ограничились. Развязали полноценную малую войну. Даром что на дипломатическом уровне ее никто не объявлял. Даже претензиями советский МИД поделился с японским только спустя два месяца. После того как в районе монгольской реки Халкин (местное произношение названия. – Прим. авт.) в предгорьях пограничного с Китаем хребта Большой Хинган стали гибнуть солдаты.

Война продолжалась четыре месяца с лишком. Погибло с советской стороны 9700 человек, а еще 15 тысяч было ранено и контужено, с японской – около 8500 потеряно безвозвратно, еще примерно столько же выбыло из строя по ранению. А всего в операциях на Халхин-Голе столкнулось около 135 тысяч солдат. 57 тысяч – советских, 75 тысяч – японских.

Какой смысл советско-японской войны в Восточной Монголии? Для СССР он был очевиден: напали – надо защищаться. Правда, почему же в Монголии? А потому, что в результате погони красных полков за белым отрядом барона Унгерна все вместе они вывалились из пределов России на территорию монгольских улусов. Отряд барона растворился в истории, а Монголия превратилась в народную республику. Под неофициальным, но неоспоримым протекторатом Советского Союза. Так что набросился на МНР – читай, напал на СССР!

Японцы знали это не хуже монголов. Но... Разведки боем на Хасане для полного понимания ситуации было мало. Требовалась проверка

посерьезнее. Кто из двух противников извлек больше пользы из халхин-гольской войны, большой вопрос. Но если сравнивать последнюю армейскую операцию, подготовленную генералом Богдановым и осуществленную будущим маршалом Жуковым в Монголии, и немецкий «блицкриг» образца лета 1941-го, напрашивается ответ: наибольшую пользу извлек гитлеровский генштаб. Впрочем, в стратегическом смысле СССР получил неизмеримо больше. Решение открыть Второй фронт против Советской России в 1941 году японское правительство не приняло во многом благодаря опыту Хасана и особенно Халхин-Гола.

Победа после победы

Все это была присказка. Но без присказки дальнейшие наши и так не слишком понятные отношения с государствами на дальневосточных границах понятнее точно не стали бы.

А вот и сказка.

На Ялтинской конференции «Большой тройки» в феврале 1945 года Сталин пообещал Рузвельту и Черчиллю помочь в войне против Японии. Оговорив, правда, условие: СССР вступит в нее через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии.

И слово советский лидер сдержал. День в день.

9 августа 1945 года советская 1,7-миллионная группировка начала боевые действия против миллионной японской Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии и Корее. По масштабу задействованных сил эти недели боевой работы сопоставимы с главными сражениями 1941–1943 годов. Для примера скажу, что Советская армия располагала 5250 танками и более чем 5000 боевых самолетов, японская – 1215 танками и 1907 самолетами.

Насколько в современной России много и подробно вспоминают сейчас события Великой Отечественной войны, начиная с 22 июня 1941 года и до 9 мая 1945-го, настолько невразумительно и общо говорится (если говорится. – Прим. авт.) о

том, что происходило на дальневосточном театре военных действий. Аномалия начинается в зародыше: что это за война, в которой СССР использовал такие могучие ресурсы и быстро и четко решил весьма важные для всей планеты проблемы? Если попробовать поискать ответ на официальных сайтах военного ведомства, то в приложении к интернет-порталу Министерства обороны РФ четко сказано: Великая Отечественная война завершилась 9 мая 1945-го. Аналогично – и на сайте «Великая Отечественная война». Командующий советскими войсками на Дальнем Востоке летом 1945 года маршал Советского Союза Василевский в мемуарах говорит о «войне на Дальнем Востоке», о «войненной кампании Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке», о «войне с Японией» и «войне с японским милитаризмом». Даже на медали, учрежденной в память об этой операции, написано: «За победу над Японией». Куда ни кинь – а четкого названия, единственно верного определения нет!

В одном месте Василевский дает формулировку: «Кончилась вторая мировая война. Более четырех огненных лет шли советские люди к этому моменту...» Ага, вот оно! Знадит, маршал косвенно признает, что наша группировка воевала на Дальнем Востоке в рамках Второй мировой. Почему? Да потому, что Великая Отечественная продолжалась чуть менее четырех лет.

Интересно, а что если спросить самих солдат, воевавших в составе двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов летом 1945 года, в какой войне они воевали-то? Неужели усомнятся, что в Великой Отечественной?

Для большинства солдат и офицеров это было естественное продолжение ратной работы после берлинского мая. Их части эшелонами перебрасывались из Центральной Европы в Маньчжурию. А каково тем солдатам, что всю Отечественную провели в глубоком резерве на восточных границах Союза, карауля тех самых японских милитаристов на случай чего? А пограничникам на Сунгари и Амуре? А морякам

Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, чистившим главный калибр без надежды его использовать?

Первые, те, что из Европы, в обязательном порядке к прочим боевым наградам получали и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945». Тоже есть вопрос – разве мы только Германию тогда победили? Но в главном – все верно.

Дальневосточники тоже получили медаль – «За победу над Японией». И все! Получается, что точно не в Великой Отечественной войне.

Странная какая-то логика...

Но давайте посмотрим, может быть, события, развернувшиеся на Тихоокеанском театре военных действий, не стоят того, чтобы так переживать по формальным поводам? Это пусть ученые считают, что прежде, чем что-то обсуждать и делать выводы, надо договориться о терминологии. А простым смертным какая разница, что это была за война. Ведь победили ж таки!

К 1945 году стало понятно, что Япония обречена. Так же, как обречена Германия. И там, и там начиналась агония. Вот только у немцев на этот процесс оставались считанные месяцы, а японцы не торопились. И могли себе это позволить.

Под ружьем у микадо оставалось еще более 7 миллионов человек. Лишенная природных запасов Япония продолжала «питаться» полезными ископаемыми, доставляемыми с колонизированных земель Кореи и Северного Китая. Дух нации не упал, несмотря на американские бомбардировки и перебои с провизией для мирного населения. Дети Страны восходящего солнца в этом отношении разительно отличаются от принципиально не готовых к харакири детей из стран солнца заходящего.

В любом случае, по оценкам генштаба США, война на Тихом океане должна была бы продолжаться до 1946 года включительно и отнять по меньшей мере еще миллион жизней американских и британских солдат. Напомню, в составе союзных сил против Японии воевали поданные Его величества

из Австралии, Канады и Новой Зеландии.

Очень нужны были русские!

Это – с одной стороны.

А с другой... Красный Китай, возвращение Советами утерянного контроля над Северной Кореей и Маньчжурией, КВЖД и Порт-Артуром, моральные дивиденды по всей планете, очевидные в результате активного участия в победе над Японией. А еще – материальная сторона дела: в странах Дальнего Востока было что поделить для выплат контрибуций и reparаций.

Требовалось если не убить, то поймать двух зайцев. Использовать силу СССР для скорейшего разрешения японского кризиса и одновременно не дать этой силе полную волю. Как это вышло в Германии при взятии Берлина. От пляжа

«Омаха» (кодовое название одного из участков побережья Нормандии, где проходила высадка американского морского десанта в июне 1944 года. – Прим. ред.) до немецкой столицы было куда как ближе, чем от белорусской границы, а русские пришли первыми.

Короче говоря, бомбы упали. 6 августа – на Хиросиму, 8 августа (9 августа в 11.00 по местному времени. – Прим. авт.) – на Нагасаки. *Восьмого августа* – когда маршал Василевский получил из Москвы приказ начинать!

Это уже потом пиарщики от политики раздули эффект первых атомных взрывов. Раскручивался потенциал США как единственных обладателей атомного оружия. И одновременно умалялось значение союзников по антияпонской коалиции, в

частности и особенно – СССР. И все поверили.

Как-то сэр Черчилль заметил, что «было бы ошибкой заявлять, что атомная бомба решила судьбу Японии». И его не услышали.

Для войск маршала Василевского бомбардировка японских городов а-бомбами не имела никакого значения. Равно как и для солдат противостоящей им Квантунской группировки. На материке сражались! Это подтверждается и тем, что заявление микадо о перемирии последовало 14 августа, спустя всего пять дней после того, как загрохотали советские орудия. Но маршал Василевский пишет, что повсеместная капитуляция японских войск началась только 19 августа. Сдалось 594 тысячи солдат и офицеров и 148 генералов.

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

Лишь 18 августа удалось полностью взять под контроль Южный Сахалин и Курильские острова. Да и то — бои там вспыхивали вплоть до 5 сентября, на материке — аж до 10-го. Более недели после того, как Япония капитулировала и ее представители подписали соответствующий акт на борту американского линкора «Миссури».

В военном отношении преимущество советских сил над японскими оказалось подавляющим. И танков с самолетами было больше, и ратного мастерства. Наши потеряли в эти дни 12 тысяч убитыми, японцы — более 80 тысяч. Но все это не означает, будто «война на Дальнем Востоке» оказалась приятным приключением для советских солдат. Пусть меньше, чем на германском фронте, но гибли. И так же отрывало ноги и руки взры-

вами японской шимозы (взрывчатое вещество, применявшееся в японской армии, названо по имени изобретателя Симосэ Масатика. — Прим. ред.), и так же выжигало глаза огнеметами, и так же дико хотелось пить, когда пуля попадала в живот...

Миру повезло, что советские части чрезвычайно быстро продвинулись на территорию уезда Пинфань, где находились японские лаборатории по разработке бактериологического оружия и — что особенно жутко — склады с уже «готовыми к употреблению» тоннами микробов чумы, тифа, сифилиса, сибирской язвы, проказы, сапа. И хочется присоединиться к тем знатокам войны, что склонны считать преувеличенной опасность японского бактериологического оружия, да китайцы не дают. Они-то до сих пор помнят, как

во время их войны с Японией 1937–1945 годов новое «средство массового поражения» апробировали на китайских солдатах. Что-то и сами японцы тогда на малую эффективность ноу-хау не жаловались. Не случись столь быстрого продвижения советских войск, вполне возможно, что и американцы познакомились бы с б-бомбами. В благодарность за знакомство с а-бомбами!

По крайней мере, после войны бывший командующий Квантунской армией, генерал Ямада, сообщил, что «только стремительное продвижение Красной армии вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран». Под другими странами генерал имел в виду США и Англию в первую голову. Он сам так сказал.

Оно того стоит

Итак, сомнений нет: поднимать разговор о статусе и названии той войны стоит. Есть несколько дискуссионных вариантов, и пусть в споре родится наконец истина.

Если строго следовать исторической канве, то военные действия на Дальнем Востоке – это часть Великой Отечественной войны. Потому что мы воевали с союзником Германии. Может быть, самым главным и опасным ее союзником. Потому что еще на конференции в Тегеране в 1943 году Сталин заявил о готовности СССР принять участие в боях против Японии, следовательно, мы обозначили свои намерения еще в ходе Великой Отечественной войны. Наконец, нельзя игнорировать эмоциональный фон. Получается, что кто-то из советских воинов сражался в Великой Отечественной войне, а кто-то – на Дальнем Востоке. Между прочим, 2 сентября 2009 года в Петропавловске-Камчатском был большой праздник. Посвященный, само собой, 64-летию победы... в Великой Отечественной войне! Да-с! И венки на воду Авачинской бухты опускали в честь погибших именно в Отечественную.

И пусть рассказывают, да что там – сам слышал, как говорят в современной Сибири и на Дальнем Востоке о европейской части страны: «у вас в России». Да, говорят – если про работу там или родственников. А про войну – нет.

Давайте посмотрим на ситуацию с юридической точки зрения. 26 июля 1945 года США, Великобритания и Китай подписали и опубликовали Потсдамскую декларацию, требующую от Японии безоговорочно капитулировать. СССР официально присоединился к этой декларации 8 августа 1945 года. И тут же объявил

Японии войну. Следовательно, состояние войны между нашими странами наступило спустя три месяца после завершения Великой Отечественной. И группировка Васильевского сражалась в какой-то другой войне, официального названия которой в свое время по каким-то соображениям дать не удосужились. В то, что забыли, верится с трудом.

Можно припомнить, что 5 апреля 1945 года СССР денонсировал пакт

о нейтралитете, подписанный с Японией еще в апреле 1941-го. Но ведь отказ от нейтралитета еще не означает вступления в войну.

Таким образом, может в нашей истории оказаться советско-японская война? Ничто не мешает. Ведь в те годы, когда шла Вторая мировая и Китай официально заявил о вступлении в нее против стран германской коалиции, сама Поднебесная вела двустороннюю войну с Японией, начиная с 1937 и заканчивая 1945 годом.

Однако эта война не была автономной. Потому как в это же время Япония участвовала во Второй мировой войне. Той самой, в которой оказались и ее основные противники – США, Британия и Китай. Совершенно очевидно, что и Советский Союз сражался против Гитлера в рамках мировой войны. Тогда на первый план выходит вопрос нашего собственного позиционирования по теме этой самой Второй мировой. Сегодня мы чувствуем себя на этом празднике жизни если не чужими, то уж не самыми желанными точно. И при этом ведем себя как-то излишне скромно. Все возрастает актуальность шутки о том, что, к сожалению, американцы не сразу узнали о какой-то заварушке в старушке-Европе, и лишь поэтому процесс оказался слишком запущен. Вмешались, конечно, и все решили, но лучше бы раньше.

Мы улыбаемся, но в душе, разумеется, недовольны тем, что другие союзники вежливо игнорируют **наше 9 Мая**, ссылаясь на **собственное 8-е**. Вишь ты, какой чудный аргумент припасли: германская капитуляция фельдмаршалом Кейтелем подписана днем ранее, потому как в Европе было еще вчера, а в Москве уже наступило сегодня. Воля ваша, как говорится.

Но мы-то почему должны игнорировать **наше общее 2 сентября?** Я что-то пока не слышал о каких-то связанных с грядущим юбилеем мероприятиях, ни наших собственных, российских, ни в рамках общемирового праздника. А кроме того, что-то не знаю о существовании какого-нибудь специального документа, удостоверяющего некую особенную дату окончания Второй мировой войны. Следовательно, день подписания

акта капитуляции последнего противника – Японии – и является днем памяти окончания самой большой войны в истории человечества. И Россия в этой войне сказала главное слово. Вот так!

И уж если почти 2 миллиона соотечественников сражались во Второй мировой, но не в Великой Отечественной, их нужно чтствовать наравне с теми, кто воевал в Великой Отечественной и Второй мировой одновременно. Может быть, и ошибаюсь, но памятников солдатам Второй мировой в нынешней России что-то не припомню. И фильмов об этом что-то не снимаю. И книг – не пишут.

А уж про календари с батальными картинками и говорить нечего! Привет, профессор Гласс! И спасибо!

P.S.

Нечто похожее происходит и с Отечественной войной 1812 года. Она сама по себе, а военные походы 1813 и 1814 годов – сами по себе. Будто не одни и те же генералы под одними и теми же знаменами вели своих солдат по дорогам Европы и сражались под Лейпцигом и Дрезденом, Бауценом и Люценом, Фер-Шампенузом и Парижем? Будто не с Наполеоном они воевали после того, как выгнали остатки его армии за пределы Отечества? Будто русские войска вошли в марте 1814 года в столицу Франции не в прямой связи с тем, что французские солдаты в Первопрестольной расстреливали мирных жителей, кололи штыками иконы и держали лошадей в храмах в сентябре 1812-го?

Первая Отечественная война шла почти два года: с июня 1812 по март 1814-го! Ее результат – освобождение Европы. Помнить об этом и отмечать это надо соответственно грандиозности самого события. ⚡

В июле 2010 года президент России Дмитрий Медведев подписал федеральный закон, согласно которому в стране устанавливается новая памятная дата. Теперь в России будет отмечаться 2 сентября – День окончания Второй мировой войны.

ВИРТУОЗ

Денис Мацуев – виртуоз, каких мы давно не видали, по каким соскучились и каких ждали. Баланс мастерства и страсти! Кое-кто называет его поверхностным, путая безупречность техники с отсутствием глубины, чувства. Но как раз чувства можно и поубавить: когда оно возобладает, баланс разлетается в щепы. Сохранить гармонию помогает чужой опыт. С художественным руководителем Мариинского театра Валерием Гергиевым Мацуев играет уже более трех лет, и совместные концерты не единственное, что их объединяет.

Не так давно завершился IX Московский Пасхальный фестиваль Валерия Гергиева. Вы не в первый раз в нем участвуете. Чем для вас интересен этот проект?

– Гергиев делает уникальные просветительские вещи. По количеству программ – а их в фестивале около 200 – аналога ему, я думаю, в мире нет. Как и той энергии, того музыкального драйва, каким обладает каждый из музыкантов его оркестра. График работы – экстремальный. Но я люблю такой ритм. Он придает тонус, фокусирует на сцене. В этом году фестиваль прошел в 20 российских городах. Я сам люблю гастролировать по России. Если бы это зависело только от меня, я бы чаще играл в регионах. Поэтому когда три года назад у меня появилась возможность сделать это в рамках Московского Пасхального фестиваля, я сразу же согласился. Прежде я уже работал с Гергиевым. Впервые он обратился ко мне в 2007 году. Предложил сыграть с оркестром Мариинского театра на только что открывшейся Новой сцене в Петербурге. Потом и я приглашал Мариинский театр на свой фестиваль в Иркутск. Так начались наши отношения.

– Вы не единственный солист, с которым Гергиев работает постоянно. Вокруг маэстро сформировался своего рода клуб близких по духу музыкантов. Концерты с их участием так и зовутся: «Гергиев & друзья». У кого еще есть такой «круг друзей»?

– В свое время это было у Бернстайна, у Кааяна и Ростроповича. Но у Гергиева оно обретает особое значение. Он окружает себя друзьями, которые являются его единомышленниками. Причем это не только музыканты, с которыми он играет, а все, кто входит в его команду – режиссеры, художники, артисты, уникальные танцовщики, превосходные певцы. Гергиевские певцы – это уже бренд, с ними на протяжении 20 лет он открыл столько в русской музыке и так прославил ее в мире!

– Слово «друг» подразумевает равенство. Для вас с Гергиевым оно существует?

– Несмотря на возраст и опыт – я держу это в уме и преклоняюсь перед ним, естественно, – маэстро разговаривает со мной на равных, и для меня это огромная честь. Но он и подсказывает, как старший: «Лови-лови, мотай на ус, пока у тебя есть такие люди, как я, которые могут помочь и в музыкальном плане, и в жизни». При этом он никогда не скажет: «Вот я сейчас тебе скажу, ты запомни, потому что я опытнее, мудрее и т.д.». Свою «науку» он вуалирует, я должен читать ее между строк.

– В этом году вы не собирались выступать на Московском Пасхальном фестивале, но в результате играли вдвое больше, чем в прошлый раз...

– IX Пасхальный фестиваль оказался для меня особым. Сначала я действительно не думал в нем участвовать. Не попадал в график. Но планы изменились таким образом, что я по-

падал в Воронеж в одно время с Пасхальным фестивалем. Я решил, что это судьба, и выступил там, а также сыграл еще несколько концертов, в том числе в Кисловодске, Владикавказе и Волгограде.

– Как вы оказались в Воронеже?

– У меня там был концерт юных музыкантов–подопечных фонда «Новые имена». По духу этот проект близок Пасхальному фестивалю, и я рад, что два события объединились. Концерт проходил на следующий день после фестивального, и, по идее, я должен был только вести его. Но мне на сайт пришло сообщение, что публика на него не попадает, и, раз уж на то пошло, я решил сыграть и сам тоже. Потому что это не дело. Я для того и приезжаю, чтобы все желающие могли попасть в зал, а не для того, чтобы поднимать цены. Мы пустили студентов, посадили их на дополнительные места, на сцену, и я сыграл незапланированный концерт – Третий ракманиновский, который перед этим исполнял с Гергиевым.

– Что за фонд – «Новые имена» и какое вы к нему имеете отношение?

– Для меня «Новые имена» – моя вторая семья. Это уникальный проект, которому 20 лет. Сейчас таких много, но в 1990 году, когда он появился, он был единственным в стране. Долгое время фонд возглавляла его инициатор и вдохновитель Иветта Николаевна Воронова, и, хотя сейчас официально его президентом считается я, она никуда от нас не ушла и принимает участие в работе. Сам я не могу заниматься фондом постоянно. Я живу в самолете, играю 160 концертов в год. Но когда мне предложили его возглавить, я согласился, потому что не мог не помочь своей второй семье.

– В чем помимо концертов заключается работа фонда?

– Фонд ищет молодые дарования, помогает им встретить своих педагогов, покупает инструменты, посыпает на стажировки и, самое главное, помещает их в определенную среду. Это очень важно, потому что таким образом человек осознает, что то, чем он занимается, кому-то нужно. Например, я, когда только приехал в Москву из Иркутска, без поддержки «Новых имен», может, и не понял бы, что музыка может стать моей

EAST-NEWS

профессией. Поэтому когда я согласился войти в эту историю уже в другом статусе, я поставил себе задачу не дать «Новым именам» затеряться среди других подобных организаций, напомнить, что мы существуем и что есть реальная помощь и результаты. Раньше «Новые имена» работали при Фонде культуры, сейчас это самостоятельная структура, хотя поддержку государства и спонсоров мы по-прежнему имеем. Наши ребята проходят стажировки в Англии, Италии, Америке, у нас своя летняя база, где проходят мастер-классы. Это школа в Суздале, которой уже 17 лет. Аналогов ей нет. Лучшие профессора Московской и Петербургской консерваторий собираются в этом уникальном городе и два месяца занимаются с одаренными детьми со всей России.

– Вы возглавляете еще два музыкальных фестиваля – «Звезды Байкала» и «Крещендо». Как они начались?

– Как я все это замыслил? Ну, «Звезды Байкала» в Иркутске – это само собой. В какой-то момент в наш город перестали ездить знаменитые музыканты. И мне стало обидно, потому что помню те времена, когда я ходил в филармонию слушать Рихтера и других великих исполнителей. Я понял, что у меня есть возможность привезти их к себе на родину. У меня ведь столько друзей-музыкантов! И никто не отказал, а те, кто уже побывал там, все хотят вернуться, потому что Байкал уникальный. Что касается «Крещендо», то здесь тоже все просто получилось. Знакомый продюсер,

Давид Смелянский, как-то спросил: «А есть талантливые ребята твоего поколения?» Я ответил, что есть. «И где они?» – «Везде, только не у нас». Он сказал: «Давай соберем» – и получил фестиваль «Крещендо».

– Сколько на это уходит времени и сил! Их же надо по всему миру собирать!

– Как раз от организационной деятельности я получаю страшный кайф. Просто от того, что удается все состыковать.

– Вы что, сами занимаетесь этим? Звоните и договариваетесь?

– Вплоть до авиабилетов и размещения в отелях. Мне это нравится! Конечно, если я начну понимать, что страдает качество моих концертов, я отойду от этого. Но пока я все успеваю.

– Вы много выступаете в России. Какие из наших регионов сейчас сильны в музыкальном отношении?

– Об Иркутске говорить не буду – я человек заинтересованный. За эти пять лет фестиваль на Байкале стал одним из сильнейших в стране. На него съезжаются музыканты не только из России, но и из Японии, Англии, США. Не так давно у меня было интервью на Би-би-си, и первое, о чем меня спросили в прямом эфире, – кто на сей раз приезжает на фестиваль «Звезды Байкала». Было отрадно – в Европе о нас уже знают! И на этом я не собираюсь останавливаться. Если говорить о других центрах, то это Екатеринбург. Там замечательная филармония, блистательный Уральский оркестр под управлением Дмитрия Лиса. Новосибирск такой центр, безусловно. Это

традиционное «место силы» для музыкантов. Репин, Венгеров, Брон – они же все там преподавали, все оттуда. Вообще, Сибирь – неплохой региончик, скажем так. Хворостовский из Красноярска, Третьяков из Иркутска... Другой блистательный город – Нижний. Очень мне близкий, давно его знаю и люблю. И публика там намоленная, и оркестр чудесный.

– Каким образом у вас строятся отношения с дирижерами?

– Если говорить о первом знакомстве, то не со всеми у меня складывается полноценный контакт. И хотя это не влияет на успех в зрительном зале и высказывания прессы, то, что с этим человеком, с которым тебе предстоит много играть и даже записываться, у тебя что-то не ладится, очень мешает. Между нами стена – пусть внешне это и не проявляется. Со стороны дирижера есть внутреннее неприятие того, что делаю я, с моей – непонимание того, чего добивается он. Тяжелая ситуация. Но иногда она исправляется, и я не знаю, благодаря кому – мне ли, дирижеру...

– А с открытой враждебностью вам приходилось сталкиваться?

– Нет, мне повезло в жизни. Я общался с людьми, которые хотели, чтобы все у меня было хорошо. Допустим, Юрий Темирканов. Потрясающий, гениальный Юрий Хатуевич, мой большой старший друг. Он настоящий романтик-дирижер. Он тоже, как Гергиев, дарит себя, и ждет чего-то взамен, и предлагает такую воздушную подушку аккомпанемента,

ИТАР-ТАСС

которая помогает тебе что-то сказать. Иногда это получается, иногда нет – я не скрываю этого. Не каждый концерт удачный. Иногда, даже когда у тебя есть партнер, с которым ты много играл, ничего не выходит.

– Музыкант вообще осознает, как он играет – хорошо или не очень?

– Это может по-разному восприниматься со сцены и из зала. Тебе на сцене кажется, что сегодня было просто чудесно, а зрителю – что-то не то ты делаешь. Об этом еще Шаляпин говорил. Кого слушать в таком случае – себя самого или других, – это большой вопрос. И здесь важны три вещи: найти людей, которым ты полностью доверяешь, раскрутить тех, которые тебя критикуют, и сделать так, чтобы их суждения пошли тебе во благо, и, наконец, переманить своих врагов в стан своих поклонников. Это то, чем я занимаюсь последние 10 лет. Неприятие меня заводит. Я человек спортивный и, когда чувствую сопротивление, увлекаюсь.

– Да-да, как раз за это вас и чихают: мешаете спорт с искусством. И Валерий Абисалович тоже прибегает к таким сравнениям. По-вашему, это допустимо?

– Возвращаясь к Валерию Абисаловичу... Мне очень нравится его выражение «пахать». Он великий пахарь – и мне близок такой его подход к искусству. Здесь не нужно бояться сильных слов. Нужно просто пахать, перепахать все, что тебе дано, а дальше видно будет. Докапываться надо очень серьезно до каждого произведения, отложить его, если надо, и потом возобновить с ним роман или играть долго одно и то же, чтобы в какой-то из разов понять его суть. Но вообще, я не люблю об этом говорить. Потому что все-таки говорить надо на клавишах. Русская фортепьянная школа всегда отличалась тем, что в ней главным было не то, как виртуозно и чисто сыграно (как раз это – спортивно-конкурсные термины), а то воздействие на слушателя, кото-

9 июня Дмитрий Медведев подписал Указ о присуждении Денису Мацуеву Государственной премии в области литературы и искусства 2009 года за вклад в развитие и пропаганду отечественного искусства

рое ты своей музыкой оказал. Музыка – это язык, овладев которым ты пытаешься достучаться до произведения и до сердца человека, сидящего в зале. Это самое главное – научиться петь, разговаривать, плеваться, улыбаться, соблазнять. Все, что угодно! У тебя есть десять пальцев, черно-белая клавиатура – пожалуйста, соединяйся с клавишой! У тебя есть контакт – добьешься!

– А как вы относитесь к критике?

– Обожаю, обожаю – но только где ее найти? К сожалению, у нас этот жанр умер.

– На Западе тоже?

– На Западе она есть. За последние два месяца я сыграл около 48 концертов. На них было 80, а то и 90 рецензий. О многих можно сказать, что это вообще учебное пособие для музыканта. Например, о разборе, который я получил в Лондоне на концерт с Лондонским симфоническим оркестром. На концерте было восемь критиков, и все написали рецензии.

– И вы все читаете?

– Безусловно. И нахожу массу деталей, которые мне помогают. Есть, конечно, и на западе экземпляры... Как правило, это маститые люди в респектабельных изданиях, которые уже немножко теряются и пишут не о музыке, а о прилагательных вещах. Или о тебе непосредственно, или о концерте как светском мероприятии. Но это не значит, что они непрофессионалы, как у нас. У нас другое. У нас мальчики и девочки пытаются выскочить за счет великих имен. Они не разбирают игру – для этого нужны знания, которых нет, – а хулят тех, чьи достоинства они даже не способны оценить. И об этом нужно беспокоиться. Мне-то все равно, я могу и ответить. Я простой, сибирский, нормальный, правильно ориентированный парень. Но из-за таких мальчиков и девочек мы потеряли Ростроповича на 15 лет. 15 лет он не играл в России на виолончели, потому что была статья, которая его оскорбила. Его смешали с грязью по поводу постановки Слонимского в Самаре. А потом был один концерт, после которого его просто убили. По-моему, можно было по морде сразу дать за это. О Ростроповиче – так... Как бы он ни играл, такие вещи непозволитель-

ны! И не только о Ростроповиче нельзя так писать – ни о ком вообще. Ну да что об этом говорить, бог с ними.

– Кому вы прислушиваетесь еще помимо Гергиева и западных критиков? Кто ваш советчик, авторитет в искусстве?

– Кого слушаю? В первую очередь своих родителей. Моего папу, который со мной с трех лет сидит за инструментом и который для меня самый первый критик. Он и сейчас сопровождает меня почти на всех гастролях. Я благодарен родителям за то, что они посвятили свою жизнь мне, что бросили все в Иркутске в 1991 году и приехали со мной в Москву. А ведь они были отнюдь не самыми последними людьми в городе. На папе держалась вся музыкальная жизнь его – и в драмтеатре, и в театральном училище, и все концерты... Он блестящий пианист, композитор и педагог выдающийся. С раннего детства он мне подсказывает такие вещи и знает меня как облупленного, потому что я сделан его руками. Безусловно, и мама, и он понимают, как я могу играть, и я им полностью доверяю, они никогда еще не ошибались. Поэтому после всех криков «Браво, гениально», я, будучи правильно воспитан родителями, не придаю этому большого значения. Я благодарен родителям еще и за то, что они меня ориентировали во всех отношениях, научив воспринимать любую ситуацию – будь то похвала или нападки – с глубокой иронией. Мне это помогает, и даже более того – я завожусь, когда что-то не получается. А людей без чувства юмора я просто боюсь.

– Кто ваш ориентир в классической музыке?

– Наверное, это собирательный образ... Чайковский, Шаляпин, Стравинский... Вместе с тем Рахманинов для меня стоит особняком. Последние 20 лет я играю очень много его музыки. Я столкнулся с этим композитором в 11–12 лет, когда начал учить Третий концерт для фортепиано с оркестром, а в последний раз играл его, когда записывал вновь обретенные рахманиновские произведения в имении Сенар под Люцерном, где он жил каждое лето с 1929 по 1943 год. Не так давно я возглавил Фонд Рахманинова. Мы делаем раз-

ные проекты, и когда я приезжаю на них, то живу в этом доме, дышу этим воздухом, занимаюсь на этом инструменте. Этот рояль – уникальный. Это подарок американского подразделения «Стейнвей» Рахманинову, сделанный специально под него. Он громадный, больше, чем обычный рояль, в два раза. Стоит там с 1929 года и до сих пор звучит так, как ни один из современных «Стейнвеев». Басы – как с микрофонами. До сих пор этот инструмент не покидал стен имения, но не исключено, что в будущем декабря, когда мы с Валерием Абисаловичем будем играть Рахманинова в Берлинской филармонии, мне позволят сесть за него перед публикой. Если так и произойдет, то впервые рахманиновский рояль переместят на сцену, хотя сам композитор на нем и записывал, и выступал. Я жду этого момента с большим трепетом.

– Как вам удалось «сойтись» с Рахманиновым так близко?

– Это известная история, я ее не раз рассказывал. Благодаря его внуку Александру Рахаманиофф. Он пришел на мой концерт в Париже и сказал: «Если ты бросишь курить, я тебе сделаю большой подарок». Я ответил, что уже не курю, и получил неизвестные произведения Рахманинова. Эти сочинения – скотта ля-минор и фуга – написаны композитором в 1891 году, надолго были утеряны и никем, кроме самого автора, не исполнялись.

– Месье Рахаманиофф всем, кто бросает курить, делает такие подарки?

– Нет, не всем. Но меня он как-то заприметил и доверил первому сыграть вещи, которые еще никто не играл. Я их записал на пластинку на том самом рахманиновском рояле: пока шла подготовка к записи, я жил в доме композитора. За это время мы познакомились с Александром Борисовичем очень близко и с тех пор многое делаем вместе.

– С классиками понятно. А что вы скажете о новых композиторах? Вы не так часто к ним обращаетесь.

– Почему? Наш первый фестиваль «Крещендо» вообще открывался сочинением Дмитрия Курляндского – 30-летнего очень самобытного автора. А как раз сейчас мы с Гергиевым играем Пятый концерт для фортепиано с оркестром Родиона Щедрина. Валерий

Абисалович большой просветитель в этом отношении, и Щедрин для него особняком стоит, безусловно. Оркестр Мариинского театра играет его сочинения по всему миру. Если говорить в целом о современной музыке, то это не обязательно модерн, авангард, атональность и прочая белиберда. Она может быть очень мелодичной. Но то, что очевидно для музыкантов, совсем не очевидно для менеджеров и фестивалей. Им нужно известное имя, Первый концерт Чайковского и т.д. Круг интересов сужается все более, и это совершенно неверно. Понятно, что никогда не будет ни Рахманинова, ни Прокофьева. Но будут другие. Пендерецкий написал действительно потрясающий новый фортепианный концерт, пишут Десятников, Щедрин, Вячеслав Артемов. Есть Эшпай – слава богу, пока он еще жив. 85 лет ему сейчас будет, воевал, уникальный, потрясающий, искрометный музыкант и человек. Я играл его Второй концерт – мне посвященный, кстати говоря. А вот в поколении 30-летних действительно получился провал – в процентном отношении, конечно. Не так их много. Но в целом, слава богу, пианистам есть что поиграть. Не так давно я был в Америке. И Национальный оркестр, и Чикагский, и Питтсбургский – все играют музыку Леры Ауэрбах. Знаете, кто это? Нет? И никто ее у нас не знает. А она из России, принадлежит к новому поколению композиторов. Не помню, где она родилась. Кажется, в Ростове. Поехала учиться в Нью-Йорк, осталась, и сейчас она один из самых играемых в Америке композиторов. Суперизвестна! Только надо ее играть и у нас, чтобы и наша публика слушала это.

– Есть мнение, что искусство композиции вообще исчерпало себя. Его придерживаются и сами композиторы – например, Владимир Мартынов, который написал об этом уже несколько книжек.

– Кто-то говорил, что на Прокофьеве все закончилось, на Шостаковиче... Я так не считаю. Я и самого Мартынова ставлю в этот список. Но нельзя ставить точку и на Мартынове даже. Говорить, что сейчас все умерло, нельзя. Композиторы есть, их просто нужно искать. Искать и играть, если это действительно достойно. ☺

Беседовала Арина Казанова

«МЫ ПРИЗВАНЫ НЕ ПРАВИТЬ, А СЛУЖИТЬ»

ПОЧЕМУ КУЛЬТУРА НЕ МОЖЕТ ПРИНОСИТЬ
ПРИБЫЛЬ И ПОЧЕМУ РАДИ НЕЕ ВЕЛИКОМУ
МУЗЫКАНТУ НЕ СТЫДНО ХОДИТЬ
С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Зачем один из лучших скрипачей мира, дирижер, создатель легендарных «Виртуозов Москвы» и Национального филармонического оркестра России в 2010 году возглавил еще и Молодежный симфонический оркестр СНГ? Об этом и многом другом «Русскому миру.ru» рассказывает сам Владимир Спиваков.

Владимир Теодорович, вы и так слишком загружены и при этом еще взваливаете на себя Молодежный симфонический оркестр. Зачем?

— С молодыми легко и непредсказуемо. Они другие. У нас уже понимания больше, а надежды меньше. Как сказал замечательный философ Фрэнсис Бэкон: «Надежда хороша на завтрак, но плоха на ужин». У них в глазах надежд много. Это для меня питание, подзарядка моих севших батареек. Смотришь, как они жаждно все впитывают и не замечают трудностей, и понимаешь: да, им легче, а мне — рядом с ними. И как-то сил прибавляется.

А еще с ними я — солдат музыки. Марина Цветаева сказала, что нужно брести по жизни в плаще ученика. Мы учимся даже у тех, кого сами учим. Между прочим, в Древней Греции философы уверяли, что самые значительные познания они получили от своих учеников.

— И чему они вас научили, если вы сами признаетесь, что не знаете оркестрантов даже по именам?

— Имена очень трудные. Айсулык, например. Слышали такое? Башкирское. Фамилий тоже не знаю. А если во время репетиций вижу, что молодой человек или девушка по-русски не понимают, мне этого от них и не надо. Я их всех в лицо знаю. По глазам пою.

— Как это?

— Очень просто. Есть в оркестре такая традиция — на пюпитре каждого оркестранта крепится флагок его страны. У нас такая пестрая радуга из флагов, что они, конечно, притягивают взгляд. Но я-то рассаживаю музыкантов не по цвету флагов или глаз. И вот так сложилось, что азербайджанец и армянин — а их страны из-за Нагорного Карабаха переживают сложные отношения — сидят рядом. Скажу честно, я тоже переживал. Но вслушиваюсь в их звук, а он — на грани безупречности. Вооб-

ще, детки сыгрались. У них есть куряж. На каких-то гастролях подходят ко мне эти двое ребят и робко просят: «Давайте сделаем исторический снимок». «Какой?» — спрашиваю. А сам хочу верить, что не ошибаюсь в догадке. Один из них переминается с ноги на ногу: «Я — армянин, он — азербайджанец»... Недавно читал книжку Андрея Макаревича — как ни странно для вас, может быть, но я читаю и такие книги, — так вот, он написал: «Музыка — это маленький кусочек картины счастья». Вот этот оркестр для ребят — это маленький островок счастья. Этот островок, в отличие от Дон Кихота, к которому Санчо приставал с вопросом: «Где же этот остров?» — а тот отвечал: «Этот остров — мечта», у детей есть. Их мечта — музыка. Они ее получили.

— Что, так сильно отдалились наши взгляды и мировоззрение, что легче разговаривать на языке музыки?

— Есть вещи, которые я объяснить не могу. Анна Ахматова однажды о музыке заметила: «В ней что-то чудотворное горит». Вот горит, когда люди занимаются созиданием. Ведь людей разделяют не границы, не моря или океаны, даже не отличия в мировоззрениях, а невежество. Разные мировоззрения дают музыке и людям другие краски и ощущения мира. Знаете, как-то

EAST-NEWS

меня пригласили дирижировать национальным симфоническим оркестром Китая. Но сначала позвали его послушать. Оркестр исполнял Чайковского. И исполнял совершенно по-китайски. Иначе и нельзя: ведь в мелодии зашифрован язык исполнителя. Когда меня спросили, какое у меня впечатление, я вот прямо об этом и сказал. А дирижер попросил меня встать за пульт. Мы исполнили первую часть Четвертой симфонии Чайковского. И так, будто музыканты всю жизнь ходили по мостовым Петербурга или тротуарам Москвы. Они поддавались моим движениям, чувствовали меня... Оркестр стал русским, несмотря на его китайское мировосприятие. И дело не во мне, дирижере. Просто мига искусства не может быть, пока артист не выйдет за рамки эгоизма, не превратит зеркало, в которое смотрится, в про-

зрачное стекло. Вот через него и видно мир и человека.

— Каждый год Молодежный симфонический оркестр СНГ меняет художественных руководителей. До вас его возглавляли Марк Горенштейн, Валерий Гергиев. В чем идея ротации?

— Не ко мне вопрос. Могу только предположить, что его создатель — Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества — пошел по пути ЮНЕСКО. Там часто практикуют смену музыкальных, научных или иных национальных руководителей на международных. Ну а что? Есть в этом... своя правда. Я тоже в Национальном филармоническом оркестре ввел такую практику. Я не ревнивый и считаю, что другие хорошие дирижеры тоже должны работать с оркестром, чтобы музыканты видели мир с разных сторон. Это пища для размышлений, а ее

количество не замедлит перерасти в качество. И музыки в том числе. Дети в Молодежный оркестр прошли жесткий отбор, но на следующий год их опять ждет ротация. Но их взгляд на мир уже изменился. Только за этот год кто-то из них выучил русский, кто-то — английский.

— Ну а почему вообще именно дети? Ведь помимо Молодежного оркестра вы включаете детей и во взрослый Национальный филармонический оркестр.

— А я давно живу с ощущением, что мы должны прислушиваться к ним. Они чисты, в их сердцах нет ненависти. Если все мы являемся образом и подобием Творца, то образ этот мы, взрослые, немилосердно унизили. Он жив в детях. Нам, чтобы оставаться людьми, надо у них учиться сохранять в себе этот образ. У меня в обоих оркестрах много учеников из моего

Международного благотворительного фонда. Тот же трубач Кирилл Солдатов. С 17 лет – первый трубач Национального филармонического оркестра России. Небывалый случай. Он у меня в фонде с 9 лет. Мы его посыпали на курсы Мориса Андре, выдающегося французского трубача. Это чтобы поднять уровень, когда есть талант. А еще, когда я послушал Сашу Гаврилюка, украинского пианиста, живущего то в Австралии, то в Германии, – дома, к сожалению, его талант никому не нужен, – я сразу понял, что ему надо помогать ради. Другого пути ни в жизни, ни в искусстве нет. Талант надо пестовать как английский газон. Там его 300 лет поливают и стригут, чтобы был результат. И про отдачу и затраты никто не говорит. Просто понимают: из ничего что-то не получается. Такова природа культуры.

– В новом веке, когда все стремительно меняется и на все не хватает средств, культура, чтобы на ней не экономили, должна приносить доход или хотя бы самоокупаться, чтобы уж совсем не занять узкую нишу для избранных?

– В Италии, не самой богатой стране, на культуру государство выделяет в три раза больше средств, чем в России. Подчеркиваю – выделяет, не требуя отдачи или прибыли. Так же поступают Англия, Канада и даже США, которые трудно упрекнуть в том, что они не умеют считать деньги. Не хватает и не будет хватать денег всем во все времена. Во все века искусство не приносило прибыли и не встраивалось в доходные отрасли экономики, как ни пытались это сделать не самые глупые люди. В итоге они приходили к пониманию, что то, что приносит доход, перерождается в масскульт или шоубизнес. А искусством, сохраняющим душу, остается то, на что человек не пожалел отщипнуть от своих материальных потребностей. Просто для этого полезно вспомнить, что мы призваны не править, а служить. Евангелие.

– То есть вы полагаете, что научить зарабатывать учреждения культуры нельзя?

– Надо научить. Но при этом надо понимать, что в мире они выживают не за счет самофинансирования, а за

EAST-NEWS

счет спонсорства. И главный спонсор – государство. Все остальные – меценаты. Однако у нас государство все меньше выделяет на культуру, а спонсоры – я говорю только о своем опыте, – помогая, вынуждены таиться от государства. К сожалению, по банальной причине. И фискальные органы, и конкуренты, и обычатель сразу задаются вопросом: если меценат так «шикует», сколько же «лишнего» он ворует? Другая сторона меценатства: помогая культуре, некоторые из спонсоров мало того что оптимизируют налоги, так они еще требуют для себя преференций – «маленький свечной заводик» типа нефтяной или газовой скважины.

Конечно, нам нужен закон о меценатстве, который упорядочил бы вопросы финансирования культуры. Но его нет. В условиях, когда у нас нет работающего закона о меценатстве, в котором были бы четко расписаны все эти деликатные моменты, приходится лавировать. Если попросту, то ходить с протянутой рукой и просить денег.

– Где легче их просить – дома или за границей?

– Везде трудно. Никто легко не расстается с деньгами. Кстати, систему финансирования музыкальных школ и США, и Европа заимствовали у Советского Союза, не сразу прияла к системе их государствен-

ного финансирования, а частное спонсорство – это как важное, но все же дополнение. Даже в жестких условиях конкурентной среды рынка государство этих стран осознавало, что классическая музыка не способна приносить доход, хотя бы близкий к шоу-бизнесу. Но в нее надо вкладываться, потому как классика – «гохран» нации. Или ее неприкосновенный запас. Его, как известно, надо пополнять, что под силу только государству. Проблема лишь в размерах финансовой поддержки и аппетитах просителей. Ну да, мне приходится просить. Это очень тяжело. Но все же, думаю, верна мысль, что не следует быть гордым, когда просишь ради хорошего дела. И надежд я не оставляю...

– Вы, наверное, знаете, что билеты на ваши концерты в Москве непомерно дороги. Почему хороший концерт классической музыки часто становится не по карману рядовому зрителю?

– Я знаю, что нередко артисты берут высокие гонорары, из-за чего взлетает цена и далеко не все могут позволить себе такую роскошь, как классическая музыка. Поэтому я приветствую тех меценатов, которые просто дарят концерты публике. Но иногда дорогостоящими концертами приходится зарабатывать – для музыкальных школ, для одаренных детей, для обновления музыкальных инструментов оркестра. Взамен я обязательно выступаю по абонементам, которые, могу утверждать это смело, абсолютно доступны. Были бы время, желание и потребность.

– Когда-нибудь жалели, что отказались от миллиона долларов, который Испания была готова вам заплатить, лишь бы «Виртуозы Москвы» стали «Виртуозами Барселоны»?

– Я не бизнесмен и не отношусь к концертам как к бизнесу, поэтому не жалею о потерянных деньгах. Но, бывает, вызывает оторопь, когда американцы о концерте говорят: «Well done». Так можно сказать о хорошо прожаренном мясе, а не о музыке. Хотя выступать люблю везде. И в Испании, где зритель чувствует музыку как себя, и в России, где эмоциональная отдача зала зашка-

ливает, и в Америке, где зритель благодарен как ребенок.

– Тогда почему в современном мире падает интерес к классической музыке? И правда ли, что это особенно заметно в США?

– Знаете, а я как-то не заметил, что именно в Америке снизился интерес к классике. Как раз американцы умеют работать с публикой, особенно со студенчеством. И лучше, чем мы. У них это называется «целевой аудиторией». Так вот в работе с ней им нет равных. Другое дело, что все, что выходит за ее пределы, так называемая широкая зрительская аудитория, часто понятия не имеет о классике. Но ведь подобные набирающие обороты разрушительные процессы идут, возможно, во всем мире. Точнее, так было всегда. Классику слушали и ценили не все. Если быть честным, всегда это была тонкая прослойка общества. Другое дело, что в Европе она растет. Там классику приходят послушать просто на городскую площадь вечером, а на хороший концерт билетов не купить за неделю. А у нас не то что массовая – целевая аудитория истощается и постепенно перемещается в массовую культуру. Появилась даже целая плеяда музыкальных критиков и прочих пиарщиков, которые «упрощают» или, как они говорят, «адаптируют» классику под потребности дискотек и прочих увеселительных заведений. Такие «просветители» напоминают мне клещи на деревьях. Их емко описал Патрик Зюскинд в «Парфюмере»: подходит животное, чтобы спрятаться в тени дерева, а клещ незамедлительно сваливается на него и пьет кровь.

– Вам важно, чтобы зал был полным?

– Не знаю. Не сталкивался с пустыми или полупустыми залами. Помню, в Минске около ста «металлистов» ломились на наш концерт. Администрация безбилетников, ясное дело, не пускала. Тогда я вышел и спросил: «Обещаете, что будете слушать? Посажу вас на сцене». «Обещаем», – орут. И они, все в коже, ремнях и заклепках, облепили сцену и слушали. В Грузии тоже на сцене вокруг оркестра сидело просто море людей. Музыканты между произведениями вставали

на поклон, а публика в это время потихоньку забирала их стулья – места не было абсолютно. Помню, какой-то зритель – у него на каждом колене сидело по ребенку – дергал контрабасиста Григория Ковалевского за фрак и темпераментно шептал: «Отодвинься, слушай! Детям не видно Спивакова!»

– Почему ваши дети – и из фонда, и из Молодежного симфонического оркестра СНГ – почти не участвуют в международных конкурсах?

– В конкурсах участвовать надо, но я не очень им доверяю. Ведь судят, КАК музыкант сыграл СЕЙЧАС. В этот миг. Были случаи в истории международных конкурсов, когда гениальные музыканты получали последние места. Как Артуро Бенедетти Микеланджели. Это сегодня он, наряду с Рихтером и Гульдом, выдающийся пианист XX века, а на одном из конкурсов получил одну из последних премий. Так переволновался. Его спросили: «Как это возможно?» Он, будучи человеком воспитанным, ответил: «Я не очень был готов».

– «Виртуозы» всегда были построены по принципу Герберта фон Каrayана – «ни одной юбки в оркестре». Не было у вас искушения опробовать эту модель и на Молодежном симфоническом оркестре СНГ?

– С годами я смягчился. Кстати, сегодня в «Виртуозах» появились женщины, хотя сами «Виртуозы» этого категорически не хотели. Тосканини как-то заметил: «Если женщина красива, то она мешает работе оркестра, если она уродлива, то мешает мне». Но Молодежный оркестр без девушек – это как птица без одного крыла. Мне вообще кажется, что культура творчества Молодежного оркестра СНГ – достойный ответ духовным вызовам нового времени и всяким прочим предубеждениям взрослых. У Достоевского, помните? – «красота спасет мир». Но кто-то должен спасать красоту. Вот и нужно помогать молодым дарованиям, которые способны спасать и спасают эту красоту. И уже не важно, что у одного музыканта в душе больше Моцарта, у другого – Сальери. Мирто многолик. Как и музыка... ☺

Беседовал Владимир Емельяненко

Олеся Чикина [Лондон]

БРИТАНСКИЙ РЕЗЕРВ

Попадая в чужую страну, люди непроизвольно тянутся к тем, с кем могут поговорить на родном языке. Это логично: как минимум что-то объединяющее их уже присутствует, да и ощущение комфорта и привычности от звуков родной речи никто не сможет оспорить.

ЛЮБОПЫТНО, ЧТО МНОГИЕ иностранцы, прожившие в России какое-то время, по возвращении к себе на родину начинают искать встреч с русскими людьми, причем зачастую даже не ради того, чтобы практиковаться в языке, а по каким-то другим причинам, которые лишь немногие из них могут объяснить. Я не раз встречала таких иностранцев, для которых слово «русский» становилось синонимом слова «свой», своего рода паролем. Да уж, «умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать...». Каково же было мое удивление, когда «в Россию можно только верить» я обнаружила вытатуированной на тыльной стороне руки Тома, моего друга-англичанина, который около года прожил в Санкт-Петербурге, а затем вернулся в Британию. Татуировка – в полном ее варианте и довольно крупными буквами – покрывала кожу от запястья до локтя, так что сомнений не было: настрой на постижение русского духа с Томом теперь навечно. Чтобы найти и объединить «своих», люди пускаются на ухищрения:

организуют клубы по интересам, тематические тусовки и мероприятия. Немаловажную роль здесь играют студенческие сообщества. Система сообществ очень развита в британских университетах (например, в Оксфорде их насчитывается около 500), и клуб русских студентов, а также студентов, интересующихся русской культурой, есть почти в любом университете. Обычно он занимается организацией карьерных мероприятий и неформальных встреч. Такая комбинация зарекомендовала себя лучше всего, поскольку отвечает интересам многих русскоговорящих студентов в Великобритании. Однако некоторые сообщества идут дальше и организуют культурные мероприятия: походы в театр, показ русских фильмов, делятся русской культурой и с иностранцами. Например, в University College London организованы языковые классы, которые учат иностранцев не только основам русской грамматики, но и вещам, о которых не написано в учебниках. Еще бы, ведь преподаватели – обычные студенты университета. Были в этой импровизированной

школе уроки о русском сленге, народных сказках, роли Пушкина в русской литературе. Тем же сообществом были организованы вечера русского караоке. И хотя петь на русском иностранцам тяжело, слушать наши песни им нравится. Один из постоянных гостей этих вечеров объяснил свой интерес так: «Я не могу петь, знание языка не настолько хорошее. Но я прихожу послушать русскую речь и пообщаться с ребятами. Мне нравится атмосфера, все поют и смеются. К тому же русские девушки очень симпатичные».

Сообщество King's College London организует показы русских фильмов с английскими субтитрами. Уже демонстрировали здесь такие советские шедевры, как «Бриллиантовая рука» и «Иван Васильевич меняет профессию». «В следующем году мы планируем перейти к современным фильмам, подумываем о показе «Адмирала». Вообще, после просмотра советских комедий мы услышали довольно много комплиментов в адрес русского юмора. Было приятно получить такие лестные оценки», – признался один из организаторов.

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

Приятно смотреть, как современные молодые люди, уехавшие из дома и погруженные в другую культуру, продолжают любить и ценить наследие своей исторической родины. Однако возникает вопрос: что дальше?

Многие из них не вернутся обратно. Как ни крути, но получение престижного образования открывает перед ними море возможностей. Да и посмотрев на другие страны, сравнив свои заморские впечатления с российскими воспоминаниями, привыкнув к европейской жизни, люди зачастую приходят к выводу, что их дом уже в другом месте. Что ж, каждый из нас имеет право на подобное решение.

Отдохнуть от «системы»

К тому же после того, как люди удаляются от российской системы на какое-то время, они перестают в нее вписываться. По себе очень хорошо это знаю. Недавно у меня украли сумку с документами, в том числе загранпаспорт гражданина РФ. Конечно, мне срочно требовалось их восстановить. Было понятно, что даже такой, казалось бы, близкий российскому государ-

ству документ, как паспорт, будет проще восстановить за границей, поскольку сроки и количество бюрократических проволочек уменьшаются в разы. Да и многие необходимые справки могли бы быть на «исторической родине» не приняты, так как документы из британского полицейского участка или университета, естественно, не соответствуют российским стандартам. А уж каким взглядом меня бы наградили милые дамы в паспортном столе районного УВД, даже представлять не хотелось. Вот вам и «все условия для возвращения молодых специалистов с зарубежным образованием»...

Конечно, дело не только в этом. Многие решают остаться за рубежом, потому что их привлекает возможность путешествовать, широта выбора, которую дает хорошее образование вкупе с достойным знанием иностранных языков. Я знаю немало людей, которых можно было бы назвать «гражданами мира». Они родились в одном месте, учились в другом, работают в третьем да и в дальнейшем собираются только увеличивать количество отметок в паспорте о пересечении

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА РУССКОГОВОРЯЩЕГО ЛОНДОНА

UCL Russian society – одно из самых активных университетских сообществ русских студентов в Великобритании. Прекращало свое существование из-за разногласий организаторов, но было восстановлено в 2007 году Алиной Якубовой, которая была его бессменным президентом на протяжении двух лет. По официальной информации, насчитывает около 800 человек, но на собрания приходят далеко не все. Разброс мероприятий очень большой: от поездок на пейнтбол до бизнес-встреч с работодателями из Сити. Примечательно попытками собрать вместе интеллектуальную элиту русскоговорящего Лондона с помощью походов в театр на русские спектакли и концерты Чайковского. Про иностранцев, однако, ребята тоже не забывают: у тех есть возможность посещать классы по улучшению русского языка или отведать блинов на праздновании Масленицы прямо в стенах университета.

ОТ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ДО КАРЬЕРНЫХ ФОРУМОВ

LSE Russian society и LSE Russian Business Society – два сообщества русских студентов в Лондонской школе экономики. Сначала это была одна организация, которая раскололась из-за конфликта создателей: одни были заинтересованы в основном в увеселительных мероприятиях, другие – в карьерных форумах. Сейчас LSE Russian society концентрируется на организации вечеринок, походов в клубы и других мероприятиях, цель которых – познакомить русского-вояющих лондонцев друг с другом. LSE Russian Business Society известно тем, что организовало Russian Business Week – однодневный экономический форум с именитыми гостями вроде главы «Тройки Диалог» Рубена Варданяна. Принимает не только студентов, но и молодых профессионалов. Активно пытаются наладить связи с потенциальными работодателями как в Лондоне, так и в России.

обществ. В лучшем случае эти люди будут помнить родной язык, приносить в воспитание своих детей частичку русской культуры. В противном случае одним фонариком в разноцветной гирлянде носителей русской культуры станет меньше. И это, конечно, грустно. Хотелось бы избежать темноты.

«Зачем мне пародия на Силиконовую долину?»

Некоторые, может быть, и хотели бы вернуться назад, но дороги обратно уже нет. Например, я знаю талантливую молодую девушку Свету, которая изучает в престижном университете биохимию, и на вопрос: «Ты поедешь обратно в Россию после окончания учебы?» – прямо отвечает, что с ее специальностью делать ей там будет нечего. Несмотря на попытки российского правительства инвестировать в науку, все мы знаем, что Москва не сразу строилась. Для того чтобы то же Сколково достигло уровня Силиконовой долины, понадобится не один десяток лет. Вообще, к Сколково отношение у молодых лондонцев довольно скептическое. Идея-то хорошая, только слишком много времени уйдет на ее реализацию. А ехать в неизвестность никому не хочется. Вот что сказал молодой инженер Андрей: «Пусть хоть что-то построят сначала, тогда я подумаю, стоит рисковать или нет. Пока меня больше привлекает возможность поработать в Америке, в компаниях с мировым именем. Зачем мне пародия на Силиконовую долину, если я могу работать в настоящей? Все-таки приятно открывать список лучших работодателей мира, читать названия и осознавать, что я могу там работать, если захочу и хорошо постараюсь. Очень мотивирует!»

Однако не стоит забывать, что сколотить себе состояние в короткие сроки в России намного легче, да и подняться на более высокую карьерную ступень в российской компании проще. Конкуренция за престижную работу в разных странах может различаться кардинальным образом. Получив не самые

блестящие оценки в средненьком британском университете, его выпускник при приеме на работу обычно сталкивается с конкурсом в несколько сотен человек на место, и ему крайне трудно выделиться на фоне общей массы. В России же на диплом британского университета работодатели смотрят с нескрываемым интересом. Сотрудники с дипломами западных университетов и бизнес-школ – это престижно. Так, по крайней мере, рассказывали ребята, которые решили вернуться на родину и строить профессиональную карьеру в России. Например, мой знакомый Артем, окончив университет, промучился около года в поисках работы, а затем уехал в Россию. «Кризис ударили по компаниям во всех странах. В тот момент, когда я устраивался на работу, большинство фирм увольняли сотрудников, а не нанимали. Однако по приезде в Россию приглашения на интервью посыпались одно за другим. Я даже немного опешил от такого интереса к моей персоне», – поведал он. Потрудившись около полугода в компании, которая взяла его на работу, Артем решил начать собственный бизнес: «Конечно, страшновато было при нынешней экономической ситуации начинать бизнес, но открывать в кризис свое дело – идея хорошая, давно и успешно используемая на Западе. К тому же за годы обучения я оброс связями и знакомствами в других странах. Это очень полезно и для личного развития, и для карьерного роста. Проще искать партнеров и возможности для расширения». С другой стороны, стабильность внутри страны и тем более внутри компаний сейчас мало кто может гарантировать. Пусть быструю карьеру сделать в России намного проще, но, как известно, чем выше поднимешься, тем больнее падать. Устав от нетвердой почвы под ногами из-за нестабильной экономической ситуации в мире, многие выберут принцип «лучше медленно, но верно» и в Россию не поедут. Да и политическая ситуация в РФ из-за границы кажется слишком уж запутанной и пугающей для молодых и

государственных границ. Простой пример: моя знакомая Юля уехала из Перми в 14 лет, три года проучилась в Великобритании, затем уехала на пару лет в Малайзию, после чего собирается продолжать образование в США. Причем она так много ездит не потому, что ей не нравится в стране нынешнего пребывания, просто есть люди, которых опьяняет ощущение дороги, будоражит стремление к перемене мест. Зачастую именно такие люди в любой стране с легкостью налаживают связи с «Зарубежной Россией». «Зарубежная Россия» – этакая реконструкция исторической родины русской общины – в каких-то местах развита до такой степени, что люди могут жить годами за границей и даже не выучить язык страны, в которой находятся. Но кто-то из покинувших родную страну, наоборот, любит окунаться в разные культуры и старается держаться подальше от русских со-

«НЕ ТОЛЬКО В ДИВИДЕНДАХ ДЕЛО»

Алексей, 20 лет, студент UCL, факультет математических методов в экономике: «Когда я ехал в Англию, для меня было очень важно, как бы это громко ни звучало, изменить отношение к России. Я просто хотел показать свою страну с другой стороны, разрушить сложившиеся на Западе стереотипы. Проще говоря, хотелось продемонстрировать, что Россия – это не только водка и медведи. Все началось еще в колледже, куда я приехал сразу после окончания русской школы. Быстро проявить себя мне помог спорт: я профессионально занимался плаванием. Через пару недель после начала учебы я занял третье место в крупном университетском чемпионате, и меня в присутствии всего коллектива школы наградили и поздравили. После этого всем стало ясно, что я что-то собой представляю как русский человек, который хочет и может добиться поставленных целей на Западе.

Я всегда хотел доказать, что Россия – очень перспективная страна

с экономической точки зрения. Я сделал презентацию для учеников и учителей про Советский Союз и Россию, где сравнивались экономические показатели [это было до кризиса, ВВП тогда рос на 8–10% в год], перспективные сферы бизнеса, был экскурс в историю и анализ авторитарного режима в СССР. Людям было действительно интересно, я дослушался до них, добился какого-то эффекта.

Сейчас в планах у меня довольно много интересных проектов, которые позволяют дать западным студентам полную и красочную картину России. Например, мы собираемся проводить творческий конкурс для тех, кто учит русский язык как иностранный. Я думаю, менять отношение к России нужно на основе личных отношений, это намного важнее, чем громкие слова. Обычно в любой компании, где я единственный русский человек, мне сразу начинают задавать вопросы. Нужно понимать, что в таких ситуациях ты всегда формируешь мнение других людей о России. Это дает возможность зародить в собеседниках

интерес, не дать им думать стереотипами.

После окончания учебы мне хочется вернуться, потому что Россия – это Родина, и оставлять ее я не хочу – ведь там все началось, там я прожил почти всю свою жизнь. С другой стороны, проведя столько лет на Западе и привыкнув к другой системе ценностей, я начал ощущать мир по-новому. Здесь прельщает стабильность. Хотя в России, конечно, намного интереснее, больше возможностей реализовать себя, но сложнее и рискованнее. Не все на это решаются. Но если решишься, то дивиденды могут быть очень высокими, да и не только в дивидендах дела. Родина есть Родина. Однако правильно говорят, что очень многое будет зависеть от личной жизни. Понятие семьи настолько важно, что оно будет влиять на финальное решение, по крайней мере для меня. Нам всем нужно будет сделать выбор: кто-то останется, кто-то вернется; и нет здесь «правильного» ответа. Это решение каждый должен принять для себя. Я для себя уже решил, что хочу вернуться».

пышких умов. Нельзя точно сказать почему: то ли западные СМИ слишком уж стараются показать Россию в непривлекательном свете, то ли большое видится на расстоянии... Но факт остается фактом – истории о бизнесменах, попавших в «жернова правосудия», о рейдерских захватах и тому подобном задора многим не прибавляют.

Хотя кто-то изначально уезжает из России с намерением вернуться назад. Среди русских бизнесменов сейчас модно отправлять своих отпрысков за границу: это, мол, инвестиции в будущее, ведь, вернувшись домой, наследники возглавят семейное дело. И если они правильно используют предоставленные возможности, то по возвращении смогут привнести что-то новое в облик современного русского бизнеса. Да и некоторыми хорошо образованными руководителями в стране станет больше. В случае, если отпрыски не смогут справить-

ся с ответственностью, они спустят в трубу полученные возможности. Кто-то после этого начнет с нуля и добьется чего-то, остальные будут вспоминать бурную молодость как лучшие годы своей жизни. В любом случае на широкую общественность это мало повлияет, и, может быть, зря подобный сценарий столь часто мусолят в СМИ.

«К черту все! Берись и делай!»

Однако есть люди, которые вернутся не потому, что их дома ждет готовый, налаженный бизнес. Это будут те, кто хочет учиться, набраться других идей, знаний, опыта, а потом приехать и что-то изменить в своей стране. Эти ребята стремятся воздействовать на окружающую действительность как на исторической родине, так и в принимающей стране.

Например, в Великобритании они пытаются приобщить иностранцев

к русской культуре, которой очень гордятся, организовать достойные мероприятия для соотечественников за границей. Это лидеры сообществ, организаторы новых компаний, те, кто применяет провозглашенное Ричардом Брэнсоном «К черту все! Берись и делай!» не только к бизнесу, но и к жизни в целом. Это люди, для которых русский язык не пустой звук и у кого в закладках браузера есть ссылка на онлайн-версию словаря Даля. Это уникальные люди, которые могут родиться только благодаря смеси русской духовности, европейского менталитета и самобытного взгляда на жизнь.

Конечно, когда молодые люди будут думать, оставаться или уезжать, на их решение повлияют экономический климат, семейные обстоятельства, политика и прочие факторы, но как же хочется верить, что решющим будет такой: «Там Родина, там все говорят по-русски». ☀

Алла Березовская [Рига]

ПРОСТО ЛАРИСА

На вручении ордена Дружбы народов в российском посольстве в Латвии кто-то из юных рижских телеведущих во время интервью спросил у этой знаменитой теннисистки: «Как вас представить?» «Просто Лариса...» – ответила она. Что ж, в конце концов весь спортивный мир знает без всяких фамилий, кто такая Штеffi, или Мартина, или Сирена. Гражданка Латвии, шестикратная победительница турниров «Большого шлема» и абсолютная рекордсменка розыгрыша Кубка Федерации среди советских теннисисток, нынешний главный тренер сборной России Лариса Савченко тоже заслужила право иметь свое имя в теннисе.

...М

АМА ПОКАЗАЛА ЛАРИСЕ новую школьную форму и белоснежный передник, ожидая, что та сейчас запрыгает от радости. Но дочка горько заплакала: «Мама, я не могу надеть это платье! Тогда все узнают, что я – девчонка, и меня больше не возьмут играть ни в футбол, ни в хоккей...»

Это действительно был ее секрет. Лариса Савченко до школы никогда не носила юбку, стриглась налысо и играла во дворе только с мальчишками, которые звали ее Максимкой и доверяли защиту ворот. Но в школу идти все же пришлось. Мальчишки ее простили и даже купили ей большие вратарские перчатки, которые до сих пор где-то хранятся у нее на чердаке...

Она побежала, как только научилась ходить. Ей нравилось прыгать, играть с мячом, плавать, кувыркаться – все, что угодно, лишь бы не сидеть на месте. Во втором классе к ним на урок зашла незнакомая женщина в спортивном костюме и предложила всем желающим записаться в теннисную секцию.

Лариса попала в группу к молодому тренеру Галине Лясковой. Пару месяцев ездила на тренировки, добираясь на автобусе до спортзала общества «Динамо». Денег на дорогу наскрести удавалось не всегда. Жили они очень скромно, отец был военным, а мама работала санитаркой в больнице Львова. В итоге Лариса оставила теннис и записалась в школьный хор.

Через две недели Галина Васильевна сама пришла к ним домой. Тогда впервые мама, Маргарита Павловна, услышала, что ее стриженый неугомонный ребенок – очень талантливая девочка, которую ждет большое будущее.

Голубь мира

С того дня началась у Ларисы жизнь по расписанию: подъем в шесть утра, тренировка, затем – школа. После занятий – опять тренировка, а вечером девочка допоздна засиживалась за уроками. Как-то мама пришла домой, видит: ее Ларочка стоит у окна и рассматривает свои руки. Она тоже глянула и ахнула – обе ладошки в кровя-

вых мозолях! «Завтра на тренировку не ходи, — сказала мать дочери, — пропустишь несколько занятий, ничего страшного!» И даже спрятала ракетки. Девочка удивилась: «Мама, а разве ты можешь не пойти на работу?» Пришлось отпустить.

Ее учили никогда не распускать нюни. Это сейчас можно видеть, как иное избалованное дитя на кортах швыряет ракетку и закатывает истерики. Тогда такое поведение было невозможным. Дисциплина, строжайший режим, неукоснительное соблюдение всех правил. В 10 лет Лариса Савченко уже сражалась за первенство города, затем участвовала в чемпионате Украины.

Девочка все реже и реже бывала дома, разъезжая по соревнованиям по всей стране. В 14 лет она попала к тренеру советской сборной Ольге Морозовой. Тогда же ее впервые заметил Шамиль Тарпищев, ставший потом ее наставником в жизни и в спорте и большим другом. Начались поездки в другие страны.

Иногда она звонила домой откуда-нибудь издалека, жаловалась, что устала от такой жизни. Тогда мама утешала ее: «Но это же надо для ро-

Как она сейчас вспоминает, первые слова были: «Вот это да!» И еще она подумала, как бы чудесно было снять здесь хотя бы крохотную комнатку и пожить у моря неделю, погулять в лесу, подышать сосновым воздухом... Через шесть лет ее желание исполнилось, она вышла замуж за Александра Нейланда, который тогда работал в теннисной сборной Союза и жил в Латвии.

Международный женский теннисный турнир «Крафт Дженирал Фудс». Победительницы турнира Лариса Савченко (Россия), I место, и Барбара Риттнер (Германия), II место (слева направо). Санкт-Петербург, 1991 год

Миллиона не жалко

В детстве и юности за нее всегда все решали другие. Она не знала, что такие визы, как составлять календарь игр, как заказывать билеты на самолет, бронировать номер в гостинице. И как зарабатывать деньги — тоже не знала.

«До 1987 года мы вообще не представляли себе, сколько зарабатывали. Мы знали, что нам надо вы-

РИА НОВОСТИ

РИА НОВОСТИ

дины, доченька, ты же у нас как голубь мира — держись!» Хотя по правде, Лариса, скорее, на воробышка всегда была похожа.

В 17 лет Савченко взяли в сборную СССР, тренировал талантливую теннисистку Шамиль Тарпищев. В Юрмалу на летние сборы Лариса Савченко впервые попала в 1983 году и выиграла здесь чемпионат Европы. Юрмала ее сразу очаровала.

Лариса Савченко играет на I Международном турнире среди женщин серии «Вирджиния Слимз». Москва, 1989 год

ИТАР-ТАСС

ложиться, мы обязаны победить и не посрамить честь своей страны, – говорит Лариса. – В зарубежных турнирах нас сопровождал так называемый руководитель делегации, который занимался денежными волонтерами и забирал наши чеки. Но что это такое – не очень себе представляли. После одного случая я подумала, что здесь что-то не так...».

Это было в Америке на открытом первенстве. Жара стояла градусов 45. Играть было невыносимо тяжело, но Ларисе опять сказали: «Надо!» Она сражалась с немкой за выход в «восьмерку». Былась насмерть. И победила. Потом в раздевалке та подошла к ней и спросила по-английски: «Ну и зачем ты меня обыграла? Тебе-то какая разница – ведь ты же все равно денег не получишь! А так я бы тебе половину своего приза отдала!..»

«Конечно, я замахала на нее руками, – вспоминает Лариса тот давний эпизод. – Но потом задумалась... Турниры-то все были денежные. Мы пахали как проклятые. Даже за второе место полагалось призовых тысяч сорок долларов. А мне суточные выплачивали по 25 долларов и при этом говорили, что хорошо, мол, хоть поездку окупили. Думаю, таким образом, где-то миллион у меня забрали. Но знаете, мне не жалко! Наоборот, я благодарна системе за то, что она мне дала в жизни. Поверьте, это стоило миллиона...»

Битва за шлем

После распада Союза Лариса оказалась одна, без средств к существованию, без малейшего представления, как жить дальше. По этой причине в 90-е сошли с дистанции сотни ее коллег по спорту. Она удержалась, во многом благодаря помощи мужа, который взялся за решение всех организационных вопросов.

«Моя задача была – играть, играть и играть, чтобы не растерять навыки, добывшие потом и кровью. Меня выручили дневники тренировок, которые я когда-то исправно заполняла. Там было расписано все: какие нагрузки, какой должен быть пульс, питание, питье и т.д.».

Выдержки из российской спортивной прессы:

«Одной из первых советских теннисисток Лариса Савченко-Нейланд получила профессиональную лицензию. Наибольших успехов она добилась в парных разрядах. Дважды выигрывала открытый чемпионат Франции (Ролан Гаррос) – в 1989 году с Натальей Зверевой (Белоруссия) и в 1995 году с Марком Вудфордом».

«Лариса Савченко шесть раз выигрывала турниры «Большого шлема». Она была первой советской

С послом
России в Латвии
Александром
Вешняковым
на награждении
орденом Дружбы
народов

интересное совпадение!), которая каким-то чудом не только помогла ей встать на ноги, но и посоветовала обязательно ехать на соревнования в Японию. В финале она играла в паре с Мартиной Навратиловой. И они тогда победили! Кстати, именно про Навратилову Лариса вспоминает чаще всего, называя ее человеком потрясающей души, очень отзывчивой и доброй. Говорят, что ей всегда было интересно

теннисисткой, ставшей победительницей Уимблдона, когда вместе с Наташей Зверевой выиграла в 1991 году пару на этом самом престижном теннисном соревновании».

В 1991 году ее попросили представлять на Олимпийских играх Латвию. После выступлений в Барселоне Савченко-Нейланд получила гражданство Латвии, стала самой популярной спортсменкой страны. Ей были созданы все условия для тренировок. Все снова было хорошо и красиво. Победы, турниры, призы, дальние страны...

Невидимые миру слезы

А потом наступила расплата. Впрочем, тревожные «звоночки» были и раньше: после игр у нее частенько болела спина. Она приклеивала на ноющее место перцовый пластырь, брала в руки ракетку и бежала на корт. Никто ни о чем не догадывался. Но потом от боли в спине начали отниматься ноги. Иногда даже кашлять было больно, не то что играть. В Австралии они нашли захарку из ее родного Львова (такое вот

общаться и с Габриэлой Сабатини, и со Штеффи Граф.

А в 1998 году Лариса почти весь зимний сезон отыграла во Франции в паре с Анной Курниковой. Были и удачи, и поражения. И никто даже не подозревал, что у себя в номере спортсменка иногда не могла без крика встать с кровати. Но в теннисе слабость показывать нельзя никому – ни соперницам, ни подругам. Выйдешь, к примеру, прихрамывая, и все – тебе «по-дружески» будут кидать мяч исключительно под большую ногу...

Но, конечно, в один день это все кончилось. Спина больше не поддавалась ни на уговоры, ни на пластырь с перцем. Сказались многолетние тяжелейшие нагрузки. Лариса перенесла очень сложную операцию и в 1999 году ушла из большого тенниса. В 33 года...

В модном рижском ресторане она устроила большой пир, на который съехались все ее друзья. Наша чемпионка громко и весело прощалась со спортом. Думала, навсегда. Хотелось спать и ничего не делать.

РИА НОВОСТИ

Наговориться всласть – за все годы разлуки – с мамой, которую она перевезла с Украины к себе в Юрмалу. Гулять по взморью, кататься на санках, валяться на диване и смотреть футбол по телевизору...

Звездная команда

Но долго «отрываться» чемпионке не пришлось. В 2000 году по приглашению президента российской Федерации тенниса Шамиля Тарпищева Лариса Ивановна Савченко стала тренером женской сборной команды России по теннису. Потом старшим тренером. Потом главным... Он считает ее прекрасным тренером. Очень умным и тонким специалистом, советам которого полностью доверяет. На вопрос журнала «Русский мир.ru», был ли сложным переход к тренерской работе, одна из самых титулованных теннисисток СССР ответила: «Мне было не трудно, я умею подстраиваться и под ситуацию, и под игрока. Они знают, что я в спорте человек не новый, сама через все это прошла, поэтому и доверяют мне. Если создать

в команде нормальную атмосферу, основанную на взаимном понимании и уважении, все сложится. Теннис не просто тяжелый вид спорта, он жесткий, эгоистичный, но в командных соревнованиях срабатывает другой принцип – нет зависти, нет закулисных интриг. Девчонки дружно разминаются, тренируются, вместе едят, гуляют, искренне болеют друг за друга. И при этом – все звезды, меньше мы как-то не падаем, все боремся...»

Среди ее учениц и подопечных и впрямь были сплошные звезды – Лина Красноруцкая, Елена Бовина, Татьяна Панова, Анастасия Мыскина...

За 10 лет тренерской работы в жизни Ларисы произошли огромные перемены, и их было много – печальные, сложные, очень волнующие, радостные. Пришлось пережить смерть мамы, развод с мужем, новый брак, рождение в 2006 году первого ребенка – дочери Нasti, названной в честь Анастасии Мыскиной, ее любимой ученицы и подруги. Мыскина стала крестной мамой

сначала Ларисиной дочки, а затем через год с небольшим – и сына Владимира! Прямо перед рождением сына Савченко включили в Зал славы российского тенниса в одном ряду с Шамилем Тарпищевым, Евгением Кафельниковым, Анной Дмитриевой, Ольгой Морозовой... С мужем, рижским бизнесменом Олегом Сибrikом, они познакомились случайно. Лариса уверена: это тот самый случай, который бывает один раз в миллион лет...

«Конечно, я давно мечтала о детях... Боженька не давал. Лишь когда я встретила человека, который меня понимает, что называется, «от и до», тогда все и случилось. Мы живем в Юрмале в двух шагах от моря большой дружной семьей. Дети у нас очень веселые, общительные, все в папу – такие маленькие Сибriki. Правда, большую часть времени я провожу в разъездах. А что делать – такая работа, сегодня надо лететь на сборы в Сербию, завтра в Италию, оттуда – в Москву. Олег хотя не сразу и не с легким сердцем, но однажды сказал слова, которые я, конечно, запомню на всю жизнь: «Я не имею права тебе ничего запрещать. Это твоя жизнь, и ты сама вправе ею распоряжаться». Благодаря его поддержке я и могу сегодня работать в полную силу. Со спокойной душой». По словам Ларисы, в период своей двухгодичной «хронической беременности», когда она не знала, чем себя занять, параллельно с материнскими обязанностями начала тренировать малышей на юрмальских кортах. И ей это очень понравилось. И хотя сейчас из всей ее детской группы остались лишь две девочки (теннис – это удовольствие не из дешевых) – 8 и 14 лет, – она мечтает когда-нибудь, после завершения тренерской работы с российской сборной, обязательно открыть свою теннисную школу и теннисный клуб.

В общем, «голубь мира», как когда-то называла ее мама, продолжает свою миссию. Правда, теперь Лариса Савченко ощущает себя уже не голубем, а гражданином мира – будучи подданной Латвии, работает на Россию, на ее спортивную славу и гордость. ●

ФОТОГРАФ МИРА

Алексей Уразов, фото Марка Боннвилля

Девять утра. Москва. Памятник Жукову на Манежной площади. Толпа японцев шумно позирует эксцентричному человеку с фотокамерой. Я не сразу понимаю, что этот странноватый фотограф и есть месье Боннвиль, с которым мы договорились встретиться сегодня.

<<M

АРК. И ДАВАЙ СРАЗУ будем на ты. Я привык общаться демократично», – говорит

на чистом русском мой французский собеседник. Марк и вправду какой-то нефранцузский француз.

На нем летний комбинезон BBC Франции. На голове – ярко-красная кепка со швейцарским флагом. За спиной – альпинистский рюкзак. На ногах – красные испанские ботинки. Этакий «ходячий Евросоюз». И пока Марк раскуривает свою трубку, я начинаю донимать его вопросами.

«Где я выучил русский? Во Франции. Я учился в спецшколе. У меня были прекрасные преподаватели. Мои друзья шутят, что я должен был выбрать негражданскую профессию, но я стал фотографом», – смеется Марк.

Впервые в Москву Боннвиль попал в 1990 году. «Тогда это был еще Союз. Ребята пригласили меня в экспедицию на Землю Франца-Иосифа. Я помню ту московскую ночь, когда прилетел в Шереметьево. Зима! Я родился в Альпах и вроде привык к холоду, но московские морозы меня поразили. И еще помню диковинную очередь в «Макдоналдс» на

Пушкинской. Его ведь тогда только открыли. Потом у меня был фото-проект «Автостопом от Москвы до Байкала».

Как говорит сам Боннвиль, долгие путешествия по России – это такой русский «экстрем», главное правило которого зимняя съемка. Ведь для любого иностранца Россия – это в первую очередь зима, холод, снег. «Пусть это и стереотип, – продолжает Марк, – но это действительно поражает. Потом у меня был Магадан. Меня пригласил один француз. Он путешествовал, а я его снимал. Маршрут был крайне интересный. Россия ведь вообще страна больших расстояний». Сейчас у фотографа Боннвиля «городской» период. «Я снимаю города, портреты горожан. Пытаюсь поймать

ритм, уловить линию каждого города. Я снял Париж, Лондон, Пекин, Куала-Лумпур, Калькутту. Потом я все это соберу. Из каждого города возьму лучший снимок, и получится «атмосфера города». А дальше пусть каждый догадывается, что это за город. Я хочу, чтобы мой зритель терялся в догадках. И сам думал, где он».

Боннвиль заканчивает свой цикл в Москве. Интересно, что он выберет...

«Ты вот, например, москвич. И всю жизнь живешь в этом городе, так? А я уверен, что ты не знаешь его. Давай я попробую показать тебе город, который ты не знаешь... Хотя сразу скажу, на Москву я смотрю не как француз. И глаз мой не то чтобы французский».

Итак, Манежка, как говорят сами москвичи. Понятно, что это Москва «открыточная». Но даже здесь Боннивиль видит что-то свое. «Не снимать Кремль нельзя. Ведь тут Восток и Запад сливаются воедино. Ведь это

такой символ. В Европе больше нет таких мест. Москва вообще очень красивый город. Я недавно снимал в Бангкоке. Конечно, там свой, азиатский «экстрем», но там ты в средневековье. Пусть на дворе сейчас

и XXI век. А в Москве ты можешь оказаться в веке XIX, прошел километр – и ты в сталинской эпохе. Потом 70-е и, наконец, наше время». Из «ликов» Москвы Марк выбирает не только культовые для туристов места. «Сейчас мы с тобой поедем в спальный район Марьино. Французы называют такие места «банлье», то есть окраины. Весь мир узнал о них, когда к власти пришел Саркози и на окраинах Парижа начались волнения».

«Вообще, знаешь, среди фотографов много споров, что такое интересная съемка – «глянец» или фотографии из горячей точки? – продолжает Марк. – Я не знаю... Мне интересно все... Есть одно хорошее выражение: «Красота не исчезает, лишь уходит иногда». С некоторого времени это мое кредо».

Марк принципиально ходит пешком. Это его авторский стиль. «Я помню, как за четыре дня я прошел парижскую «МКАД». Там она называется «периферик». Жизнь до и за «периферик» в Париже мало чем

отличается. А в Москве отличается разительно. Правда, вашу МКАД я не рискнул пройти. Уж очень долго получится», – смеется Марк.

После изматывающих московских пробок мы наконец оказываемся в Марьино. «Ритм жизни в Москве просто дикий, – продолжает Марк. – Я был в Пекине. Казалось бы, столица самой густонаселенной страны мира. Все спокойно. Люди ездят на велосипедах. А здесь тяжело. Я уже 12 лет живу в Москве, но сам не знаю, нравится ли мне здесь. Ведь она разная. Но человек и фотограф – это ведь не одно и то же».

Что такое «разная Москва» по Боннвилью я понял, когда он начал снимать привычные для любого горожа-

нина сценки: ларьки, хмурые лица, городские коробки. «Даже в спальных районах есть своя прелесть. Эти милые кубики. Эти милые чудаки. А ведь собрать свой вымышенный город из частей разных мегаполисов – это не так просто. Кто-то скажет, что тут ничего интересного, но здесь люди спят. И это очень интересно. Ведь главное – это люди».

Француз Боннвиль уже хорошо адаптировался к русской реальности. Хотя на русских он смотрит все-таки со стороны.

«Какие для меня русские люди? – задумывается Марк. – Женщины – все красивые. Мужчины – в основном высокие и смурные. Я ведь здесь очень мелкий. Смотрю на многих снизу вверх», – смеется Марк.

«А как здесь фотографируется?» – спрашиваю я. «Очень просто. Это ведь не Нью-Йорк, где все шатаются. И не Африка, где многие до сих пор верят,

что фотографы крадут души. Здесь к фотографии относятся дружелюбно. Охотно соглашаются на фото. Могут просто спросить: зачем, мол, снимаешь? Я отвечаю просто: «Я – фотограф». На этом наша беседа заканчивается. А у меня получается хорошее фото».

Есть у Марка и своя «культурологическая теория фотографии». «Мне кажется, это такое очень русское отношение к фотоискусству. Свой взгляд на жизнь. В православных церквях очень много икон, то есть ликов святых. Поэтому мне кажет-

ся, что и к портретной фотографии в России относятся толерантно. Ведь это без преувеличения часть жизни. Ну а вообще, чем увереннее и спокойнее подойдешь, тем лучше получится кадр», – говорит Марк.

Марк рассказывает, что, бывая в Париже, он едет на холм Монмартр и фотографирует. В Москве его любимый холм – Воробьевы горы. «Здесь небо становится ближе. Тут свое и особое небо. И свет здесь неевропейский – длинное утро, долгий закат. Ведь в Париже не так». Но смотревшая площадка на Воробьевых горах манит Боннивиля не только своим светом. «Я снимаю здесь, потому что сюда часто приезжают свадьбы. И тут прекрасная панорама. Отсюда я вижу все, что снимал. И Москву-Сити, и сталинские высотки. Именно отсюда видишь, что город – это огромная машина. И мы живем здесь анонимно. Но тут свой шарм.

Я бы не смог жить в деревне. Мне нужен драйв. Или тайга, точнее, урбанистическая тайга. Я многих друзей вижу раз в три месяца. Казалось бы, что нам мешает встретиться? Да вроде ничего, но найти друг друга не так просто», – говорит Боннивиль.

«Здания на семи холмах, – продолжает он, – это ведь настоящий памятник сталинской эпохи. Сталинская архитектура – это очень интересно, самобытно. Один снимок – и любой человек поймет, что это Россия. Меня, свободолюбивого француза, это совсем не подавляет. Я же раньше вообще жил неподалеку. Я приезжал сюда на велосипеде. Стоял, смотрел или даже фотографировал. И именно тут понимаешь, что Москва – это третий Рим. И мне это очень нравится».

«Мы, русские и французы, – и разные, и одинаковые одновременно, – считает Марк. – Мы устали от своих громких революций. Да, мы такие...

Мы любим протест, возмущаемся по каждому поводу. Но все-таки для меня это не главное. Знаешь, есть художники-реалисты, художники-абстракционисты. Кто я, я не знаю. Вроде бы фотография должна передавать реальность, но зачастую это бывает по-другому. 25-й кадр – это в кино, а у фотографов свои понятия. Мы ловим что-то рядом, что-то внутри реальности. Поэтому я даю кадру определенную свободу».

Наверное, Марк Боннивиль – это и есть художник новой формации. Портрет и пейзаж, русское и французское, общемировое и самобытное живут в нем бок о бок. «Я не новостной фотограф. Я не «щелкаю» на автомате. Я уже 12 лет живу и работаю в России. Для репортажного фотографа – это рай. Я не великий патриот Франции. Я – гражданин мира, citoyen du monde. Я – фотограф мира».

ЛЮДИ И ВРЕМЯ | ДЖОЗЕФ КОНРАД

Сергей Виноградов

АНГЛИЙСКИЙ КЛАССИК С ВОЛОГОДСКИМ АКЦЕНТОМ

FOTOBANK/GETTY IMAGES

Только один человек в Вологде будет отмечать в августе 86-ю годовщину со дня смерти классика английской литературы, яркого мастера приключенческого романа Джозефа Конрада. Человек этот – краевед Владимир Аринин. Благодаря именно его многолетним изысканиям город из северной российской глубинки был внесен в официальную биографию писателя.

ЦЕРКВИ, ЦЕРКВИ, ЦЕРКВИ и резной палисад... Такой увидел Вологду в 1862 году маленький Юзеф Теодор Конрад Коженёвский (будущий Джозеф Конрад). Русский Север заметно отличался от родного Бердичева, где Юзеф родился и прожил пять первых лет своей жизни. Отец будущего классика английской литературы, поэт Аполлон Коженёвский, был сослан в Вологду за участие в польском освободительном движении. Жена Эвелина с маленьким Юзефом последовала за ним. Так в вологодской польской колонии ссыльных появились арестанты под номерами 21, 22 и 23. Здесь они пробыли чуть больше полугода. Эвелина заболела, и Аполлон Коженёвский попросил власти перевести семью в место с более теплым климатом. В январе 1863 года семья перебралась в Черниговскую губернию, где Эвелина скончалась. А Аполлон умер в 1869 году в Krakowе. Юзеф перешел на попечение своего богатого дяди Тадеуша Бобровского. С его разрешения в 1874 году будущий классик уезжает в Марсель и становится моряком... Вологодский писатель и краевед Владимир Аринин, первым заинтересовавшийся пребыванием Юзефа Коженёвского в своем родном городе, зачитывался романами Джозефа Конрада в детстве, пришедшемся на послевоенные годы. «Я рос в интеллигентной семье, и, хотя жили мы

в Вологде – Мекке деревенской литературы, я никогда не был ее любителем. Засодимского читать никогда не хотелось. Тянуло на что-то необычное», – говорит Аринин. Он не член Союза писателей, об Аринине, издавшем 11 книг, вы не найдете упоминаний ни в одном сборнике вологодских писателей. Как и о Конrade, впрочем.

С Конрадом Аринину пришлось серьезно «повозиться», ведь следов пребывания семьи Коженёвских в Вологде почти не было. К своим по-

Джозеф Конрад
с женой и сыном
Джеком.
1900 год

искам Аринин привлек в середине 70-х старейшего местного краеведа, Владимира Панова, железнодорожника по профессии. Еще в 20-е годы Владимир Капитонович загорелся страстью к истории и литературе – в доме его отца некоторое время жили сосланные на вольные поселения писатели Ремизов и Амфитеатров. Закипела работа в архивах. В Вологде, конечно, никто не знал, что в то же время на Филиппинах режиссер Фрэнсис Форд Коппола начинает съемки фильма «Апокалипсис сегодня» – вольной экранизации романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы». За этот фильм Коппола получил «Оскара», а с романом Конрада стряхнули пыль.

Столица политической ссылки

Отец Юзефа писал пьески с «идеей», переводил на польский Грибоедова и Пого. Юзеф же, прежде чем стать творцом прозы, сам в нее попал: в письмах родным Аполлон рассказывал о страданиях некоего мальчика Конрадека, «загнанного в край цинги и стужи», как называл он Вологду. Вологда – столица русской политической ссылки, во все времена и при всяком строje привозили сюда на телегах людей в пенсне и ан-

FOTOBANK/GETTY IMAGES

Бараки
ссыльных
конца XIX века

глийских ботинках, с двумя чемоданами в руках – один с одеждой, другой с книгами. Интеллигенция... Террорист Борис Савинков, сестра Ленина Мария Ульянова отбывали здесь сроки, да и сам Иосиф Сталин на удивление тепло вспоминал свою вологодскую ссылку. Во времена сталинских репрессий многие были отправлены в Вологду уже по его приказу. «Ссыльные вносили в климат Вологды категорию будущего времени», – говорил о своем родном городе Варлам Шаламов, сам испытавший прелести ГУЛАГа.

Известный издатель Лонгин Федорович Пантелеев, живший в Вологде, рассказывает о встрече с Коженёвским-старшим, «литератором, хорошо принятым в местном обществе», где его на русский манер звали Антоном. Тем не менее «держался он очень гордо, сам ни с кем не знакомился». Таким же Аполлон воспитал и сына: Юзеф, по воспоминаниям знакомых, всегда был высокомерным и малоразговорчивым, отчего близких друзей так и не нажил. В последний год жизни он отказался от титула английского лорда, заявив, что принадлежит к польской аристократии.

Корабль вместо дома

Один из сыновей Джозефа Конрада, Борис, рассказывал, что отец не любил вспоминать о России. Как бы то ни было, но и побег из родной

Афиша фильма
«Апокалипсис
сегодня»

Польши можно считать удачей для Юзефа Коженёвского. Начитавшись приключенческих романов о жизни моряков, молодой Коженёвский поступил во французский флот. В первые годы свободы он не на шутку загулял: вовсю транжирил дядины деньги, пускался в разные авантюры, даже занимался контрабандой оружия в Испанию. Проигрывался в пух и прах, несколько раз пытался застрелиться. В 1878 году подался в Англию, опасаясь, что из Франции его могут выслать в Россию. На кораблях английского торгового флота Конрад плавал 15 лет, стал капитаном, однако родины

так и не заимел. Писать начал в 31 год, для чего моряку пришлось вплотную заняться изучением английского языка. Герои его первых романов – люди, для которых море и есть родина, а корабль с командой – дом и семья. Да и писал он свои романы на корабле. Одну из рукописей капитан показал своему пассажиру – известному английскому писателю Джону Голсуорси. Так началась литературная карьера Джозефа Конрада.

Поначалу в Англии Конрада восприняли как очередного автора приключенческих книг. Правда, критики не преминули отметить несвойственный развлекательной литературе трагизм: на каждой второй странице герой говорили либо «за жизнь», либо о смерти. Произведения Конрада никогда не были «сырыми» – над отдельными пассажами он работал по нескольку суток.

Славянский писатель

«По-английски он пишет чисто и правильно, но как будто с каким-то акцентом», – говорили критики. «Поляк, русский... Тогда мало кто их различал. Славянский писатель, одним словом... Следовательно, душа нараспашку», – сказал о нем Герберт Уэллс.

Поляк, русский... Все мы помним споры политические и исторические, разговорные и стихотворные – Пушкина и Адама Мицкевича, изрядного ненавистника России. О своем столкновении с Аполлоном Коженёвским вспоминает и Лонгин Пантелеев. Своего «недовольного поляка» повстречал и Владимир Аринин: «После того как статья о поисках следов Конрада в Вологде была напечатана в «Литературной России», к нам начали поступать письма от «конрадистов» со всего мира, статью переводили и перепечатывали». К примеру, доктор Морф из Монреяля прислал копию фотографии Аполлона Коженёвского, а также высказал предположение, на какой из улиц могли жить польские ссыльные. Откликнулся и известный польский писатель Ярослав Ивашкевич. Наконец, однажды Аринину сообщили, что «в Вологду собирается

Вологодский писатель не скрывает, что, сложись судьба иначе, и он бы, подобно Конраду, писал о море и дальних странствиях

приехать Здислав Найдер – знаменитый диссидент, один из лидеров польской оппозиции, – поговорить по поводу нашего материала о Конраде». С Найдером приехал сопровождающий от Союза писателей, как его представили. Не составляло труда опознать в нем сотрудника КГБ. «Оставшись с глазу на глаз, – вспоминает Аринин, – мы перешли с Конрада на политику. Вся польская интеллигенция против существующего строя, но литературу вашу мы любим и читаем, – сказал он мне». Через несколько лет, в 1983 году, Найдера – будущего советника президента Польши Леха Валенсы – заочно приговорили к смерти за бегство на Запад. А еще через десяток лет, когда стало можно, Аринин написал статью о встрече с «человеком, приговоренным к смерти».

Романы без моря

Джозеф Конрад в политику до поры до времени не лез. К русской литературе относился неоднозначно, хотя дружил с супругами Гарнетт, знаменитыми переводчиками с русского языка. Достоевского называл сумасшедшим и «чересчур русским»: «Во всей его прозе мне слышится подобие яростных воплей». Тем забавней тот факт, что критики видят в некоторых романах Конрада явное влияние именно Федора Михайловича. Толстого не понимал, Тургене-

ва уважал, но, по большому счету, за то, что тот эмигрировал. Всю жизнь Джозеф Конрад утверждал, что не знает русского языка, что, естественно, маловероятно – ведь до 16 лет писатель прожил в России, а его отец окончил Санкт-Петербургский университет. «Мне не хотелось бы выступать в роли знатока русской жизни», – признавался Конрад. Однако в начале XX века что-то изменилось в миропонимании Конрада. Он осел на берегу, оставив море лишь на страницах написанных им произведений. Три его последних романа – все не без политики. «Ностромо» – про выдуманное государство в Латинской Америке, одна из провинций которого решила отделиться и отстоять свою независимость. Правительство, в котором диктатор на тиране сидит, жестоко подавляет эту попытку. Среди повстанцев попадаются и поляки, «совершенно случайно», разумеется. Два следующих романа – «Тайный агент» и «Глазами Запада» – уже без всяких иносказаний написаны про революционеров, а второй – так даже про русских. Герой романа студент Разумов борется с дилеммой: самодержавие ему не нравится, но террористические методы борьбы с ним его тоже не устраивают. Сомнения еще усиливаются, когда в его квартиру попадает другой студент, Гальдин, ищущий убежища после того, как бросил бомбу в ми-

нистра. Англичане романа не поняли. Потому что даже самому неизощренному читателю было очевидно, что русский студент Разумов Конраду ближе, чем типичный английский джентльмен, каким он сам стремится стать. Английские литературоведы считают, что роман написан специально для России, причем России провинциальной.

Разошлись, как в море корабли

В Вологде о Конраде никто не вспоминает. Никаких чтений, конференций, памятников и бюстов, не говоря уже о названии улицы. Жители без внутреннего трепета проходят мимо старой пятиэтажки на бывшей улице Урицкого, ныне снова Козленской, где, как выяснили Панов и Аринин, стоял дом, в котором жили ссыльные поляки. Еще в далеком 1977-м призывал Владимир Панов установить здесь хотя бы мемориальную доску, но этого не сделано до сих пор.

Книги Конрада трудно купить и в Вологде, и в крупных городах окрест. Но, правду говоря, и Конрад ни разу не вспомнил о Вологде ни в одной из своих многочисленных биографий. Разошлись, как в море корабли. Наверное, порта «Вологда» не было на морской карте капитана Юзефа Коженёвского, которого сегодня знают под именем Джозефа Конрада.

Владимир Панов умер в середине 80-х, всего года не дожив до ста лет. А его тезка и соавтор Аринин по-прежнему живет в Вологде, пишет сейчас в основном сказки для детей. Его книги пользуются большой популярностью у местной детворы. ●

Алексей Макеев, фото автора

УАСГЕРГИЙ И ОРЕЛ- СВ. НИКОЛАЙ

«На этом месте находились главные ворота, через которые 21 мая 1829 года А.С. Пушкин въехал в крепость Владикавказ», – прочитали мы на стене обычного многоэтажного дома. И невольно стали оглядываться по сторонам, прикидывая, где же тут могла быть крепость и эти исторические ворота. Кругом – современный урбанистический пейзаж и тьма машин. Как бы, интересно, смотрелась здесь эта карета, изображенная на памятной доске?

НА ВОКЗАЛЕ ВЛАДИКАВКАЗА нас с женой встречали давние друзья-осетины – Вова и Лариса. После крепких объятий нас посадили в белый «мерседес», который Вова

одолжил у знакомого, чтобы встретить гостей. Документов на машину у Вовы не было, но ехал он уверенно. Даже, остановившись на рынке, не поставил автомобиль на сигнализацию, сказав только: «Ма-

шина известного человека, никто не тронет».

Здесь ничего не напоминает о том, что 226 лет назад Владикавказ был первой русской крепостью на Кавказе. Но исторически с крепостным прошлым, кажется, связано все в городе. Даже замечательный городской парк, окруженный бурлящим изгибом Терека. Сейчас парк носит имя основоположника осетинской литературы Кости Хетагурова, а некогда он назывался Комендантским. Первый сад на этом месте был разбит еще в 1835 году рядом с комендатурой Владикавказской крепости. А в конце XIX века здесь

Дигорские мотивы

Вова с Ларисой повезли нас в свою родную Дигору. Несмотря на то, что это один из шести населенных пунктов в Осетии, имеющих статус города, жизнь здесь совершенно иная – не как в столичном Владикавказе. Особенно на окраине Дигоры, где находится дом наших друзей. У подножия Главного Кавказского хребта по берегам утихомиравшейся горной реки стоят большие дома из красного кирпича с поросшими мхом черепичными крышами. На главной улице безмятежно пасутся поросята, бродят козы, ослы и коровы. Большой выпас здесь в порядке вещей. Лариса призналась, что свою корову не видела уже несколько дней, загуляла, мол, где-то... Власти, правда, пытаются примирить традиционный уклад жизни с благоустроенностью современного города. Например, специальным распоряжением был запрещен выпас свиней на улицах, а коровам надлежит теперь пасть исключительно на пастбищах за пределами города. Но... Дигория является отдельной областью Северной Осетии, имеет свои исторические и культурные традиции и даже особый диалект осетинского языка – дигорский. Интересно, что у закрепившегося в наши дни названия нации «осетины» грузинские корни и образовано оно от слова «осы» – так осетин до сих пор называют по другую сторону Глав-

ного Кавказского хребта. А «осети» значит «земля осов». Старорусское название осетин – «ясы» – уже давно вышло из обихода. На своем родном языке осетины называют себя «ирон», что почти полностью идентично «Иран». Об иранских корнях осетин, потомков алан, говорит и тот факт, что осетинский язык имеет иранское происхождение.

В Дигоре любят жить просторно. В домах много комнат – гостиная, столовая, обширный внутренний двор, переходящий в огород и сад. С непривычки поначалу казалось, что везде – и в доме наших друзей, и в домах их родственников, куда мы заходили в гости, – половина домочадцев разъехались в отпуска и на каникулы.

Неизгладимое впечатление произвела младшая дочь наших друзей. Трехлетняя Амина – удивительный человек. Любимое ее занятие – колоть греческие орехи большим строительным молотком. Амина берет орехи, молоток, вытаскивает изо рта соску, чтобы не мешала, по-деловому кладет ее рядом и со всего маху бьет молотком по ореху. Бьет точно, пальцы остаются целыми. А позже, после затяжного застолья, Амина уложила папу спать, а сама в первом часу ночи пошла на кухню «читать» газету! Точнее, не читать, а разбираться, что же там такого интересного находят взрослые.

уже гоняли на велосипедах, Комендантский сад стал первым в регионе велотреком.

Во Владикавказе живет половина всего населения Осетии – 320 тысяч человек. Осетины – единственные православные на Северном Кавказе. Но в столице и другие религиозные конфессии представлены в полной мере. В центре города рядом с православными храмами соседствуют суннитские и шиитские мечети и старая армянская церковь. А стены жилых домов обильно украшены скульптурами явно дохристианского содержания, напоминающими о том, что у всех осетин – единый корень.

Три пирога и тосты-молитвы

Первый же ужин заставил убедиться в жизнеспособности осетинских традиций застолья. Стол испокон веков почитался у осетин, и никогда трапеза не сводилась к простому принятию пищи, а была тесно связана с духовной жизнью. Так и сейчас застолье – это настоящий ритуал. Здесь важно все и нет несущественных мелочей. Старший обязательно должен сидеть лицом к восходу солнца – именно так обращаются к Богу. По правую руку от него сидит второй по старшинству, по левую – третий и т.д. И не важно, большое это пиршество или обычный семейный ужин. По слухам праздника на столе всегда три пирога. Первый пирог символи-

зирует солнце, второй – землю и все живое, что на ней есть, третий – воду. На поминах бывает только два пирога – солнце для умершего угасает. Этикет требует, чтобы и всего остального в зависимости от повода на столе было соответственно четное или нечетное количество. Это одно из самых строгих правил застольного ритуала. Так, во время приготовления шашлыка, чем занимался Вова, остались две луковицы. «Две не бывает», – строго сказал хозяин, и женщины пошли еще за одной.

Приготовление пирогов – тоже церемония. Женщина должна быть опрятна и чиста. При замешивании теста нужно думать о хорошем... Хозяйка испекла три круглых пирога, их сложили стопкой на тарелку

и немного сдвинули – «так, чтобы Богу сверху было видно, что их три». Дальше Вова налил бокалы и начал говорить тосты. Скорее, это даже не тосты, а своеобразные импровизации на тему молитв. Последовательность строго регламентирована: первый тост – Богу, второй – святому Георгию как покровителю мужчин, воинов и всей Осетии, третий – по случаю застолья и т.д. Тост-молитва Богу выглядит примерно так: «Господи! Дай нам здоровья, радости, счастья! Окажи милость, чтобы исполнилось то хорошее, что есть у каждого на душе! Создатель Вселенной, пошли нам такую милость! Дай нам такую чистую и праведную жизнь, как чисты и праведны наши души! Пошли людям много, а нам – достаток! Да будут угодны тебе наши три пирога!»

Осетины и грузины
Пили, кстати, не национальные напитки, о которых пишут в книгах, а самые распространенные в нашей стране – сорокаградусные. «К большим праздникам обычно варят пиво из пророщенного зерна, – объяснила Лариса. – По обычаям только с таким пивом можно обращаться к Богу. А в обычные дни это, к сожалению, не соблюдается». Пить гостю обязательно. Не удалось даже отговориться, что мы, мол, свои люди, современные, зачем такие строгости... И пить непремен-

Осетинских
три пирога – риту-
альная пища

На улицах
города Дигоры

но до дна, особенно первый тост. Женщинам наливать по местным обычаям не обязательно.

В разгар застолья появился молодой веселый сосед Руслан. «Гость всегда главный за столом», – объявил он и занял место Вовы. Затем приходили другие гости, с новой силой начали произносить тосты, посчитать которые было уже невозможно – четный сейчас или нечетный.

В ходе застолья вспомнили и своих соседей – осетин южных. Удивительно было слышать, что многие относятся к ним здесь очень осторожно. «В советское время, – говорит сосед, – быть грузином было престижнее, чем осетином. Поэтому приходившие с юга выдавали себя за грузин. Бывало, идет такой у нас

здесь по улице, я вижу – осетин и обращаюсь к нему на осетинском. А он мне: не понимаю, и пошел дальше...». Вступилась Лариса, как истинная женщина, охаживающая пыл горячих мужских голов и несущая примирение: «Конечно, за столько лет грузины на них оказали большое влияние, в том числе и на характер. Ведь им так долго не разрешали изучать родной язык, навязывали свои традиции, обычаи. И, несмотря на это, южные осетины сохранили и свой язык, и культуру. Во время августовского нападения даже подростки рвались на защиту своей Родины. Конечно, война так просто не забывается, но, как бы то ни было, в Осетии очень много смешанных браков. Осетины и грузины как роднились,

так и роднятся, несмотря на то, что некоторые политики стараются рассорить народы».

Кто-то из гостей стал рассказывать, какой этикет застолья соблюдается на больших праздниках, и у меня закружилась голова... Если застолье по хорошему поводу, шея барана должна располагаться на тарелке слева от головы. На поминках – с правой стороны. У старшего стакан в правой руке, правая лопатка барана – в левой, второй по старшинству держит три ребра барана... Тост за святого Георгия пьют все стоя, только самый младший остается сидеть... Правая лопатка барана идет по кругу и ищет того юного силача, который сможет переломить ей плечевой сустав... Самому младшему достается ухо барана... Женщины сидят за отдельным столом. А вообще-то удел осетинской женщины «домашний очаг и цепь», твердо сказал гость. Конечно, сегодня это чистая символика, но в старину в домах осетин над очагом с потолка свешивалась цепь, на которую подвешивали котел для приготовления пищи. Эта цепь считалась в доме главной святыней, у нее молились, давали обеты и совершали браки. Такую цепь мы позже увидели в VIP-коттедже одного дома отдыха в горах. Женщин там, правда, не было, но к цепи относились с большим почтением.

Осетинское христианство

На следующий день отправились в горы Дигории. Сначала поднимались вверх по реке Урсдон, а затем поехали в Дигорское ущелье. В горной Дигории до сих пор сохранилось много сторожевых башен, стоявших одиноко на горных уступах и часто издали неотличимых от черных скал. Башни эти выполняли в основном сигнальную функцию. При появлении врага в башне поджигали сырое сено, и дым передавал тревогу по цепочке от башни к башне. Таким образом, горцы успевали подготовиться к отражению врага. Горные дороги, кстати, оказались вполне приличными, не такими страшными, как о них рассказывают. Местами они настолько широкие, что на обочине устраивают большие придорожные часовни.

«Вот, – говорит Вова, – часовня Святого Георгия. Обязательно надо остановиться». И тут я впервые увидел, кого в Осетии называют святым Георгием. Обвязанная со всех сторон тряпochками и ленточками, как дерево желаний, стоит у дороги большая гранитная плита. На ней – старый воин на коне с пушистой седой бородой и плащом, похожим на крылья. Внизу подписано: «Уасгергий» (с осетинского: «ус» – святой, «Гергий» – Георгий). Категорическая неприязнь всего четного выразилась и здесь: конь у святого трехногий! Подобными же изображениями изрисованы близлежащие скалы и камни.

Рядом с гранитной плитой – ящик для сбора денег, а также внушительная трапезная: столы стоят как под крышей, так и на открытом воздухе. Каждый проезжающий оставляет в ящике хотя бы несколько монет. На собранные деньги раз в год, в дни особого почитания Уасгергия, устраивают всенародные пиршества. Зарезают несколько быков, и все проезжающие мимо и живущие рядом люди приглашаются на пир. А в обычные дни принято подкрепиться здесь своими запасами и обязательно произнести положенные тосты-молитвы. Почитание Уасгергия так велико, что даже во время пения государственного гимна Северной Осетии его дважды призывают на помощь.

К нам присоединились другие путешественники, и постепенно пятиминутный перекус превратился... в полноценное застолье. После обязательных тостов пошли необязательные. И вот встает высокий, статный, с греческим профилем осетин и говорит: «Теперь давайте поднимем бокалы за нашего Виталия Калоева, который добился торжества справедливости, наказав виновного!» У меня автоматически открылся рот и стакан выпал из руки. К счастью, мне удалось его поймать, а то по местному строгому этикету, может быть, что-нибудь бы да и вышло... Конечно, осетины очень гостеприимны, добры, последнюю рубаху отдадут. Но в случае чего... Горцы есть горцы. Нравы суровые.

Главный храм Дигоры освящен, естественно, в честь Георгия Победоносца. Перед храмом – «Аллея Славы» с бюстами знаменных дигорцев всех времен

Дигора. Мемориал павшим в Великую Отечественную войну. Оборванные струны арфы символизируют оборванные жизни

Чертов мост и собака-озеро

«У нас принято мирить семьи, если, не дай бог, произошло несчастье по вине кого-то из той или иной фамилии, – пыталась смягчить мое впечатление от последнего тоста Лариса, когда мы уже покинули трапезную. – И не важно, нарочно был убит человек или случайно. После того как виновная сторона получит разрешение от родителей погибшего на примирение, собираются старшие мужчины из обеих фамилий и ищут пути примирения. Потом семья виновного, родственники, соседи приходят к дому погибшего просить прощения за весь род,

даже если это был несчастный случай. А воля семьи погибшего простить или не простить. Возможно, если бы в свое время швейцарская сторона вовремя попросила прощения у родственников погибших, диспетчер остался бы жив. Кровной мести, когда за погибшего убивали кого-то из семьи убившего, пусть даже невинного, у нас давно нет, а вот самосуд, к сожалению, иногда устраивают. Впрочем, такое происходит не только на Кавказе».

Рядом со святынищем, где мы остановились, проходит очень узкий и глубокий Урухский каньон, похожий на трещину в земной коре после землетрясения. Почему мост

через этот каньон называют Чертовым, узнать так и не удалось, но в старину путники, проходившие через ущелье, должны были помолиться и попросить у святого Георгия защиты и покровительства. Считалось, что без этого пройти через страшное ущелье невозможно.

У осетинского христианства много и других особенностей. Например, Николай Угодник, как покровитель путешественников, так же высоко чтим осетинами, по местным поверьям, является помощником Уасгергия и сопровождает его в качестве... орла. Местные предания о житиях святых вряд ли можно назвать православными, зачастую они вообще с трудом поддаются пониманию. Например, одно из самых известных преданий рассказывает, как святой Георгий жил на одной из окрестных гор и охранял соленое озеро. А когда уходил для молитвы в часовню, поручал стеречь озеро своему орлу—святому Николаю. Однажды Уасгергий возвращается домой и не видит озера. Спрашивает святого Николая: «Где же озеро?» «Не знаю, — ответил нерадивый стражник, — ничего не было, видел только, что пробежала какая-то белая собака». «Эх, — огорчился Уасгергий, — эта собака и было озеро».

Поймал себя на мысли, что такого странного смешения христианства с язычеством еще в жизни не видел. Конечно, и у других христианских народов Кавказа есть свои дохристианские традиции. Например, у тех же абхазов. Но они все-таки существуют обособленно. Здесь же все слито воедино.

У «Трех сестер»

Дорога уперлась в горы. Мы оказались в курортном месте Дзинага. Здесь природа дарит буйство красок. Далеко в небе нависает ледник, от которого извивающимися лентами спускаются три водопада. Рассказывают, что водопады эти возникли чудесным образом, когда во время нападения персов три сестры рода Седановых помогали обороныющимся в крепости, принося им через тайный ход питьевую воду. В итоге сестер поймали, но они не открыли тайну хода.

Старая фамильная сторожевая башня на реке Урздон

Одна из «Трех сестер» — водопадов, стекающих с ледника в Дзинаге

Девушек казнили, и в тот же миг гора раскололась, погребя под своими глыбами захватчиков. А из расселины потекли три водопада, которые до сих пор называют «Три сестры».

Чтобы узнать, где начинается тропа к водопадам, пришлось пройти еще один осетинский ритуал. Улыбчивый дядя Стас, отдыхающий в железной бытовке у леса, согласился показать нам дорогу только после... положенного тоста и строго следил, чтобы выпивалось все до дна. ...Гул водопадов перекликался с глухим треском ледника, словно гора разговаривала могучим басом. Облако медленно опустилось сверху,

будто прошло сквозь нас и застыло под ногами. От увиденного улетучились последние остатки хмеля...

Почему же этот край таких фантастических гор является дотационным регионом, а с прилагательным «осетинский» укоренилось существительное «спирт», который здесь производят как легально на двух десятках заводов во Владикавказе и Беслане, так и подпольно? Вот же он, настоящий альпийский курорт... А может быть, и гораздо интереснее любого альпийского. Когда же настанет то время, когда за комфортным и безопасным отдыхом в горах больше не будут летать в Швейцарию?..

Павел Васильев

АРХИВИСТЫ – СЫЩИКИ

Иной раз, в нашей комнатке на пять человек, из угла, от окошка, звучал короткий смешок. Это Володька Башилов находил новый «какт без комментариев».

К ПРИМЕРУ, ТАКОЙ: «Мы, Кувшинов, Борисов и Лукьянов, имея трактир без права продажи крепких напитков, обслуживающий исключительно рабочий люд, покорнейше просим Совет Р. и К. Депутатов разрешить нам поставить в помещении трактира два биллиарда, так как, приходя после трудового рабочего дня, местные рабочие желали бы иметь хотя бы это маленько развлечения. Питаем надежду, что Совет как орган, стоящий на защите рабочего класса, разрешит нам в просимом. 8.3.1918 г.»... Как говорится, стилистика и орфография документа сохранены.

Эта невинная забава по собираанию «кактов» добавляла перца в нашу архивную жизнь. И приносила дивиденды в виде гонорара от газеты «Советский патриот», или «Совпатр», как мы ее называли.

Володька был веселым и предприимчивым человеком. Именно он наладил контакты с разными изданиями, желающими получить нечто «горяченькое» из прошлой жизни. И мы с удовольствием рылись в документах, обнаруживая то первые сценарии отечественного кино, то признания московской проститутки, то цены на товары первой необходимости за 1924 год.

Володька говорил: «Мы кто? Мы – архивисты-сыщики... Попивая архивный чай, мы должны нести людям радость прикосновения... Из пыли веков мы достаем фактики,

фактики, незабудочки... Мы их отряхиваем, лелеем... Не правда ли, Галина Алексеевна?»

Наша заведующая отделом улыбалась в ответ. Галина Алексеевна и сама сотрудничала с прессой, вот уже второй месяц она подбирала материалы для журнала «Москва». И на наши факультативные потуги смотрела сквозь пальцы.

Володька успевал писать диссертацию на железнодорожно-революционную тему, встречаясь со старыми большевиками, приводить к нам новых свидетелей по делам Есенина, Маяковского, Шолохова, Фадеева.

Еще он наладил архивные шахматы с 16.00 до 16.30. В это время объявлялся учрежденческий перерыв на чай. И мы быстренько расставляли фигуры.

За шахматами, обсудив вчерашнюю прессу, Володька не уставал напоминать:

– Идут смутные времена... Идут на долго. Смутные времена для нашей страны – не новость. Все уже было... Рубеж XVI–XVII веков... Рубеж XIX–XX... Где скрывается почтенный человек на Руси? В монастырях, разумеется. А что такое – перестройка? По сути своей, это новое смутное время. Где скрываться почтенному человеку? Почтенный человек не собирается ускользнуть и не намерен перестраиваться... Почтенный человек не суетится, как зяблики. Где скрываться этому бедолаге на рубеже горбачевско-ельцинских передряг?

Теперь функцию монастырей взяли на себя архивы. Так что мы на правильном месте сидим, дорогие товарищи... Где же еще должен сидеть почтенный человек, когда рушатся основы? Только в архиве. Шах!

Я угодил в архив после двухмесячной безработной жизни. В одноклассье уйдя из школы, я довольно быстро обнаружил, как трудно найти работу бывшему учителю истории и обществоведения.

Тем более действовал я примитивно и глупо. Я хотел получить хорошее место без связей, знакомств и телефонных договоренностей. Я был человеком с улицы. Но не понимал этого. Мне казалось, что при первой встрече все поймут, какой я умный, хороший и честный...

В издательстве «Просвещение» меня приняли как родного... Еще бы! Десять лет школьного стажа... Подвиг! Но мест в издательстве не было. Правда, мне предложили изготавливать внутренние рецензии на новые историко-просвещенные труды.

На Калужской площади высится Центральная детская библиотека. Я зашел прямо к заведующей. Объяснил ситуацию. Коротко рассказал о себе. Заведующая сказала:

— У нас есть одно место. В отделе дружбы народов сотрудница ушла в декретный отпуск. Но я не думаю, что вам оно подойдет. Оклад небольшой, а работы много. Это ведь важный участок формирования личности...

Я сказал, что формирование личности напрямую касалось меня долгие годы. И добавил, что не подведу. Что люблю книги. В том числе книги братских народов.

— Ну, посмотрим... — сказала заведующая. — Приходите завтра. К девяти утра.

За пять дней в мой кабинет, он же важный участок, не заглянула ни одна живая душа...

Что там читатели...

Коллеги и те игнорировали литературу братских республик!

Маяться без дела с девяти утра до шести вечера было невозможно! Да еще в полном одиночестве.

Я снова пришел к заведующей и попросил вернуть трудовую книжку.

— Вы не требуете оплаты за пять рабочих дней? — спросила заведующая. — Записей в книжку я пока не вносила...

Я ничего не требовал. Я только поблагодарил, взял книжку и распрощался...

Однажды мне удалось проникнуть в редакцию газеты «Советская Россия». Уж и не помню, при каких обстоятельствах... Но кто-то ведь заказал мне пропуск...

Благоухающий редактор отдела культуры курил трубку, как Сименон. Моему предложению он благородно удивился. И немедленно указал мне мое место.

— Что значит, писать о театре и кино? Вы что же, вхожи за кулисы? Рассматриваете знакомыми в этой среде? Ах, не вхожи... Не располагаете... Так какого же черта вы решили, что имеете право что-то писать на такую возвышенную тему? Любите театр? Не запрещаю! Любите. И кино любите, молодой человек... А говорить о нем позвольте профессионалам. И дядя барственno пыхнул трубкой, указывая, что разговор окончен.

Дело пошло. Гонорары, причем хорошие, я получал по почте. Иногда звонили домой незнакомые авторы. Просили их похвалить.

— Но я еще не получил вашей рукописи...

— Да зачем вам рукопись... Вы похвалите подход к проблеме. Отметьте актуальность темы. Укажите на привлечение новых источников... Вот что главное в моем труде... Что вас учит? К сожалению, рукописей было не очень много. Да и без постоянного места оказалось трудно. Я чувствовал себя иждивенцем, уклонистом, лодырем... И это после десяти школьных лет...

Втайне мне очень хотелось работать в газете. Я чувствовал, что это мое. Я знал, что надвигающееся время поставит газетки и журнальчики на новую высоту. Всему этому нас учили в вузе. На примере иных, далеких и чужих стран. А теперь эти примеры вдруг пришли и в мою страну...

Я пошел в редакцию популярного журнала «Студенческий меридиан».

Рассказал, как мне нравится журнал и как я хочу поработать в нем. На меня посмотрели как на идиота. Но сохранили вежливость. Даже предложили написать рецензию в виде читательского отклика: «Чем мне нравится СТМ?»

Я написал. Рецензию опубликовали в разделе писем. Гонорар был 22 рубля 50 копеек.

Тогда я пошел на студию «Диафильм». Студия располагалась в здании бывшего костела... Веселый человек в свитере сообщил:

— Вы же в школе работали. Значит, вы знаете, как в диафильме мало текста и как много картинок. Так?

— Так...

— Вот почему авторов текстов у нас целая очередь. Вот если бы вы рисовали... Вы не рисуете?

...Что было делать? Я уж прикидывал работу в булочной... На разгрузке хлеба. Иногда, средиочных метаний, задумывался: не вернуться ли в школу? Но утром эти мысли исчезали... Библиотека?

С тех пор я терпеть не могу эту длинную и кривую улицу Правды... Дома я обрушивал на жену гневные монологи о несправедливости мира... Жена их стойко выдерживала. Она работала воспитательницей в детском саду, и терпения ей было не занимать. В мой адрес не раздалось ни одного упрека. Фактически мы жили на ее зарплату.

Как всегда, выручил родной исторический факультет! Братство, которое еще существовало...

Я позвонил сокурснику Юре. Юра с успехом ваял романы и повести из интимной жизни первых Рюриковичей...

К одному такому интиму я когда-то состряпал благожелательную рецензию.

Мы встретились в редакции журнала «Молодая гвардия». И Юра мне кое-что объяснил. А главное, вывел в люди. Предложил путевку в новую жизнь...

Юра сказал:

— Пойми, теперь все просто... Нужны только те, кто встанет под стяг... Вербовка сторонников идет полным ходом. Ты либо за тех, либо за этих... Если ты сам по себе, ты лишний... Какой выход? Выход — прятаться в прошлое. Если ты, конечно, не собираешься участвовать в этом переделе. Ты не собираешься?

— Конечно, не собираюсь. Я...

— Погоди. Послушай... С нашим образованием теперь... Очень многое можно. Но не торопись... Осмотреться надо. Зря, что ли, Шура Балакирев в Музее Революции осел? А Володька Башилов, он тоже наш, позже окончил, в архиве? Это же вроде окопа... Можно переждать, осмотреться... Ты же футбол любил... Спортивная журналистика — беспроигрышный вариант. Минимум политики и всегда на полосе. Подумай. И Володьке позвони... У него, кажется, есть местечко. Дать телефон?

— Конечно!

— Записывай...

И стал я археографом первой категории. А также архивистом-сыщиком. А также человеком из окопа. После школы мне показалось, что я попал в рай...

Тишина. Милиционер на входе. Ковры. Манускрипты. Ежевечерний

чай, прямо как в Англии. Обсуждение свежей прессы. Благожелательные, интеллигентные люди... Красота!

Когда меня спросили об отпуске, я даже удивился... Тут еще и отпуск бывает...

Наш отдел выполнял заказы предприятий и организаций. Выискивал по их просьбе какие-то имущественные документы, справки, приказы... Отвод земельного участка спорткомплексу «Лужники»... Передача дома такого-то в ведение района сякого-то... Но были запросы поинтереснее.

Мой первый запрос был такой. В архив обратились китайские товарищи. Их интересовали прачечные Москвы 20-х годов. В этих прачечных работали представители китайского пролетариата. При НЭПе китайцы стали владельцами прачечных. Потом они куда-то исчезли...

Требовалось составить справочку о масштабах, численности, мощности предприятий. И я целый месяц рыл прачечные с китайским элементом. И выдал трактат, используя обороты лексики тех лет. Обороты попадались попутно. Китайские товарищи горячо благодарили, а я теперь занимался именно историческими описаниями — нужными, большими и не требующими суэты. К тому же эти исследования приносили архиву какие-то деньги, кругом внедрялся хозрасчет.

К столетию табачной фабрики «Дукат» я составил целый реферат. И получил немалое удовольствие от знакомства с фондом. Там было полно интересных материалов. Выезжал и на фабрику — знакомиться с документами последних лет. Получил блок сигарет в подарок. Потом пошло... 60 лет маргариновому заводу, 50 лет фабрике-кухне «Хозяюшка»...

Должным образом оформленные исторические юбилейные справки приносили работникам предприятий премии. Так что дело было благое. Во всех смыслах. Я всегда мог сказать, что еду изучать документацию завода и... исчезнуть часа в два. Долгое сидение в архиве, я заметил, действовало угрожающее. Даже срав-

нительно молодые дамы начинали вдруг мелко трясти головой... Окна практически отсутствовали, единицы хранения, казалось, съедали кислород.

— Надо чаще стряхивать пыль с ушей! — вешал Володя Башилов. — А то у нас дамы даже обедать ходят в банку, совсем себя не берегут.

Под «банкой» Володя понимал принесенные из дома перекусы. Мы зато при любой возможности покидали здание. Мы обедали в «Рельсе» — столовке метрополитена, навещали «Гипс» — буфет Комбината скульпторов, где пекли вкусные булочки, отправлялись в «Гном» — маленькую чебуречную в черемушкинских закоулках...

Но самым любезным делом была, конечно, поездка за гонораром. «Совпатр» располагался на Петровке, прямо напротив модного кафе «Марика». На полученные 10–12 рублей мы скромно кутили. Бокал шампанского, бутерброд с красной икрой, кусок торта, кофе на песке...

— Архивисты-сыщики тоже имеют свои маленькие слабости, — сообщал Башилов, разглядывая симпатичных девушек. — Они имеют полное право элегантно стряхнуть архивную пыль с ушей.

...Выполняя Юрин наказ, я внимательно изучал спортивную прессу... Авторы не отличались богатством языка и избытком образования...

В газете «Московский железнодорожник» однажды освободилась должность спортивного обозревателя. Точнее, должности как раз не было, но было постоянное место на полосе.

И я застолбил его за собой, отсидевшись в архивном окопе. Редакция принимала на Каланчевке...

Маленький, но могучий «Московский железнодорожник» пришел на смену «Советскому патриоту», «Кировскому вестнику», «Просвещению», «Студенческому меридиану», «Советской России»...

Меня ждала спортивная нива... Футбольная многообещающая страда... Архивный год, как теперь выяснилось, определил мою жизнь на двадцать лет вперед.

Благословенный архив, кланяюсь и благодарю...